

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 1 (25)

Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год

Москва
2017

VESTNIK
MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES
LEGAL SCIENCES

№ 1 (25)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д.А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
<i>Северухин В.А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР
<i>Борисова Н.Е.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Ефимова О.В.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Ростокинский А.В.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Ситдикова Л.Б.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Пряхина Т.М.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Чурилов С.Н.</i>	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
<i>Безносикова О.И.</i>	ответственный редактор Юридического института ГАОУ ВО МГПУ

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею А.И. Кривенького 8

Права человека: теория и практика реализации

Николаев А.И. Права человека в условиях информационного общества 10

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

Дорская А.А. Реализация вероисповедного законодательства в Северо-Западном крае Российской империи (на примере деятельности М.Н. Муравьева) 15

Честнов И.Л. Постклассическая теория правонарушаемости..... 25

Публичное право

Гуринская А.Л. Механизмы предупреждения преступлений в Великобритании: судебные предписания о прекращении антиобщественного поведения 31

Куксин И.Н., Азнагулова Г.М. Теоретико-методологические вопросы взаимосвязи правовой и политической систем общества 41

Топоркова М.К. Административное судопроизводство: новое о старом..... 46

Чурилов С.Н. Интерпретация общего предмета доказывания применительно к особенностям расследования конкретного вида преступлений 53

Яшин А.В. Причины и условия совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства..... 61

Частное право

Маньшин С.В. Преимущественное право покупки комнаты в коммунальной квартире: соотношение теории и судебной практики 70

Орлова И.А. Правозащитная юрисдикция в международном частном праве..... 78

Трибуна молодых ученых

<i>Калмыкова А.Д.</i> Политические партии как институт гражданского общества	87
<i>Ткаченко С.А.</i> Интеграция и наднационализм: правовая форма на региональном уровне.....	92

Критика. Рецензии. Библиография

<i>Крупеня Е.М.</i> Отзыв о диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата юридических наук И.О. Коноваловой «Механизм действия частного права: проблемные вопросы теории» (М.: РУДН, 2016. 188 с.)	103
<i>Чернявский А.Г.</i> Рецензия на монографию доктора юридических наук, профессора Д.А. Пашенцева «Правовые традиции России в условиях глобализации» (М.: Юркомпани, 2016. 107 с.).....	109
<i>Яровая М.В.</i> Рецензия на монографию кандидата юридических наук, профессора В.А. Северухина «Российская государственность: современные проблемы и перспективы (правовые аспекты)» (М.: МГПУ, 2016. 116 с.)	112

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки», 2017, № 1 (25).....

115

Требования к оформлению статей.....

119

CONTENTS

Devoted to the Jubilee of A.I. Krivenkiy..... 8

Human Rights: Theory and Practice of Realisation

Nikolaev A.I. Human Rights in the Information Society..... 10

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

Dorskaya A.A. The Implementation of Religious Law in the North-West Region of the Russian Empire (Using the Example of M.N. Muravyov).... 15

Chestnov I.L. Post-Classical Theory of Law Violation..... 25

Public Law

Gurinskaya A.L. The Mechanisms of Prevention of Crimes in the UK: Court Orders about the Termination of Anti-Social Behavior..... 31

Kuksin I.N., Ismagulova G.M. Theoretical and Methodological Issues of the Relationship of Legal and Political Systems of Society..... 41

Toporkova M.K. Administrative Proceedings: the New about the Old..... 46

Churilov S.N. Interpretation of the General Subject of Proof in Relation to the Peculiarities of the Investigation of the Particular Type of Crimes ... 53

Yashin A.V. The Causes and Conditions of Committing Crimes Contrary to the Participants in Criminal Proceedings 61

Private Law

Manshin S.V. Prerogative Right of Purchasing a Room in a Shared Apartment: the Relationship between Theory and Judicial Practice 70

Orlova I.A. The Human Rights Jurisdiction in International Private Law 78

Tribune of Young Scientists

<i>Kalmykova A.D.</i> Political Parties as an Institution of Civil Society	87
<i>Tkachenko S.A.</i> Integration over Nationalism: the Legal Form at the Regional Level.....	92

Critical Survey. Reviews. Bibliography

<i>Krupenya E.M.</i> The Review about the thesis for the degree of PhD in Law by I.O. Konovalova, «The Mechanism of Action of Private Law: Topical Issues of Theory» (M.: Peoples' Friendship University, 2016. 188 p.).....	103
<i>Cherniavsky A.G.</i> The Review about the Monograph by Grand PhD in Law, Professor D.A. Pashentsev «Legal Russian Traditions in the Context of Globalization» (M.: Yurkompani, 2016. 107 p.).	109
<i>Yarovaya M.V.</i> The Review about the Monograph by PhD in Law, Professor V.A. Severukhin «Russian Statehood: Modern Problems and Prospects (Legal Aspects)» (M.: Moscow City University, 2016. 116 p.).....	112

Authors of «Vestnik of Moscow City University», Series of «Legal Sciences», 2017, № 1 (25).....	115
--	------------

Style Sheet.....	119
-------------------------	------------

К ЮБИЛЕЮ А.И. КРИВЕНЬКОГО



Кривенький Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, почетный работник высшего профессионального образования, заведующий кафедрой международного права и прав человека Юридического института МГПУ.

Александр Ивановичу исполнилось 80 лет! Даже в исторической ретроспективе это довольно значимый период времени, целая эпоха в жизни нашей страны. Для юбиляра это время стало периодом творческих поисков, успехов и свершений, моментов радости и сомнений.

Александр Иванович Кривенький родился в украинском селе Комиссаровка Днепропетровской области. В детстве на его долю выпали

испытания, связанные с немецкой оккупацией, а потом — голодным временем послевоенной разрухи. Окончив горный техникум, Александр Иванович стал мастером на буровой в Перемышльской геолого-разведочной партии треста «Калугауглегеология». Потом была служба во флоте, где он, матрос-подводник, получил квалификацию классного радиотелеграфиста Военно-морского флота и был награжден почетными грамотами от командования.

В 1960 году уже в звании старшины Александр Иванович поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, где позднее, по окончании аспирантуры, защитил кандидатскую диссертацию. С того времени почти вся жизнь Александра Ивановича связана с высшими учебными заведениями, с преподавательской деятельностью. Он работал старшим преподавателем в Магнитогорском горно-металлургическом институте, а затем много лет доцентом в Высшей комсомольской школе (ВКШ) при ЦК ВЛКСМ. По поручению правления Всесоюзного общества «Знание» читал лекции по всему Советскому Союзу, преподавал в Высшей партийной школе. После защиты докторской диссертации Александр Иванович работал в должности профессора, а затем и заведующего кафедрой международного права в Московском государственном социальном университете. Позднее стал проректором по научной работе Московского государственного социально-гуманитарного института.

Где бы ни трудился Александр Иванович, его плодотворная деятельность отмечалась наградами и благодарностями. За заслуги в сфере научно-педагогической деятельности в 2007 году ему было присвоено звание почетного работника высшего профессионального образования РФ.

С 2010 года Александр Иванович заведует кафедрой международного права и прав человека Московского городского педагогического университета.

Благодаря высокому профессионализму, богатому жизненному опыту, удивительной способности к творческому общению со студентами Александр Иванович пользуется заслуженным авторитетом и неременным уважением среди многих поколений студентов и преподавателей — как отечественных, так и зарубежных. Об этом, например, говорит то, что он неоднократно, уже будучи преподавателем и доцентом, возглавлял студенческие стройотряды.

Наряду с преподавательской деятельностью, Александр Иванович ведет большую научную работу. Его перу принадлежат несколько сотен публикаций, среди которых — многочисленные статьи, монографии, доклады на международных и всероссийских научных конференциях. Только за последние годы Александр Иванович опубликовал пять монографий по отечественной истории и истории государства и права, а также два учебника и около десяти учебных пособий по международному публичному и международному частному праву. На страницах «Вестника МГПУ», а также других известных научных журналов была опубликована серия статей юбиляра по проблемам истории международного частного права.

Под руководством Александра Ивановича Кривенького подготовлены и успешно защищены семь диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

В 2015 году Александр Иванович избран действительным членом Международной академии глобальных исследований.

Коллеги неизменно отмечают такие черты характера Александра Ивановича, как оптимизм, жизнерадостность, обаяние и чувство юмора.

Коллектив Юридического института от всей души поздравляет Александра Ивановича с юбилеем, желает ему крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов!

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

А.И. Николаев

Права человека в условиях информационного общества

В статье рассматривается влияние процессов информатизации на права человека. Сделан вывод, что для обеспечения прав человека в условиях формирования информационного общества представляется важным наиболее полно гарантировать право граждан на информацию и создать механизмы его реализации, а также обеспечить информационную безопасность личности.

Ключевые слова: информация; информационное общество; права человека; государство; личность.

В современных условиях одним из наиболее значимых факторов, которые оказывают воздействие на развитие права и государства, выступает информатизация общества.

Право тесным образом связано с общественным развитием и его направлениями. Стремительный и все более набирающий силу процесс информатизации общества неизбежно затрагивает и правовую сферу, влияет на правотворчество и правоприменение. Формирование информационного общества меняет всю систему отношений государства и личности, что влечет за собой и изменение системы правового регулирования.

Права человека сегодня справедливо рассматриваются как основа системы взаимоотношений государства и личности, как тот фундамент, на котором строится вся модель правового регулирования. Это связано с ценностным содержанием прав человека, которые в этом отношении стоят на первом месте «среди всех ценностей нематериального характера» [1: с. 8].

Процессы информатизации, вектор которых направлен на формирование информационного общества, существенно меняют характер реализации прав человека.

Во-первых, процессы информатизации повышают объем различной информации, который получает каждый индивид. Как следствие, обладающие большим, чем прежде, объемом информации, граждане закономерно повышают

свои требования к государству, предъявляют все больше претензий к эффективности его деятельности, а также и к полноте реализации своих прав.

Во-вторых, в условиях информационного общества все нарушения в сфере прав человека становятся достоянием гласности, вызывают широкий общественный резонанс, их сложно скрыть от общественности. Таким образом, становится сложно совершать нарушения в области прав человека, не вызывая при этом общественное недовольство.

В-третьих, информационная открытость позволяет населению страны получать более полное представление о состоянии российского общества и деятельности органов государственной власти. Информатизация укрепляет эффективность общественного контроля за деятельностью органов власти на всех уровнях, способствует усилению борьбы с коррупцией, что объективно способствует более полной реализации прав человека.

Стоит отметить, что информатизация общества несет в себе не только положительные моменты в контексте соблюдения прав человека, но и определенные риски.

В условиях информационного общества государство тоже становится информационным. Государственные органы переходят на оказание услуг в электронной форме, расширяется использование электронного документооборота, формируется электронное правительство. Все эти процессы непосредственным образом влияют на права человека. В этих условиях для той части общества, которая не обладает минимально достаточным уровнем компьютерной грамотности, процессы информатизации взаимоотношений государства и личности создают проблемы, затрудняют реализацию прав и защиту законных интересов человека и гражданина [2: с. 112].

Процессы информатизации определяют необходимость изменения государственной стратегии в сфере защиты прав человека, как и в сфере правового регулирования в целом. Новое направление интересов государства связано с правовой регламентацией отношений в информационной сфере, где также остро стоит вопрос о соблюдении прав человека. Необходимость более пристального внимания к такой регламентации определяется как общим процессом увеличения роли информации в жизни современного общества, так и нарастающими возможностями получения за счет формируемых технологий существенных преимуществ в образовании, медицинском обслуживании, социальной сфере, науке, экономике, технике, в вопросах государственного управления и местного самоуправления [3: с. 63].

В контексте рассматриваемых вопросов представляется очень важной проблема достижения «информационного равенства», создания комфортной, благоприятной для населения страны информационной среды в условиях соблюдения требований информационной безопасности. Только в этом случае можно будет говорить об успешном выстраивании новой системы отношений между государством и личностью, о выходе на новый уровень как защищенности, так и реализации прав и свобод человека и гражданина.

Следует отметить, что информатизация порождает появление новых прав личности — тех, которые связаны с правом на информацию, а также с информационной безопасностью. В этом отношении мы можем говорить как об открывающихся новых возможностях, так и о новых рисках. В условиях информационного общества право на информацию неизбежно становится одним из важнейших для формирования правового статуса личности, для ее полноценного существования. В то же время все стороны жизни личности становятся более открытыми, сфера частной жизни сокращается, право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну переписки, иные подобные права поставлены под угрозу в силу содержания самих объективно происходящих процессов информатизации.

В целом можно говорить о том, что в условиях информатизации отношения государства, общества и личности выходят на качественно новый этап. Насколько существующее правовое регулирование соответствует этому этапу, соответствует новым задачам, которые стоят перед всеми субъектами общественных отношений? От ответа на этот вопрос зависят и перспективы каких-либо улучшений в соблюдении прав и свобод человека и гражданина.

О том, что государство осознает важность своего направляющего воздействия на процессы, связанные с формированием информационного общества, свидетельствует принятие соответствующей программы.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации была утверждена Президентом Российской Федерации 07.02.2008¹. В качестве одной из задач этот документ называет совершенствование системы государственных гарантий конституционных прав человека и гражданина в информационной сфере. В Стратегии закреплено, что в области совершенствования системы государственных гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в информационной сфере основным направлением является развитие законодательных механизмов. Тем самым подчеркивается роль права в реализации прав и свобод человека и гражданина, в том числе в информационной сфере.

Важное значение для соблюдения прав человека имеют и некоторые другие положения Стратегии, в том числе такие поставленные задачи, как повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления, взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти, качества и оперативности предоставления государственных услуг.

Еще одним важным документом в рассматриваемой сфере стала Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», которая была утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313². В настоящее время она действует в редакции от 21.10.2016.

¹ Российская газета. № 34. 16.02.2008.

² Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 17.06.2015) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”» // Собрание законодательства РФ от 05.05.2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.

Данная программа ориентирована на создание на всей территории страны современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, достижение опережающего роста российского рынка информационных и телекоммуникационных технологий, решение иных задач, связанных с процессами формирования информационного общества.

В программе закреплены основные принципы государственной политики в сфере региональной информатизации. Уже первый принцип говорит об использовании информационных технологий для решения приоритетных задач социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, совершенствования системы управления субъектами Российской Федерации, **обеспечения прав и свобод граждан** (выделено нами. — А.Н.).

Еще один принцип нацеливает на обеспечение прав граждан и организаций на доступ к создаваемой информации.

Также представляется важным принцип обеспечения государственного и общественного контроля за деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации по сбору и хранению информации, а также по организации доступа к ней.

Программа предусматривает достижение такого уровня развития технологий защиты информации, который обеспечивал бы неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, безопасность информации ограниченного доступа.

Таким образом, мы видим, что в число стратегических задач российского правительства в информационной сфере попали важные для нашего исследования вопросы: обеспечение прав и свобод граждан, обеспечение права граждан на доступ к информации, информационная безопасность частной жизни, личной и семейной тайны.

Правительство России особое внимание обращает на региональную информатизацию. Об этом говорит принятие специального документа — «Концепции региональной информатизации»³.

В качестве одной из основных целей региональной информатизации данный документ называет повышение качества жизни граждан за счет использования информационных и телекоммуникационных технологий.

Среди основных задач Концепции привлекают внимание положения о повышении качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг, а также вопросы повышения доступности для граждан информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Объективный процесс информатизации влечет за собой формирование информационного общества, что определяет складывание новой системы взаимоотношений государства и личности.

³ Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2014 № 2769-р «Об утверждении Концепции региональной информатизации» // Собрание законодательства РФ. № 2. 12.01.2015. Ст. 544.

2. Формирование информационного общества определяет появление новых механизмов защиты и реализации прав и свобод человека и гражданина.

3. В России принят ряд важных государственных документов, которые направлены на более широкое использование информационных технологий в сфере государственного управления и предоставления государственных услуг населению, на повышение открытости в деятельности власти.

4. Для обеспечения прав человека в условиях формирования информационного общества представляется важным, с одной стороны, наиболее полно гарантировать право граждан на информацию и создать механизмы его реализации, с другой стороны, обеспечить информационную безопасность личности.

Литература

1. *Игнатъева М.В.* Формирование российской традиции защиты прав человека в контексте участия России в международных организациях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2016. № 2. С. 8–15.

2. *Николаев А.И.* Государственно-правовые аспекты становления информационного общества в Российской Федерации // Российское государственное управление. 2016. № 1. С. 111–117.

3. *Пашенцев Д.А., Чеботарев В.Е., Шкурко Н.М.* Современные электронные средства информации: правовые и психологические проблемы становления информационного общества в России // Юридический мир. 2015. № 8. С. 62–67.

Literatura

1. *Ignat'eva M.V.* Formirovanie rossijskoj tradicii zashhity' prav cheloveka v kontekste uchastiya Rossii v mezhdunarodny'x organizacijax // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2016. № 2. S. 8–15.

2. *Nikolaev A.I.* Gosudarstvenno-pravovy'e aspekty' stanovleniya informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii // Rossijskoe gosudarstvovedenie. 2016. № 1. S. 111–117.

3. *Pashencev D.A., Chebotarev V.E., Shkurko N.M.* Sovremenny'e e'lektronny'e sredstva informacii: pravovy'e i psixologicheskie problemy' stanovleniya informacionnogo obshhestva v Rossii // Yuridicheskij mir. 2015. № 8. S. 62–67.

A.I. Nikolaev

Human Rights in the Information Society

The article deals with the influence of processes of information on human rights. It is concluded that to ensure human rights in the information society it is important to give better guarantees of the right of citizens to information and mechanisms of its implementation, as well as to ensure information security of the person.

Keywords: information; information society; human rights; state; personality.



**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

А.А. Дорская

**Реализация вероисповедного
законодательства в Северо-Западном
крае Российской империи (на примере
деятельности М.Н. Муравьева)**

В статье анализируются указы и циркуляры, регулировавшие особенности статуса различных вероисповеданий в Северо-Западном крае Российской империи. На примере деятельности М.Н. Муравьева характеризуется конфессиональная политика в Литве и Белоруссии в 1820–30-е и 1860-е гг. Показано значение польских восстаний в развитии вероисповедного законодательства.

Ключевые слова: вероисповедное законодательство; конфессия; конфессиональная политика; Северо-Западный край Российской империи; циркуляр; М.Н. Муравьев.

Конфессиональной политике Российской империи на современном этапе даются диаметрально противоположные оценки. Существуют как мнения, что главным принципом данной политики была веротерпимость [21: с. 209–212], так и характеристика империи как «тюрьмы народов» [16: с. 143]. Вместе с тем, все большее количество исследователей подчеркивают, что изучение вероисповедных вопросов требует не только конкретной привязки к конкретному историческому периоду и региону Российской империи, но и того потенциала, который позволил просуществовать такому огромному государству длительное время. «История государства и права нашей многонациональной страны, — писал еще в 1999 г. коллектив исследователей под руководством О.И. Чистякова, — есть история государственности и права многих народов, стоявших на разных ступенях развития. Исторические судьбы сложились так, что все они объединились вокруг русского народа, на долю которого выпала высокая миссия создать великое государство. Создание громадного государства, раскинувшегося на одной шестой земного шара, само по себе является великой заслугой русского народа. Оно обеспечило взаимообогащение культур, создало лучшие условия для их мирной жизни, обеспечило стабильность существования» [13: с. 29]. Именно поэтому данная

тема активно изучается зарубежными исследователями. Как отмечает японский ученый К. Мацузато, «политику Российской империи вообще нельзя исследовать ни через призму “тюрьмы народов”, ни с помощью биполярной схемы “угнетение – сопротивление”» [17: с. 28].

Северо-Западный край, включавший в XIX – начале XX веков шесть губерний (Витебскую, Виленскую, Ковенскую, Минскую, Могилевскую, Гродненскую), является интересным примером в силу целого ряда причин. На современном этапе конфессиональная политика Российской империи в данном регионе — это история России, Белоруссии и Литвы, а поэтому она касается на упомянутом этапе в том числе международных отношений. Кроме того, польские восстания 1830–1831 гг. и 1863 г., оказавшие огромное влияние на обстановку в Северо-Западном крае, заставляли российское правительство искать новые формы и способы решения вероисповедных вопросов.

В этой связи огромный интерес представляет деятельность Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866), жизнь которого оказалась непосредственно связана с данным регионом и которая по-разному оценивалась и оценивается как современниками, так и исследователями. Существует мнение, что М.Н. Муравьев — это человек, «сочетавший в своем лице Минина и Пожарского» [9: с. 3], благодаря которому два раза удалось в быстрый срок справиться с антирусскими восстаниями в северо-западных губерниях и сохранить целостность страны [20: с. 6]. Ему посвящали свои стихотворения Н.А. Некрасов и Ф.И. Тютчев. На современном этапе деятельность М.Н. Муравьева, особенно последний ее этап, представляет несомненный интерес с точки зрения изучения вопроса о критерии эффективности правовых реформ [19: с. 121–122], так как сам он считал, что все, что он делает, обусловлено необходимостью защиты «великих реформ». Однако существуют и совершенно другие мнения относительно его деятельности, в которых он предстает палачом и душителем национально-освободительного движения.

Государственная служба М.Н. Муравьева была весьма разнообразной и в целом успешной. Он был и военным, и губернатором нескольких губерний, и министром государственных имуществ, и членом Государственного совета, и имел особые поручения от императора.

Отношение к религии М.Н. Муравьева сформировалось в его семье. Он был глубоко верующим человеком и всегда с огромным уважением отзывался о своей матери Александре Михайловне, которая воспитала детей по религиозным канонам. Как отмечает Э.П. Федосова, религия являлась «органической основой ее жизни и бытового поведения» [24: с. 27]. Брат М.Н. Муравьева — Андрей Николаевич — стал известным духовным писателем.

О М.Н. Муравьеве как проводнике конфессиональной политики Российского государства можно говорить применительно к его деятельности в Северо-Западном крае в 1827–1835 гг. и 1863–1866 гг.

Необходимо отметить, что, отправляясь в 1827 г. на должность вице-губернатора в Витебск, а уже через год на должность могилевского губернатора,

М.Н. Муравьев прочитал много книг, в том числе о вероисповедном вопросе, и был хорошо подготовлен. Полтора десятка книг он постоянно возил с собой. Его принципиальная позиция состояла в том, что Северо-Западный край исторически является русским и православным. Например, став виленским генерал-губернатором, М.Н. Муравьев приказал переиздать огромным тиражом сочинение Н.Н. Бантыш-Каменского «Историческое известие о возникшей в Польше унии» и повсеместно распространить его. В конце жизни он признавался, что изучал Северо-Западный край 40 лет [12: с. 5].

Конфессиональная политика, проводником которой на Северо-Западе Российской империи был М.Н. Муравьев, была различной по отношению к разным вероисповеданиям.

М.Н. Муравьев считал очень важным для Российского государства униатский вопрос. Как известно, в 1596 г. была заключена Брестская церковная уния между греко-католическим духовенством и властями Речи Посполитой, с одной стороны, и православными горожанами, духовенством и крестьянами, с другой. В результате в Северо-Западных районах Российской империи проживало немалое число униатов.

Уже в 1828 г. появились первые предпосылки к тому, чтобы на законодательном уровне отделить униатов от римско-католиков. Так, 8 июня 1828 г. вышел сенатский указ о переименовании Второго департамента римско-католической духовной коллегии в греко-униатскую духовную коллегию [2]. 17 октября 1828 г. последовал указ главноуправляющему духовными делами иностранных исповеданий о порядке выбора членов Греко-униатских духовных консисторий [3].

Будучи гродненским генерал-губернатором в 1831–1835 гг., М.Н. Муравьев начал всячески содействовать епископу Иосифу Семашко, который в то время был еще униатом, в деле восстановления иконостасов в униатских церквях.

12 октября 1834 г. он направил главноуправляющему делами иностранных исповеданий Д.Н. Блудову письмо, в котором настаивал на подчинении в административном смысле Униатской церкви Святейшему синоду, чтобы подготовить дальнейшее слияние униатов с Русской православной церковью [18: с. 5].

Воссоединение униатов с православной церковью состоялось на Полоцком соборе 1839 г. М.Н. Муравьева в это время уже не было в Северо-Западном крае. Но, безусловно, данное событие состоялось не без его участия.

Огромное внимание М.Н. Муравьев уделял римско-католикам, которых во Всеподданнейшей записке 1831 г. назвал «самым враждебным элементом Северо-Западного края» [15: с. 8], который нельзя привлечь на свою сторону благодеяниями.

Он подчеркивал, что правительственные меры не могут касаться обрядов религии, но настаивал на некоторых политических мероприятиях, направленных на уменьшение польско-католического влияния. В частности, он предлагал закрыть римско-католические монастыри и костелы, участвовавшие в восстании 1830–1831 гг., и конфисковать их имущество, запретить римско-католическому духовенству свободное перемещение по северо-западным губерниям,

а также провести расследование о законности постройки 304 римско-католических монастырей и костелов. В результате исследования вопроса был сделан вывод, что в Российской империи на один православный монастырь приходится 160 000 душ, а на римско-католический — 2567 душ [15: с. 10]. Это несоответствие привело к закрытию 191 монастыря и нескольких костелов [15: с. 8].

В этот период М.Н. Муравьева пытался неоднократно убить М. Шиманский, имевший обширные связи среди римско-католического духовенства, а также среди молодежи, воспитанной в римско-католических монастырях.

М.Н. Муравьев вернулся в Северо-Западный край в 1863 г., когда началось новое польское восстание. По словам князя Н.П. Мещерского, 9/10 жителей Петербурга было против его назначения [14: с. 8].

Михаил Николаевич считал, что в этот период «ополячивание» и «окатоличивание» населения осуществлялось даже больше, чем в 20–30-е гг. XIX века.

Также М.Н. Муравьев установил, какими способами римско-католики обходили законы 1819 [1], 1828 [4], 1831 [5] и 1836 [6] гг., запрещавшие постройки инославных и иноверных церквей и молитвенных домов без разрешения высшего губернского начальства и епархиального православного начальства.

Во-первых, использовалась следующая схема. Помещик, в имении которого проживало православное население, просил разрешения у римско-католических властей, губернатора или министра внутренних дел устроить домашний алтарь или каплицу для совершения поминовения усопших предков. Но по размеру построенная каплица напоминала костел. В результате только накануне восстания в Царстве Польском в Виленской губернии было выстроено 8 алтарей, 15 каплиц и 37 костелов. Во всем Северо-Западном крае насчитывалось 200 католических молитвенных домов.

Во-вторых, деньги на новые постройки и помощь мятежникам римско-католическое духовенство добывало за счет увеличения платы за совершение таинств. Например, в 1859 г. обряд венчания стоил 1 руб. 50 коп., а в 1864 г. — 7 руб. 50 коп., похороны соответственно — 1 руб. 50 коп. и 3 руб. и т. д. Деньги целенаправленно направлялись в Вильно [15: с. 11].

В-третьих, накануне восстания 1863 г. российское правительство пошло на ряд уступок: 6 января 1862 г. начальнику края поступил циркуляр, согласно которому для постройки иноверческой церкви стало достаточно получить разрешение гражданского начальства и министра внутренних дел, гражданским властям было запрещено проводить обыски в костелах, хотя именно в них в основном находились типографии и склады оружия.

При этом М.Н. Муравьев отвергал идею о том, что римско-католическое влияние в Северо-Западных губерниях может исчезнуть, хотя об этом ему неоднократно говорили религиозные деятели, в частности, архиепископ Минский Антоний Зубко, который был другом и сподвижником Иосифа Семашко, ставшего митрополитом Литовским [22: с. 8]. Он считал, что необходимо сделать «невидимыми» различия между литовцами и белорусами, православными, католиками и старообрядцами.

В 1863 г. римско-католический вопрос стал важнейшим в силу двух главных причин. Первая состояла в том, что 17 апреля 1863 г. Англия, Франция, Австрия, Испания, Португалия, Швеция, Нидерланды, Дания и Османская империя, а также папа Римский предъявили России дипломатическую ноту (ультиматум) с требованием изменить политику в польском вопросе, подразумевая границы Речи Посполитой 1772 г., и решить его на международном конгрессе. В противном случае они грозили Российской империи войной. Вторая причина заключалась в том, что в апреле того же 1863 г. подпольное правительство Польши издало Универсал о свободе совести, в котором всем вероисповеданиям гарантировались равенство и свобода. Правда, уже через две недели последовала прокламация о восстановлении Униатской церкви и о том, что для православных наступила «минута расплаты за их преступления» [10: с. 14].

М.Н. Муравьев был готов пойти на переговоры. Например, сохранилась записка Михаила Николаевича виленскому римско-католическому епископу Красинскому от 26 мая 1863 г., в которой Муравьев просил употребить все пастырское влияние для прекращения поддержки римско-католическим духовенством мятежников. Красинский заявил, что болен, и ответа не дал. Через некоторое время были казнены два ксендза, а Красинский выслан в Вятку, где провел 20 лет [23: с. 100].

В отношении римско-католического духовенства М.Н. Муравьев предпринял ряд мер. Он сослал 177 католических священников (только из Вильно были сосланы 92 человека), запретил посылать воспитанников в Варшавскую семинарию, и теперь они должны были учиться в Санкт-Петербургской духовной академии, в 1864 г. за участие в восстании закрыл 20 католических монастырей из 33 действующих, упразднил три католических общества (общество трезвости, общество винцентинок и общество госпожи Домбровской), стал подвергать проповеди цензуре, издал циркуляр, согласно которому с 15 марта 1865 г. католическое духовенство должно было вести переписку и выдавать метрики только на русском языке.

При этом М.Н. Муравьев был категорическим противником неискренних переходов из католицизма в православие. Так, в марте 1864 г. в Пружанском районе Гродненской губернии в православие перешло 338 католиков из числа местной шляхты, крестьян и мещан. Инициатором такого «перехода» был военный начальник г. Пружаны капитан Элис. Правда, потом некоторые новообращенные подали жалобы на принуждение их к переходу. М.Н. Муравьев уволил одного из станowych приставов за разгон протестовавшей толпы, а Элис получил замечание [24: с. 158].

М.Н. Муравьев мало касался вопроса об иудеях, хотя признавал, что среди городского населения они составляли значительную часть. В целом он придерживался официального мнения о том, что именно в отношении данной категории населения Российской империи религиозный вопрос наиболее пересекается с национальным [11: с. 27]. Михаил Николаевич всегда взывал к «верноподданнейшим чувствам» иудеев, хотя считал, что они тоже участвовали в финансировании восстания в Царстве Польском.

К старообрядцам М.Н. Муравьев относился очень лояльно. В Записке, поданной Александру II 14 мая 1864 г., он отмечал, что в интересах усмирения мятежа

и умиротворения края, необходимо заселять его русскими, в том числе старообрядцами. Это было связано, во-первых, с тем, что в апреле 1863 г. старообрядцы помогли правительству предотвратить захват восставшими крепости Динабург (Даугавпилс), во-вторых, Муравьев отмечал, что они никогда не сливаются с местным населением, являясь носителями русского языка, русских традиций и т. д. Поэтому 17 июня 1863 г. был издан циркуляр, запрещающий помещикам, у которых старообрядцы арендовали землю, выгонять их и повышать арендную плату более 3 руб. с десятины [24: с. 137]. Старообрядцы были освобождены из тюрем [8: с. 9].

М.Н. Муравьев разработал целую программу повышения роли православия, имевшего статус государственной религии Российской империи, в жизни Северо-Западного края, которая предусматривала: передачу римско-католических зданий православным; обновление православных церквей (например, только в Вильно М.Н. Муравьев отремонтировал четыре православных храма); передачу в подарок православных икон из других регионов России, для чего была проведена целая акция, прежде всего, среди знати (так, 8 ноября 1863 г. М.Н. Муравьев получил икону Архистратига Михаила, при которой было 80 подписей, в том числе Председателя Государственного совета графа Блудова [9: с. 13]); присылку нательных крестов, которые бесплатно распространялись среди населения; улучшение в два раза материального положения православного духовенства (насколько это было трудно доказывает тот факт, что обер-прокурор Святейшего синода А.П. Ахматов несколько раз не отвечал на письма М.Н. Муравьева, и последнему приходилось повторять просьбу); наделение духовенства землей; строительство казенных помещений для православных священников; предписание губернаторам следить за тем, чтобы их подчиненные регулярно посещали православные церкви, подавая пример; создание церковных советов, в которые входили 4–8 прихожан и священник; создание православных церковных братств; опубликование в «Вестнике Западного края» генеалогических таблиц, доказывающих, что практически у каждого панского рода в Белоруссии предки были не просто православными, но и архиереями Русской православной церкви. Кроме общих мер предусматривались еще и разовые. Так, к примеру, в 1864 г. М.Н. Муравьев предложил Совету Московского университета провести конкурс по написанию учебника русской истории с выяснением исторической русской и православной данности в Северо-Западном крае [15: с. 3].

Естественно, что описанные меры были связаны с теми чрезвычайными периодами, которые были вызваны польскими восстаниями. Как отмечает А.Ю. Бендин, после издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., Римско-католической церкви, например, были возвращены многие здания [7: с. 3–20].

Таким образом, реализация вероисповедного законодательства в Российской империи XIX века зависела от региона и конкретных обстоятельств, в частности, восстаний и мятежей. М.Н. Муравьев был одним из государственных деятелей, который, с одной стороны, четко придерживался формулировки Свода законов Российской империи о статусе Русской православной церкви

как «первенствующей и господствующей», но с другой — видел потенциал других вероисповеданий, стремился нивелировать религиозные различия как критерий разницы в статусе подданных. Его заслугой было то, что даже в период восстаний в Царстве Польском и Северо-Западном крае он не только подавлял мятежников, но и выстраивал программу повышения роли православного начала в жизни населения данного региона. Общеимперское законодательство конкретизировалось в различных частях Империи, в том числе с помощью издания циркуляров, которые являются важным источником в изучении конфессиональной политики, проводимой в России в XIX веке.

Литература

1. Синодский указ от 14 июля 1819 г. «О сделанном от Правительствующего Сената губернским правлениям, присоединенным от Польши губерний и Римско-католической Духовной коллегии предписании о непозволении первым самим собой строить Римско-католических и Греко-униатских церквей, а последней о неумножении сих церквей без надобности» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXXVI. № 27880. С. 284–286.

2. Сенатский указ от 8 июня 1828 г. с прописанием Именного повеления «О переименовании 2-го департамента Римско-католической духовной коллегии в Греко-униатскую духовную коллегию» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. III. № 2086. 616 с.

3. Именной указ от 17 октября 1828 г., данный состоящему в должности главоуправляющего делами инославных исповеданий «О порядке выбора членов в Греко-униатские духовные консистории и о составе их заседаний» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. III. № 2354. С. 914–916.

4. Сенатский указ от 19 октября 1828 г. «О распространении постановлений, запрещающих строить самовольно иноверческие церкви, и на строение каплиц» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. III. № 2358. С. 917–918.

5. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 8 октября 1831 г. «О воспреещении строить самовольно иноверческие церкви и каплицы» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. Т. VI. Отделение II. № 4858. С. 116–118.

6. Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 18 февраля 1836 г. «О преобразовании управления учреждений ордена Бонифратров» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. Т. XI. Отделение I. № 8882. С. 134–137.

7. Бендин А.Ю. Конфессиональная политика в Северо-Западном крае Российской империи: 1863–1914 годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2012. № 3. С. 3–20.

8. *Войт В.К.* Воспоминания о графе Михаиле Николаевиче Муравьеве. По случаю воздвигаемого ему памятника в г. Вильно (Рассказ очевидца). СПб.: Типография В.В. Комарова, 1898. 16 с.
9. *Воронцов Е.* Граф М.Н. Муравьев как нравственная личность. Минск: Типо-литография Соломонова, 1898. 16 с.
10. Воспоминания современников о Михаиле Николаевиче Муравьеве, графе Виленском / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 464 с.
11. *Иванова Н.Ю.* К вопросу о нарушении прав евреев в Российской империи второй половины XIX века (о неправомерном устранении от должности в местном самоуправлении) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 4. С. 27–36.
12. Из переписки гр. М.Н. Муравьева об улучшении материального быта православного духовенства в Северо-Западном крае (по поводу исполнившегося 25-летия). Вильно: Типография Св. Духовного Братства, 1899. 20 с.
13. История отечественного государства и права / под ред. проф. О.И. Чистякова. Ч. I. М.: Издательство БЕК, 1999. 360 с.
14. *Мещерский Н.П.* Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. М.: Товарищество Типо-литографии Владимир Чичерин в Москве, 1898. 11 с.
15. *Миловидов А.* Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае. Харьков: Типография губернского правления, 1900. 92 с.
16. *Михайлов В., Михайлова Н.* Была ли царская Россия «тюрьмой народов»? // Свободная мысль. 2013. № 6 (1642). С. 143–162.
17. *Леонтьева О.Б.* Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8–2 (99). С. 27–46.
18. *Орловский Е.* Граф М.Н. Муравьев как деятель над укреплением православной русской народности в Гродненской губернии 1831–1835 и 1863–1865 гг. Гродно: Губернская типография, 1898. 31 с.
19. *Пашенцев Д.А.* Разработка критериев результативности правовых реформ в России в 59–70-е гг. XIX в. // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3 (70). С. 121–122.
20. Речь священника Антония Ивановича Пщолки, произнесенная при поминовении блаженной памяти г. Михаила Николаевича Муравьева на другой день после освящения обновленной Свято-Николаевской в г. Вильно церкви, 9 ноября 1866 г. Вильно: Типография О. Блюмовича, 1866. 11 с.
21. *Романовская Л.Р.* Веротерпимость как принцип государственной конфессиональной политики Российской империи // Инновации в государстве и праве России: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.В. Петров. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2008. С. 209–212.
22. Три докладных записки бывшего архиепископа Минского Антония Зубко графу М.Н. Муравьеву (1864 г.). Оттиск из Литовских епархиальных ведомостей. Вильно: Типография Св. Духовного Братства, 1901. 50 с.
23. *Турцевич А.* Краткий очерк жизни и деятельности графа М.Н. Муравьева // Воспоминания современников о Михаиле Николаевиче Муравьеве, графе Виленском / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 68–137.
24. *Федосова Э.П.* Граф М.Н. Муравьев-Виленский (1796–1866): жизнь на службе империи. М.: Институт российской истории РАН, 2015. 255 с.

Literatura

1. Sinodskij ukaz ot 14 iyulya 1819 g. «O sdelannom ot Pravitel'stvuyushhego Senata gubernskim pravleniyam, prisoedinenny'm ot Pol'shi gubernij i Rimsko-katolicheskoy Duxovnoj kollegii predpisanii o nepozvolenii pervy'm samim soboj stroit' Rimsko-katolicheskix i Greko-uniatskix cerkvej, a poslednej o neumnozhenii six cerkvej bez nadobnosti» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie I. SPb.: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1830. T. XXXVI. № 27880. S. 284–286.
2. Senatskij ukaz ot 8 iyunya 1828 g. s propisaniem Imennogo poveleniya «O pereimenovanii 2-go departamenta Rimsko-katolicheskoy duxovnoj kollegii v Greko-uniatskuyu duxovnyuyu kollegiyu» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. SPb.: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1830. T. III. № 2086. 616 s.
3. Imennoj ukaz ot 17 oktyabrya 1828 g., danny'j sostoyashhemu v dolzhnosti glavoupravlyayushhego delami inoslavny'x ispovedanij «O poryadke vy'bora chlenov v Greko-uniatskie duxovny'e konsistorii i o sostave ix zasedanij» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. SPb.: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1830. T. III. № 2354. S. 914–916.
4. Senatskij ukaz ot 19 oktyabrya 1828 g. «O rasprostranenii postanovlenij, zapreshhayushhix stroit' samovol'no inovercheskie cerkvi, i na stroenie kaplicz» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. SPb.: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1830. T. III. № 2358. S. 917–918.
5. Vy'sochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta ot 8 oktyabrya 1831 g. «O vospreshhenii stroit' samovol'no inovercheskie cerkvi i kapliczy» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. SPb.: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1832. T. VI. Otdelenie II. № 4858. S. 116–118.
6. Vy'sochajshe utverzhdennoe polozhenie Komiteta ministrov ot 18 fevralya 1836 g. «O preobrazovanii upravleniya uchrezhdenij ordena Bonifratrov» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. SPb.: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1832. T. XI. Otdelenie I. № 8882. S. 134–137.
7. *Bendin A.Yu.* Konfessional'naya politika v Severo-Zapadnom krae Rossijskoj imperii: 1863–1914 gody // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2012. № 3. S. 3–20.
8. *Vojt V.K.* Vospominaniya o grafe Mixaile Nikolaeviche Murav'eva. Po sluchayu vzdvigaemogo emu pamyatnika v g. Vil'no (Rasskaz ochevidcza). SPb.: Tipografiya V.V. Komarova, 1898. 16 s.
9. *Voronczov E.* Graf M.N. Murav'ev kak npravstvennaya lichnost'. Minsk: Tipo-litografiya Solomonova, 1898. 16 s.
10. Vospominaniya sovremennikov o Mixaile Nikolaeviche Murav'eva, grafe Vilenskom / otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russoj civilizacii, 2014. 464 s.
11. *Ivanova N.Yu.* K voprosu o narushenii prav evreev v Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX veka (o nepravomernom ustranении ot dolzhnosti v mestnom samoupravlenii) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 4. S. 27–36.
12. Iz perepiski gr. M.N. Murav'eva ob uluchshenii material'nogo byta pravoslavno-godoxovstva v Severo-Zapadnom krae (po povodu ispolnivshegosya 25-letiya). Vil'no: Tipografiya Sv. Duxovnog Bratstva, 1899. 20 s.
13. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava / pod red. prof. O.I. Chistyakova. Ch. I. M.: Izdatel'stvo BEK, 1999. 360 s.

14. *Meshherskij N.P.* Pamyati grafa Mixaila Nikolaevicha Murav'eva. M.: Tovari-shhestvo Tipo-litografii Vladimir Chicherin v Moskve, 1898. 11 s.

15. *Milovidov A.* Zaslugi grafa M.N. Murav'eva dlya Pravoslavnoj Cerkvi v Severo-Zapadnom krae. Xar'kov: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1900. 92 s.

16. *Mixajlov V., Mixajlova N.* By'la li czarskaya Rossiya «tyur'moj narodov»? // Svobodnaya my'sl'. 2013. № 6 (1642). S. 143–162.

17. *Leont'eva O.B.* Nacional'naya i konfessional'naya politika Rossijskoj imperii v sovremennoj istoriografii // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 8–2 (99). S. 27–46.

18. *Orlovskij E.* Graf M.N. Murav'ev kak deyatel' nad ukrepleniem pravoslavnoj rus-skoj narodnosti v Grodnenskoj gubernii 1831–1835 i 1863–1865 gg. Grodno: Gubernskaya tipografiya, 1898. 31 s.

19. Pashencev D.A. Razrabotka kriteriev rezul'tativnosti pravovyx reform v Rossii v 59–70-e gg. XIX v. // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2014. № 3 (70). S. 121–122.

20. Rech' svyashhennika Antoniya Ivanovicha Pshholki, proiznesennaya pri pomino-venii blazhennoj pamyati g. Mixaila Nikolaevicha Murav'eva na drugoj den' posle osvya-shheniya obnovlennoj Svyato-Nikolaevskoj v g. Vil'no cerkvi, 9 noyabrya 1866 g. Vil'no: Tipografiya O. Blyumovicha, 1866. 11 s.

21. *Romanovskaya L.R.* Veroterpimost' kak princip gosudarstvennoj konfessional'noj politiki Rossijskoj imperii // Innovacii v gosudarstve i prave Rossii: materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / otv. red. A.V. Petrov. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2008. S. 209–212.

22. Tri dokladny'x zapiski by'vshego arxiepiskopa Minskogo Antoniya Zubko grafu M.N. Murav'evu (1864 g.). Ottisk iz Litovskix eparxial'nyx vedomostej. Vil'no: Tipografiya Sv. Duxovnogo Bratstva, 1901. 50 s.

23. *Turcevich A.* Kratkij ocherk zhizni i deyatel'nosti grafa M.N. Murav'eva // Vospomi-naniya sovremennikov o Mixaile Nikolaeviche Murav'eve, grafe Vilenskom / otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 2014. S. 68–137.

24. *Fedosova E'.P.* Graf M.N. Murav'ev-Vilenskij (1796–1866): zhizn' na sluzhbe imperii. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2015. 255 s.

A.A. Dorskaya

The Implementation of Religious Law in the North-West Region of the Russian Empire (Using the Example of M.N. Muravyov)

The article analyzes the decrees and circulars governing the particular status of various religions in the North West region of the Russian Empire. Using the example of M.N. Muravyov's activities confessional policy in Lithuania and Belarus in 1820–30's and 1860's is characterized. The significance of the Polish uprisings in the development of religious law is shown.

Keywords: religious law; confession; confessional policy; North-West region of the Russian Empire; circular; M.N. Muravyov.

И.Л. Честнов

Постклассическая теория правонарушаемости

Автор статьи формулирует основы постклассической теории правонарушаемости. Правонарушаемость — это механизм воспроизводства правонарушений. Он включает конструирование правовых запретов, системы социального контроля, социальных факторов, выступающих причинами (условиями) правонарушаемости и само совершение правонарушений.

Ключевые слова: правонарушаемость; постклассическая теория; механизм правонарушаемости.

Правонарушаемость — сложное, многоаспектное явление, анализ которого предполагает применение постклассической методологии, в частности, принципа дополнительности при рассмотрении разных его сторон, аспектов. Так, чаще всего правонарушаемость отождествляется как совокупность правонарушений, совершенных (официально зарегистрированных в качестве таковых) на определенной территории за определенный промежуток времени. В этом определении уже скрывается несколько аспектов или сторон феномена правонарушаемости: совершение определенных деяний, их официальная регистрация властью, оценка (квалификация) власти. Одновременно (параллельно, как правило, но в согласии с официальной статистикой) существует восприятие обществом таких деяний. Ко всему прочему, правонарушаемость порождается (или обуславливается) социальными причинами, совершается людьми и причиняет, как считается, ущерб обществу (представляет угрозу его существованию, что выражается в категории общественной опасности).

Тем самым в феномене правонарушаемости, если его рассматривать диалектически (или диалогически), можно обнаружить такие противоположные моменты, как материальное и идеальное (психическое), генезис (динамику) и фиксированность (статическую), личность и структуру, действия и последствия и др. В этом проявляется *системность правонарушаемости как механизм ее воспроизведения*¹. *Он включает конструирование правовых запретов, системы социального контроля, социальных факторов, выступающих причинами (условиями) правонарушаемости и само совершение правонарушений.*

¹ Трактовка системности с позиций постклассической методологии — это механизм воспроизводства соответствующего социального явления. Она включает человека (людей), их действия и знаки (шире — ментальные или психические образования, процессы, например, социальные представления, установки и др.), которыми эти действия опосредуются [5: с. 379–515].

Рассмотрим диалектику некоторых из этих противоположных моментов правонарушаемости и механизм их «снятия» подробнее.

Правонарушаемость существует только тогда, когда проявляется в относительно массовых или повторяющихся действиях людей. Но этого мало. Для существования правонарушаемости как социального явления необходимо, чтобы эти действия были опосредованы знаковой формой — получили воплощение в словах, жестах, символах и т. д. Можно сказать по-другому: правонарушение (и правонарушаемость) существует, если об этом известно — зафиксировано компетентными правоохранительными органами, системой социального контроля (официальная правонарушаемость) и/или в общественном сознании (если речь идет о той части латентной правонарушаемости, когда, по мнению людей, правонарушения совершены, но остались вне системы официальной государственной регистрации). Ко всему прочему, знаковое опосредование со стороны лиц, совершающих правонарушения, — условие противоправности соответствующих деяний. Использование знаков входит в механизм воспроизводства правонарушаемости: с помощью знаков (ментально-психических явлений и процессов) конструируются правовые запреты, система социального контроля, осознаются причины правонарушаемости, включая их реализацию в совершении правонарушений, их интерпретация позволяет привлекать правонарушителя к ответственности. От того, как в общественном сознании воспринимается правонарушаемость и как это социальное представление конструируется властью, зависит система законодательства, система социального контроля, в том числе правоохранительных органов (их штатная численность, финансирование, эффективность), совершаемость правонарушений. По большому счету, одной из причин (факторов, обуславливающих) правонарушаемости как раз и является состояние общественного мнения, существующего исключительно в знаковой форме, социализирующего людей в данном социуме.

Диалектика причины и результата, которая пересекается с диалектикой личность/структура, состоит в том, что генезис правонарушаемости предполагает объективацию некоторых социальных факторов и процессов в социально значимые (оцениваемые властью именно так) последствия и преломление (интериоризацию) структуры в жизненный мир, ментальные и поведенческие практики личности. В этой связи представляется, что требует дальнейшего развития чрезвычайно важная и перспективная идея Д.А. Шестакова о том, что причинность² входит в понятие преступности (в нашем случае — в понятие правонарушаемости) [6]. В этой связи чрезвычайно плодотворным представляется анализ данной проблематики с позиций теории структуриации Э. Гидденса.

² В то же время стоит согласиться с мнением Ю.Д. Блувштейна и В.А. Добрынина о том, что «каузальное объяснение, вполне уместное в естественных науках, должно уступить свое место телеологическому пониманию в науках о поведении, включая, разумеется, криминологию. Только в рамках понимания, опирающегося на здравый смысл, мы можем рассчитывать на то что нам удастся установить способ задания определенных норм и целей как ценностей, пренебрежение которыми признается преступным и наказуемым в культуре данного общества, равно как и намерения людей, отвергающих такого рода ценности» [2: с. 200].

Структуризация, по Э. Гидденсу, — это процесс структурирования социальных отношений в пространстве и времени на основе принципа дуальности структуры. Последний представляет собой единство структуры как посредника и как продукта поведения, которое она непрерывно организует; «структуральные свойства социальных систем не существуют вне действия, а хронически подразумеваются в его производстве и воспроизводстве» [3: с. 498, с. 501]. «Субъектов деятельности и структуры, — утверждает английский социолог, — нельзя рассматривать как две независимые друг от друга категории; таким образом, речь в данном случае идет не о дуализме, а о дуальности (или двуединстве). В соответствии с представлениями о дуальности структуры, структуральные свойства социальной системы выступают и как средства производства социальной жизни в качестве продолжающейся деятельности и одновременно как результаты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью. Структура не является чем-то “внешним” по отношению к индивидам: будучи своего рода “отпечатками” в их памяти и проявляясь в социальной практике, она представляется скорее “внутренней”, нежели внешней (как это считал Дюркгейм) по отношению к их деятельности» [3: с. 70].

Дуальность структуры, в концепции Э. Гидденса, выступает диалектическим механизмом воспроизводства социальности, а значит, и правонарушаемости. Он пишет: «Дуальность структуры всегда является главным основанием преемственности социального воспроизводства во времени и пространстве. Это в свою очередь предполагает рефлексивный мониторинг деятелей в ходе повседневной социальной деятельности. Однако сознательность всегда ограничена. Поток действий непрерывно производит последствия, которые являются непреднамеренными, и эти непреднамеренные последствия могут также формировать новые условия действия посредством обратной связи. История человечества творится преднамеренной деятельностью, но не является преднамеренным проектом. Она постоянно ускользает от попыток повести ее по какому-то задуманному направлению. Однако подобные попытки постоянно предпринимаются людьми, которые действуют под угрозой и надеждой на то обстоятельство, что являются единственными созданиями, творящими собственную “историю”, — осознавая этот факт» [3: с. 72].

Исходя из приведенных положений, можно заметить, что многократно повторяющиеся действия людей, совершаемые в контексте исторических и социокультурных условий (социальных противоречий, проявляющихся в рассогласовании социальных статусов), выступают причиной их институционализации и реализуются в последующих действиях людей. Действие как «первичный произвол» (по терминологии П. Бурдьё) конструирует (или конституирует) социальную норму, в том числе и правовую, которая воспроизводится в последующих действиях — ментальных и поведенческих практиках. В этом смысле правонарушаемость как диалектическая категория есть механизм воспроизводства практик, которые с позиций институционализированных норм права (как с точки зрения законодательства, так и «живого права») квалифицируются системой

социального контроля, системой мер противодействия, как правонарушаемость. Следовательно, правонарушаемость как диалектическая (или диалогическая) система включает социальные факторы, воспроизводимые ментальными и поведенческими практиками людей, генезиса (причин и социального контроля, противодействия) тех образцов поведения, которые властью (в широком смысле этого слова), ориентированной (в той или иной степени) на формируемое ею общественное мнение, определяются с точки зрения оценки их последствий для социума как противоправные. В связи с вышеизложенным, принципиально важным представляется вопрос о *механизме конструирования правовых запретов*, выступающих основанием для квалификации некоторых практик как правонарушаемость.

Правонарушаемость с точки зрения современной девиантологии и криминологии конструируется законодателем, хотя и не по его произволу. Применительно к конструированию преступности об этом пишет Я.И. Гилинский: «Общество “конструирует” свои элементы на основе некоторых онтологических бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный вред, наносят *ущерб*, а потому *негативно* воспринимаются и *оцениваются* другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний *не* причиняют вреда другим, а значит, криминализированы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые “преступления без жертв”, к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта» [4: с. 41–42].

Сконструированность, а не данность социального мира и правонарушаемости в том числе свидетельствует о том, что все, что нас окружает, в том числе и негативно оцениваемые деяния и их последствия, — продукт активности людей, а не объективная данность природы вещей или Божественный Промысел. Несомненно, активность человека обусловлена множеством факторов или обстоятельств, «сопротивлением структуры». И в этой связи возникает сложная проблема соотношения свободы в выборе варианта поведения и его (выбора) предопределенность. Во многих ситуациях для «экономии мышления» люди действуют в соответствии с идеализированными типизациями — стереотипами поведения в типичных ситуациях, достаточно подробно проанализированными А. Щюцем, П. Бергером, Т. Лукманом и другими представителями социальной феноменологии и социального конструктивизма. Несмотря на то что большинство преступлений совершается без предварительного калькулирования своих действий и их последствий, тем не менее человек может их осознать и продумать, иначе он не может быть квалифицирован как субъект права.

Кто и как конструирует правонарушаемость? Это делает власть, включая референтную группу, задающая образцы поведения, оцениваемого как противоправные, и народные массы, воспроизводящие их своей активностью как ментальной, так и поведенческой. При этом власть задает критерии

оценки для населения, манипулируя общественным сознанием — превращая единичное в социально значимое.

Любое действие (экстернализация — по терминологии П. Бергера и Т. Лукмана) совершается, конечно, людьми. Однако нормативную (или противоправную, оцениваемую так через некоторое время с позиций господствующей социальной группы) инновацию в состоянии продуцировать не любой человек, а правящая элита и (иногда — или) референтная группа. Именно они формируют первичный образец поведения, который может стать нормой, а может и нет. Это зависит от множества внешних факторов, интериоризируемых в массовое общественно сознание. Другими словами, превращение первичной инновации в норму обеспечивает ее (инновации) легитимация — принятие широкими народными массами. В силу трудно поддающегося расчета полезности (по терминологии неонституциональной экономической теории) для представителей разных социальных групп населения правовой инновации, ее легитимация обуславливается авторитетом правящей элиты и референтной группы.

Ключевым моментом, на наш взгляд, здесь является *оценивание* социальных деяний, явлений и процессов как *опасных, угрожающих обществу*. Социальность существует только через культурно опосредованные ментальные представления, включающие систему оценок, и практики людей. Поэтому объективность общественной опасности правонарушения — это оценка соответствующих деяний господствующей в социальной иерархии группы, которая выдает такую оценку за общезначимую универсальность³. Определение круга деяний как правонарушений зависит, по верному замечанию О.Н. Бибика, от «системы ценностей, сложившейся в соответствующей культуре» [1: с. 118], от соотношения (т. е. оценки) деяния с системой ценностей. Поэтому *нет правонарушений как таковых и, соответственно, общественной опасности как таковой, а есть деяния и явления, оцениваемые как правонарушения, опасные или угрожающие обществу в контексте данной культуры — с позиций доминирующей социальной группы, определяющей системы ценностей данного социума*.

Литература

1. Бибик О.Н. Введение в культурологию уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 352 с.

2. Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования. Минск: Изд-во Университетское, 1990. 207 с.

³ Объективность с позиций постклассической эпистемологии — это контекстуально обусловленная интерсубъективность: господствующие социальные представления о том, что существует независимо от воли, желания, знаний и поведения отдельно взятых людей. Такие социальные представления формируются господствующей социальной группой в идеологической борьбе с другими социальными группами и навязываются населению как истина в последней инстанции. Привилегированный социальный статус, добытый в борьбе за право номинации социального мира, дает возможность представителям соответствующей социальной группы выступать от имени общества, потенциально — «прогрессивного человечества».

3. *Гидденс Э.* Устройство общества: очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005. 528 с.

4. *Гилинский Я.И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр пресс, 2009. 504 с.

5. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012, 650 с.

6. *Шестаков Д.А.* Криминология: новые подходы к преступлению и преступности: криминогенные законы и криминологическое законодательство; противодействие преступности в изменяющемся мире: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр пресс, 2006. 561 с.

Literatura

1. *Bibik O.N.* Vvedenie v kul'turologiyu ugolovnoogo prava: monografiya. M.: Yurli-tinform, 2012. 352 s.

2. *Bluvshitejn Yu.D., Dobry'nin A.V.* Osnovaniya kriminologii: opy't logiko-filosofskogo issledovaniya. Minsk: Izd-vo Universitetskoe, 1990. 207 s.

3. *Giddens E'.* Ustroenie obshhestva: ocherk teorii strukturacii. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005. 528 с.

4. *Gilinskij Ya.I.* Kriminologiya: teoriya, istoriya, e'mpiricheskaya baza, social'ny'j kontrol'. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр пресс, 2009. 504 с.

5. *Chestnov I.L.* Postklassicheskaya teoriya prava. SPb.: Alef-Press, 2012, 650 s.

6. *Shestakov D.A.* Kriminologiya: novy'e podxody' k prestupleniyu i prestupnosti: kriminogenny'e zakony' i kriminologicheskoe zakonodatel'stvo; protivodejstvie prestupnosti v izmenyayushhemsya mire: uchebник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр пресс, 2006. 561 с.

I.L. Chestnov

Post-Classical Theory of Law Violation

The author formulates the foundations of post-classical theory of law violation. Law violation is a mechanism of offense reproduction. It includes the construction of legal prohibitions, social control, social factors acting as causes (conditions) of law violation and law violation itself.

Keywords: law violation; post-classical theory; mechanism of law violation.

А.Л. Гуринская

Механизмы предупреждения преступлений в Великобритании: судебные предписания о прекращении антиобщественного поведения

В статье рассматриваются судебные предписания (приказы) о прекращении антиобщественного поведения. Их задачей было предупреждение дальнейшего антиобщественного поведения (в том числе преступного) со стороны лиц, которые оценивались судом как потенциально опасные для общества. В последующие годы приказы были дополнены такими мерами, как судебные запреты, а содержащееся в них понятие антиобщественного поведения стало еще менее определенным, чем при первоначальном правовом регулировании.

Ключевые слова: предупреждение преступности; антиобщественное поведение; Великобритания; уголовная политика.

Эффективное предупреждение преступности в последние десятилетия становится основной задачей уголовной политики во многих странах мира. Сама идея о необходимости не только реагирования на уже свершившиеся деяния с помощью уголовно-правовых мер и системы уголовной юстиции, но и о предупреждении преступности не является новой — она восходит еще к идеям классической школы криминологии. Но предупреждение на современном этапе обладает рядом отличительных характеристик. Во-первых, момент начала предупредительных действий все сильнее сдвигается во времени — речь идет не только о пресечении начавшихся правонарушений, но об искоренении в зародыше любых причин и факторов, которые могут вести к совершению преступлений, любых проявлений беспорядка и девиантности. Во-вторых, в фокусе предупредительных мер находится не общество с его проблемами, а индивид как один из основных объектов, на которые направлены предупредительные меры. В-третьих, применение этих мер все чаще связано с осуществлением принуждений и ограничений прав индивида: лица, представляющие потенциальный риск для общества, идентифицируются

и ставятся под контроль с помощью различных механизмов развитого превентивного аппарата. В настоящей работе мы рассмотрим один из таких механизмов — приказы и запреты, направленные на минимизацию антисоциального поведения, которые приняты законодательством Великобритании. Сходные институты недавно появились в российском праве в связи с принятием Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ [1]. Анализ зарубежного опыта, как представляется, может быть полезен для оценки отечественного правового регулирования и поиска путей его совершенствования.

Судебный приказ о прекращении антисоциального поведения (*Anti-Social Behavior Order* — далее приказ или *ASBO*) — мера, впервые появившаяся в Великобритании в законе «О преступлениях и беспорядках» 1998 г. (*Crime and Disorder Act*) [2]. Действие норм данного закона распространялось на территории Англии и Уэльса, однако и в Шотландии правовое регулирование было схожим. Приказ как мера, призванная бороться с преступлениями на самой ранней стадии, то есть еще до того, как мотив на их совершение возникнет в голове правонарушителя, была инициирована правительством новых лейбористов. Недавно пришедшая к власти партия была вдохновлена идеологией мер ранней интервенции, нашедших обоснование в работе Уилсона и Келлинга «Разбитые окна» [16] и успешно реализующихся в США под лозунгом «нулевой терпимости» к правонарушениям. Несмотря на то что причинно-следственная связь между незначительными правонарушениями, нарушением общественного порядка и преступностью не была подтверждена эмпирическими исследованиями, Министерство внутренних дел Соединенного Королевства решило взять на вооружение этот подход без учета разницы в культурном контексте между США и Великобританией [14: с. 36–37].

Еще до момента вступления в силу новое законодательство подверглось жесткой критике со стороны специалистов по уголовному праву [5]. В дальнейшем эта мера была предметом детального анализа, часто сопровождавшегося разгромной критикой со стороны юристов, социологов и политологов [7; 8; 9; 13; 15]. Однако, несмотря на отсутствие поддержки данной меры со стороны академического сообщества, а также невзирая на изменение правительственного курса после прихода к власти коалиционного правительства в 2010 г., жесткая политика реагирования на любые проявления антисоциального поведения была продолжена, а точнее, усилена, хоть и в несколько модифицированном, по сравнению с первоначальным, виде.

Изначально приказы предназначались для регулирования антиобщественного поведения лиц старше 10 лет, причиняющих беспокойство гражданам, которые не проживали с ними совместно [2]. Право вынесения такого приказа было предоставлено судье мирового суда, который принимал решение на основании заявления, поданного представителем органов местной власти, сотрудником полиции либо наймодателем социального жилья. Вынесение приказа было возможно только в том случае, если имелись основания полагать,

что без такого предписания антиобщественные действия будут продолжены. Срок действия приказа определялся в каждом случае индивидуально, но должен был составлять не менее двух лет. Также он мог выноситься и бессрочно, т. е. до следующего приказа. Отмена приказа до истечения двухлетнего срока была возможна только по взаимному согласию сторон. Приказ содержал перечень тех действий, которые отныне субъекту запрещалось совершать. К их числу могли относиться как сами по себе антиобщественные действия (например, появление в нетрезвом виде в общественном месте, агрессивное поведение, оскорбления), так и нейтральные, но которые потенциально могли привести к совершению антиобщественных действий (например, появление на определенных станциях метрополитена или проживание в каком-либо районе). Одной из основных особенностей приказов было то, что выносились они в порядке гражданского судопроизводства, но в случае нарушения запрета, содержащегося в приказе, наступала уже уголовная ответственность. Причем максимальный срок наказания за данное преступление, установленный п. 10 ч. 1 Закона [2], мог составлять до 5 лет лишения свободы.

В намерения законодателя при принятии закона входило направить новую меру на индивидов, которые постоянно совершают преступления, правонарушения или иные антиобщественные поступки, формально не влекущие ответственности на определенной территории. Помимо выполнения превентивной функции приказ позволил бы увеличить срок наказания в том случае, если максимальное наказание за единичное совершенное правонарушение не соответствовало бы степени вреда, который наносило именно повторяющееся совершение таких деяний. То есть прежде всего предполагалось, что приказы будут противостоять не только единичным фактам нарушения порядка и закона, а именно систематическим нарушениям. Такие нарушения обладали уже неким иным качеством, чем просто сумма отдельных антиобщественных деяний, причиняли более серьезное беспокойство, что и требовало нового регулирования [12].

С 2002 г. на основании закона «О реформе полиции» аналогичная мера была введена для осужденных (*Anti-Social Behavior Order on Conviction*, далее *CrASBO*) [3: секция 63]. *CrASBO* выносились судом одновременно с вынесением приговора или при решении вопроса об условном освобождении на тех же основаниях, что и в отношении других лиц. В 2003 г. в закон «О преступлениях и беспорядке» были внесены изменения, дополняющие *ASBO* еще одной новой мерой — судебным запретом осуществлять антиобщественные действия (*Anti-Social Behavior Injunction* — далее, запрет или *ASBI*), который выносился судом графства. Запрет отличался от приказа основанием вынесения (понятие антиобщественного поведения было сформулировано гораздо уже) и содержанием запрета (он напрямую запрещал повторять именно те действия, которые послужили основанием для его вынесения, а не воздерживаться от совершения гораздо более широкого круга действий, определенных приказом) [10: с. 262]. Предназначен он был для контроля за поведением нанимателей жилых помещений и их гостей. Кроме того, он в явной форме

не преследовал превентивную функцию, а был лишь способом реакции властей на прошлое поведение лица. Нарушение запрета, в отличие от приказа, не образовывало состав преступления, а считалось правонарушением — неповиновением суду. Наконец, они отличались по механизму действия: запрет был призван удерживать от совершения антиобщественных действий, а приказ — делать индивида неспособным их совершить [10: с. 264].

Законом 2014 г. «Об антиобщественном поведении, преступности и полицейской деятельности», вступившим в силу с марта 2015 г. [4], все перечисленные выше меры были заменены на запреты, направленные на предупреждение неудобств и беспокойства (*Injunction to Prevent Nuisance and Annoyance* — далее запрет 2014 г. или *IPNA*), и приказы о преступном поведении (*Criminal Behavior Order* — далее приказ 2014 или *CBO*). *IPNA* представляет собой полностью гражданско-правовую меру, но сочетающую в себе различные признаки *ASBO* и *ASBI*. *CBO* также мало отличается от своего предшественника — *CrASBO*, за его нарушение следует уголовная ответственность (для несовершеннолетних — до 6 месяцев лишения свободы, для лиц старше 18 лет — до 5 лет). Как *IPNA*, так и *CBO* теперь могут содержать не только запреты, но и предписания выполнять определенные действия, что усиливает их превентивные возможности. Кроме того, при вынесении данных мер суду не нужно доказывать абсолютную необходимость их введения для предупреждения последующего антиобщественного поведения; достаточно того, что суд считает, что они будут полезны. Принципиальным отличием нового законодательства от старого является также то, что действие запрета, в отличие от приказа, ограничено тем временем, когда индивид не работает и не посещает образовательное учреждение (если это представлялось суду возможным) [4: пп. «а» п. 5 раздела 1]. Также закон устанавливает новые требования относительно срока действия запрета: теперь он не бессрочен, а в отношении несовершеннолетних его предельный срок составляет не более 1 года. Кроме того, суд вправе указать срок действия запрета или предписания в отношении определенных перечисленных действий [4: п. 7 раздела 1].

Рассмотрим, каким образом в перечисленных выше нормативно-правовых актах определяется антиобщественное поведение. Согласно закону 1998 г., это такое поведение, которое причинило или с вероятностью могло причинить беспокойство, тревогу или душевные переживания (*harassment, alarm or distress*) как минимум одному человеку, который не проживает совместно с субъектом, в отношении которого выносится предписание. Поведение означает совершение определенных действий, однако их круг в законе совершенно не определен. Это могут быть как действия, ответственность за которые предусмотрена нормами гражданского или уголовного законодательства, так и любые другие, даже формально правомерные действия. В законе нет указания на то, что осуждаемое поведение должно быть связано с агрессией и насилием или же с оскорблениями других лиц. Кроме того, закон прямо не требует, чтобы действия были совершены неоднократно, но у суда должны быть основания полагать,

что они с высокой степенью вероятности могут повториться в будущем. В противном случае основания для вынесения приказа не будет [13: с. 19].

Важно, что такие действия вызывали или могли вызвать у граждан состояние беспокойства. Словосочетание «беспокойство, тревога или душевные переживания» не было новым для закона 1998 г. Ранее оно уже было использовано при установлении ответственности за сексуальные домогательства. Но ни в одном нормативно-правовом акте точное содержание этих понятий не раскрывалось. В одном из решений (по делу *Jones*) суд разъяснил их специфику и указал, что они отличаются от таких чувств, как фрустрация, разочарование, гнев или раздражение. Содержание формулировок этого прецедента дало возможность Рэмзи сделать вывод, что поведение индивида должно вызывать у граждан опасение за свою безопасность, именно в таком случае вынесение предписания будет оправданным [13: с. 18]. Интересно, что закон ничего не говорит о степени серьезности переживаний жертв и о связанности этих переживаний со степенью серьезности угрозы, которую представляет нарушитель. Собственно, закон вообще не говорит о том, что его действия обязательно должны были вызвать тревогу у граждан. Достаточно гипотетической возможности того, что эта тревога могла возникнуть [13: с. 22]. В решении по делу *Potter* суд счел, что достаточно того, что вероятность возникновения страха у наиболее чувствительного потенциального свидетеля событий была выше, чем вероятность отсутствия у него страха [13: с. 22]. Требований о том, что этот потенциальный индивид должен иметь разумный порог чувствительности, в законе не содержится. Таким образом, минимальной предпосылкой для вынесения предписания является гипотетическое беспокойство, которое могло быть причинено даже изначально тревожному человеку. Такой субъективный подход к оценке деяния свидетельствует о том, что не оно само в первую очередь интересует судью, а поступок как отражение особенностей личности субъекта, его установок и ценностных ориентаций. Интересно, что в ряде случаев основанием для предписания были даже не факты совершения конкретных действий, которые воспринимались кем-либо как устрашающие, а просто сам факт принадлежности индивида к определенной социальной группе [10: с. 260]. Суд использовал логику кумулятивного эффекта от поведения всех или большинства представителей данной группы в определенном районе. Так, в деле *Potter* заявитель утверждала, что она, хоть и будучи проституткой, не совершала тех действий, которые могли бы вызвать страх у жителей. Суд же счел, что с точки зрения здравого смысла достаточно того, что действия вместе взятых проституток могли причинить беспокойство проживающим в районе гражданам [10: с. 260].

Закон 2014 г. несколько модифицировал понятие антиобщественного поведения, разделив его на две основные категории. Первый тип антиобщественного поведения — это такие же действия, как и те, что указаны в законе 1998 г., но причинившие или же обладающие потенциалом причинить беспокойство, тревогу или переживания любому лицу (в том числе и кому-то, кто проживает

совместно с правонарушителем). Второй тип — поведение, связанное с поведением в жилом помещении. К этому типу предъявляются менее серьезные требования в отношении степени причиняемого беспокойства — достаточно, чтобы оно причинило неудобство или вызвало раздражение (*nuisance or annoyance*) у любого лица, которое находится в жилище. Гипотетический характер опасности, исходящей от индивида, подвергается более расширенной трактовке в новом законодательстве. Так, по закону 2014 г. для вынесения запрета не нужно уже даже самого факта совершения каких-либо антиобщественных действий в прошлом, достаточно того, чтобы существовала угроза вовлечения индивида в антиобщественное поведение [4: п. 2 раздела 2; 10: с. 262].

Закон 1998 г., как и закон 2014 г., ничего не говорит о форме вины правонарушителя — должен ли он намеренно угрожать другим людям, или его поведение может носить неосторожный характер. По всей видимости, он должен ярко выражено демонстрировать или безразличие и пренебрежение чувствами других людей, или же именно желание напугать их — демонстрировать враждебность. Таким образом, как указывает Рэмзи, минимальное содержание понятия антиобщественного поведения, служащее основанием для внесения предписания, — это такое поведение, в котором проявляется стойкая установка безразличия или презрения, отсутствия уважения к чувству безопасности окружающих [13: с. 25]. При этом на основании закона 1998 г. суд должен был установить, что действия лица не имеют разумного оправдания. То есть субъект предписания рассматривался авторами закона как лицо неразумное, а его действия, повлекшие чувство страха у окружающих, как бессмысленные, лишённые полезности. При этом не вполне понятно, кто должен был определять разумность тех или иных действий, и какими критериями надлежало при этом руководствоваться. Рэмзи пишет, что такая разумность — предмет «политической» оценки: действия неразумны, если они противоречат сформулированным целям публичной политики [13: с. 32–33]. По сути, как указывает этот исследователь, основанием ответственности является не само по себе антиобщественное поведение, а это поведение как свидетельство невыполнения обязанности вести себя цивилизованно: проявлять уважение к чужим чувствам, демонстрируя отсутствие опасности со своей стороны [13: с. 28]. По новому закону требование об оценке разумности действий индивида отсутствует.

Только лишь совершения антиобщественных действий, которые оцениваются как могущие вызвать страх у других граждан, по закону 1998 г. было недостаточно для вынесения приказа. Важным элементом являлась оценка того, могут ли такие действия повториться в будущем в отсутствие приказа. Ведь прямая его цель — предупреждение аналогичных действий, защита неопределенного круга лиц от дальнейших антиобщественных действий субъекта [2: пп. «b» п. 1 раздела 1]. Приказ должен выноситься лишь в том случае, если он абсолютно необходим для достижения этих целей. Оценивая степень этой необходимости, суд мог принимать во внимание социально-экономический статус индивида, его семейное положение, наличие фактов судимости

или привлечения к иным мерам ответственности. Также суд должен был сделать вывод о том, что антиобщественное поведение субъекта носило или может носить повторяющийся характер. Приказ не являлся мерой ответственности, поэтому только лишь факта недостойного прошлого поведения недостаточно. Нужно было установить, что субъект имеет стойкую антиобщественную установку и взгляды, что он не раскаивается и намерен продолжать причинять сильное беспокойство окружающим. В том случае, если индивид докажет суду, что даже повторяющееся антиобщественное поведение было для него скорее исключением, что его взгляды поменялись, что он готов загладить свой вред, оснований для вынесения приказа не будет [13: с. 25]. Здесь мы опять видим, что характеристика личности субъекта, а не его прошлых действий, выходит на передний план. Основанием для приказа являлась не степень опасности действий индивида, а особенности его личности — антиобщественные взгляды и установки, пренебрежительное отношение к чувствам окружающих и т. д. Как было указано ранее, по новому законодательству суд уже не обязан обосновывать вынесение запрета, ссылаясь на его необходимость. Достаточно, чтобы эта мера представлялась суду справедливой и удобной для цели предупреждения вовлечения индивида в антисоциальное поведение [4: п. 3 раздела 1]. Таким образом, подлежащая доказыванию степень вероятности антиобщественного поведения по новому закону гораздо ниже, чем по-старому. Более того, суду теперь не нужно оценивать, насколько прошлое поведение индивида было злостным, этот факт вообще может быть иррелевантен. Достаточно лишь оценить, что существует угроза вовлечения лица в антисоциальное поведение, т. е. совершение им таких действий, которые потенциально способны причинить неудобство окружающим или вызвать у них страх за свою безопасность.

При этом в отношении большинства фактов, которые должен был оценить суд в ходе процедуры о вынесении приказа или запрета (по новому закону), использовалась процедура доказывания, свойственная гражданскому процессу. То есть доказательства надо было оценить с точки зрения баланса вероятностей (*on the balance of probabilities*). Изначально по закону 1998 г. суд мог выносить решение даже в том случае, если факт совершения субъектом антиобщественных действий подтверждался с помощью косвенных доказательств, например, слухов. Лишь к 2003 г. появился прецедент (решение по делу *McCann*), ужесточающий правила доказывания — факт антиобщественного поведения необходимо было доказать в объеме, исключающем обоснованные сомнения [6: с. 77]. Применительно к факту совершения субъектом тех или иных действий эти правила были понятны. Однако применительно к доказыванию того, что эти действия потенциально могли вызвать страх у какого-либо субъекта, какая-либо процедура или четкие критерии отсутствовали. Этот фактор подлежал лишь субъективной оценке. Аналогичным образом, было не вполне ясно, как следует доказывать вероятность повторения таких действий и какой должна быть степень этой вероятности. Поэтому антиобщественная установка субъекта оценивалась не применительно к его прошлым действиям, а применительно

к будущему поведению [13: с. 26]. Таким образом, как свидетельствует анализ положений закона, ключевым для доказывания являлось не прошлое поведение, которое в реальности могло и не причинить кому бы то ни было неудобств, а именно суждение о характеристике личности субъекта как потенциально опасной для общества, способной нанести ущерб качеству отношений между людьми [13: с. 31]. Суд должен был оценить потенциальные риски и действовать на основании этой оценки. По новому закону процедура вынесения запрета полностью гражданско-процессуальная — доказывание в объеме, исключающем обоснованные сомнения, более не требуется. Уголовно-процессуальный стандарт доказывания требуется лишь в отношении факта нарушения запрета или неисполнения предписания, который влечет ответственность до 2 лет лишения свободы для взрослых и до 3 месяцев для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет. Данная ответственность считается при этом гражданско-правовой мерой [11].

Таким образом, ключевыми особенностями приказов и запретов является, во-первых, их нацеленность на предотвращение будущих событий, во-вторых, неопределенность понятия антиобщественного поведения, которое они призваны предупреждать, в-третьих, при решении вопроса о вынесении запретов и предписаний, приоритет отдается оценке личности, а не оценке ее деяния, в-четвертых, гражданско-правовой стандарт доказывания при существенном вмешательстве в автономию индивида, и, наконец, принятие решения на основе лишь субъективной оценки судом вероятности степени риска, который исходит от определенного индивида. В целом следует отметить, что данные меры явно воплощают основные отличительные черты современных подходов к предупреждению безопасности — нацеленность на минимизацию любой потенциальной опасности (при отсутствии четких критериев идентификации такой опасности) и взгляд в будущее. Таким образом, приказы и запреты, направленные на предупреждение антисоциального поведения, можно рассматривать как флагман и символ уголовной политики в современном обществе риска.

Литература

1. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Российская газета. 2016. 28 июня.
2. Crime and Disorder Act 1998. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/pdfs/ukpga_19980037_en.pdf (дата обращения: 17.11.2016).
3. Police Reform Act 2002. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/30/pdfs/ukpga_20020030_en.pdf (дата обращения: 17.11.2016).
4. Anti-Social Behavior, Crime and Policing Act 2014. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/12/pdfs/ukpga_20140012_en.pdf (дата обращения: 17.11.2016).
5. Ashworth A. et al. Neighbouring on the oppressive // CRIMINAL JUSTICE-LONDON. 1998. Т. 16. С. 7–14.
6. Ashworth A., Zedner L. Preventive justice. OUP Oxford, 2014. 306 с.
7. Burney E. Making people behave: Anti-social behaviour, politics and policy. Routledge, 2009. 256 с.

8. *Crawford A.* Dispersal Powers and the Symbolic Role of Anti-Social Behaviour Legislation // *The Modern law review.* 2008. Т. 71. № 5. С. 753–784.

9. *Donoghue J.* Anti-Social Behaviour Orders: a culture of control? Palgrave Macmillan, 2010. 180 с.

10. *Edwards P.* New ASBOs for old? // *The Journal of Criminal Law.* 2015. Т. 79. №. 4. С. 257–269.

11. Home Office. Anti-social Behaviour, Crime and Policing Act 2014: reform of anti-social behaviour powers: statutory guidance for frontline professionals. London, Home Office), 2014. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/352562/ASB_Guidance_v8_July2014_final__2_.pdf (дата обращения: 17.11.2016).

12. *Macdonald S.* A Suicidal Woman, Roaming Pigs and a Noisy Trampolinist: Refining the ASBO's Definition of 'Anti-Social Behaviour' // *The Modern Law Review.* 2006. Т. 69. № 2. С. 183–213.

13. *Ramsay P.* The insecurity state: vulnerable autonomy and the right to security in the criminal law. Oxford University Press, 2012. 280 с.

14. *Roberts P.* Penal offence in question: Some reference points for interdisciplinary conversation // *Incivilities: Regulating offensive behaviour.* 2006. С. 1–56.

15. *Squires P.* ASBO nation: The criminalisation of nuisance. Policy Press, 2008. 383 с.

16. *Wilson J.Q., Kelling G.L.* Broken windows // *Critical issues in policing: Contemporary readings.* 1982. С. 395–407.

Literatura

1. Federal'ny'j zakon «Ob osnovax sistemy' profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» ot 23 iyunya 2016 g. № 182-FZ // *Rossijskaya gazeta.* 2016. 28 iyunya.

2. Crime and Disorder Act 1998. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/pdfs/ukpga_19980037_en.pdf (data obrashheniya: 17.11.2016).

3. Police Reform Act 2002. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/30/pdfs/ukpga_20020030_en.pdf (data obrashheniya: 17.11.2016).

4. Anti-Social Behavior, Crime and Policing Act 2014. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/12/pdfs/ukpga_20140012_en.pdf (data obrashheniya: 17.11.2016).

5. *Ashworth A. et al.* Neighbouring on the oppressive // *CRIMINAL JUSTICE-LONDON.* 1998. Т. 16. S. 7–14.

6. *Ashworth A., Zedner L.* Preventive justice. OUP Oxford, 2014. 306 s.

7. *Burney E.* Making people behave: Anti-social behaviour, politics and policy. Routledge, 2009. 256 с.

8. *Crawford A.* Dispersal Powers and the Symbolic Role of Anti-Social Behaviour Legislation // *The Modern law review.* 2008. Т. 71. № 5. S. 753–784.

9. *Donoghue J.* Anti-Social Behaviour Orders: a culture of control? Palgrave Macmillan, 2010. 180 с.

10. *Edwards P.* New ASBOs for old? // *The Journal of Criminal Law.* 2015. Т. 79. №. 4. S. 257–269.

11. Home Office. Anti-social Behaviour, Crime and Policing Act 2014: reform of anti-social behaviour powers: statutory guidance for frontline professionals. London, Home Office), 2014. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/352562/ASB_Guidance_v8_July2014_final__2_.pdf (data obrashheniya: 17.11.2016).

12. *Macdonald S.* A Suicidal Woman, Roaming Pigs and a Noisy Trampolinist: Refining the ASBO's Definition of 'Anti-Social Behaviour' // *The Modern Law Review.* 2006. Т. 69. № 2. S. 183–213.

13. *Ramsay P.* The insecurity state: vulnerable autonomy and the right to security in the criminal law. Oxford University Press, 2012. 280 s.

14. *Roberts P.* Penal offence in question: Some reference points for interdisciplinary conversation // *Incivilities: Regulating offensive behaviour*. 2006. S. 1–56.

15. *Squires P.* ASBO nation: The criminalisation of nuisance. Policy Press, 2008. 383 s.

16. *Wilson J.Q., Kelling G.L.* Broken windows // *Critical issues in policing: Contemporary readings*. 1982. S. 395–407.

A.L. Gurinskaya

The Mechanisms of Prevention of Crimes in the UK: Court Orders about the Termination of Anti-Social Behavior

The article deals with court orders about the termination of anti-social behavior. Their task was to prevent further anti-social behavior (including criminal) on the part of individuals who were assessed by the court as potentially dangerous for society. Onwards the orders were complemented by measures such as injunctions, and the concept of anti-social behavior became even less certain than in the original legal regulation.

Keywords: crime prevention; anti-social behavior; the United Kingdom, the criminal policy.

**И.Н. Куксин,
Г.М. Азнагулова**

Теоретико-методологические вопросы взаимосвязи правовой и политической систем общества

В статье проанализированы имеющиеся подходы к вопросу о соотношении правовой и политической систем общества с теоретико-методологических позиций. Опираясь на правовую действительность и политические реалии, установлено, что политическая и правовая системы выступают как автономные, но тесно взаимосвязанные социальные институты. Государство как центральный элемент политической системы оказывает определяющее влияние на особенности правовой системы общества, в то время, когда легитимизация самой политической системы является сферой действия права и правовой системы общества.

Ключевые слова: юриспруденция; государство; право; правовая система общества, политическая система; политический процесс; государственная власть.

Проблемы эволюции социальных систем в диалектическом взаимодействии с иными социальными системами, в процессе которого каждый из компонентов сложной, многоплановой и многогранной системы общества приобретает новые, существенные для его функционирования качества, до сих пор остаются актуальными и занимают одно из центральных мест в современных философских, политико-правовых, социологических и политологических исследованиях. Однако в этих исследованиях упор делается на анализ онтологических и функциональных характеристик конкретных систем, предпринимается попытка придать главенствующую роль отдельным институтам и социальным системам в рамках, по существу, узкого системного подхода, в то время как функциональное назначение, диктуемое логикой развития общества и государства, конкретными социально-экономическими условиями как внутри государств, так и на международном уровне, определяется не только их онтологическими особенностями, а в равной степени потенциалом взаимодействия с внешней средой, под которой уместно понимать все действующие социальные системы.

Кроме того, хочется обратить внимание и на неуместное использование применительно к социальным системам предикатов «равновесный» и «равновесие». Некоторые авторы утверждают, что «жизнь правовой системы протекает как постоянная смена равновесных состояний» [6: с. 277]. Понятие равновесия, широко используемое в естественных и технических науках (механика, термодинамика, теория прочности и др.), введенное в социальную науку под влиянием механистических подходов Т. Гоббсом и Л. Лейбницем еще в XVII веке, в свете

определенных достижений синергетического подхода [9: с. 320] неприемлемо для анализа социальных процессов, поскольку оно изначально отрицает наличие макроскопических потоков, неизменно присутствующих в «жизни» социальных систем. Сегодня целесообразно говорить о стационарных состояниях в социальных науках, противопоставленных механистическому подходу, где обнуляется сумма всех действующих сил — причин, признавать в системах наличие различных потоков (материальных ресурсов, финансов, информации и т. д.) и основываться на принципе минимизации последствий воздействия одних социальных систем на другие. То есть при анализе взаимодействия политической и правовой систем общества необходимо и целесообразно использовать принципы функционирования сложных систем, а именно принцип семиотической непрерывности, моноцентризма, системной однородности, обратной связи и др.

Анализ соотношения политической и правовой систем общества, прежде всего с онтологической и праксиологической позиций, призван более полно раскрыть природу правовой системы общества и углубить наше понимание сущности самого права. В юридической науке вполне укоренившимся является мнение о тесной взаимосвязи правовой и политической систем общества с одновременным подчеркиванием превалирующей роли последней в определении природы самого права.

Важная особенность изучения заявленной задачи заключается в том, что объекты воздействия политической и правовой систем, в том числе государственные институты, в целом совпадают, а потому определение их границ представляет собой сложный политико-правовой и культурный процесс, имеющий пространственно-темпоральный характер, а его конституционализация становится задачей демократического процесса в обществе.

Базируясь на основных функциях политической и правовой систем, отечественная юридическая наука выработала две точки зрения на характер их связи [9: с. 5–6].

В рамках первой позиции декларируется, что по отношению к политической системе в целом, включая и государственную власть, право является автономным, а юридические отношения не детерминируются государственной волей. Заметным сторонником такой позиции выступает В.О. Мушинский [4: с. 320]. Он считает, что действие права затрагивает лишь область частных интересов, а политика формирует общую волю. В соответствии с этими воззрениями правовую и политическую системы общества связывает их обусловленность общественно-экономическими условиями. Однако политическим и правовым механизмам отводятся существенно различные роли в регулировании общественных отношений, что по существу игнорирует существующую органическую связь между политикой, правом и государством. Такой подход искусственно создает метафизическое противоречие между этими системами, и они выступают как несвязанные между собой социальные институты. Сущностью права тогда выступает не общая воля либо классовая воля, а воля региональная, коллективная или индивидуальная. Такое перемещение сферы права из общественной жизни в сферу частную совершенно без оснований разрывает связь между политической властью, правовой и политической

системами общества, утверждая тем самым примат права над политикой. Проведение демаркационной линии между природой права и политической властью и ее перемещение в сферу возможно просвещенного этоса отдельных субъектов не способствует раскрытию объективной функциональной праксиологической взаимосвязи права, политики и государства [7: с. 257].

Согласно второй точке зрения непосредственной правообразующей силой выступает государство как основной субъект политической системы общества. В праве в позитивистском учении суть такого подхода выражается в тезисе «государство выражает свою волю в норме права» [3: с. 410]. Сторонники этого доктринального подхода полагают, что непосредственным и главным фактором создания и реализации правовых установлений выступает государство, а право как особое институциональное образование в своем бытии испытывает конститутивное значение государственной власти [5: с. 79]. Следовательно, в обеспечении функционирования самого права ведущая роль отводится деятельности государства. При этом источником права выступает политическая деятельность, осуществляемая в различных формах, в том числе идеологической, экономической, правовой, организационной, культурной и других. Таким образом, при данном подходе право может быть рассмотрено прежде всего как инструмент государственно-политического регулирования общественных отношений.

При таком подходе подчеркивается примат политической системы над правовой системой общества, что не в полной мере согласуется с принципами построения гражданского общества, а методы правового регулирования выступают в первую очередь инструментом реализации политики.

Таким образом, указанный подход делает акцент на определяющем воздействии государства как центрального элемента политической системы на право. Формой этого воздействия выступает правотворческая деятельность государства, которой непосредственно принадлежит функция создания норм права. Непосредственное и наглядное выражение зависимости права от государства проявляется в деятельности государственных органов и должностных лиц, ориентированных на реализацию норм права, а также в его правоохранительной деятельности, нацеленной на надлежащее осуществление норм права в конкретных правоотношениях. К последней следует также отнести деятельность судебных и иных, обладающих известной спецификой органов, обеспечивающих реализацию охранительной функции права.

Согласно этой концепции роль права, кажущаяся утилитарной в качестве инструмента политики, при рассмотрении в контексте всех социальных функций государства является всеобъемлющей и универсальной [8: с. 255]. Иначе говоря, значение права в политической сфере преувеличивается, в то же время его роль в жизни гражданского общества принижается.

На наш взгляд, в рамках указанных воззрений о соотношении политической и правовой систем, подчеркивающих главенствующую роль политической системы, недооценивается активный характер правовой системы общества, ее автономность по отношению к иным социальным институтам, включая и политическую систему общества.

Правовая система наряду с политической системой является неотъемлемой частью политического общества, поскольку политическое пространство как сфера действия политики, власти, социальных процессов включает в себя и правовое пространство. В то же время, будучи тотально открытой системой, правовая система общества в своем генезисе находится под влиянием как внутренних, так и внешних условий и факторов, к множеству которых следует отнести и экономические, социальные, идеологические, культурные и иные, подчеркивающие в достаточной мере автономный характер, самостоятельность и активность правовой системы по отношению к политической системе общества.

Чрезвычайно важно, что именно правовая система общества обеспечивает легитимизацию государственной власти, закрепляет структуру политической системы, определяет принципы ее функционирования, а также границы полномочий ее субъектов. Немаловажен и тот факт, что именно правовая система регламентирует политический процесс в обществе.

Политический процесс как форма функционирования политической системы общества всегда нацелен на ее сохранение и воспроизводство. В этом процессе соотношение правовой системы и политической системы носит характер взаимного действия, когда на правовую систему возлагается задача эффективно воспроизводства политической системы в интересах государства и общества, которую она выполняет прежде всего путем регулирования избирательного процесса. Ярким примером здесь служит обеспечение стабильности, справедливости [2: с. 35] и поступательного развития нашей страны, укрепления демократических начал в обществе путем осуществления кардинальных изменений в отечественном избирательном законодательстве в последние годы.

В свете идеи, высказанной выше, для эффективного функционирования политической и правовой систем в их диалектической взаимосвязи, говоря терминологией И.Р. Пригожина [7: с. 286], производство энтропии как мера несогласованности их динамических состояний, должно быть минимизировано в силу наличия афферентальных (обратных) связей между этими системами, которые имеют характер не только положительных, но и отрицательных обратных связей, обеспечивающих их динамическую стабильность. Это требует от правовой системы необходимости оперативно реагировать на все происходящие изменения в политической системе, то есть правовая система должна быть семиотически непрерывна в пространстве и времени [1: с. 7]. Подобное утверждение актуально и по отношению к политической системе, но с некоторыми оговорками, связанными с ее отдельными специфическими функциями.

Литература

1. *Азнагулова Г.М.* О взаимодействии правовой и политической систем // Юриспруденция. 2010. № 20. С. 5–15.

2. *Куксин И.Н., Чечельницкий И.В.* Справедливость как нравственная, социальная и юридическая категория: проблемы теории и практики // Материалы международной научно-практической конференции. М.: Изд-во Моск гуманит ун-та, 2016. 311 с.

3. *Байтин М.И., Борисов В.В., Витченко А.М. и др.* Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. 622 с.

4. *Мушинский В.О.* Соотношение политики и права в регулировании социальных интересов // Советское государство и право. 1988. № 2. 4 с.
5. *Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
6. *Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов.* М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
7. *Пригожин И.Р., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: ЛКИ, Едиториал УРСС, 2008. 286 с.
8. *Синюков В.Н.* Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов: Полиграфист, 1994.
9. *Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. М.: Ижевск: Ин-т компьютерн. исслед., 2003. 320 с.

Literatura

1. *Aznagulova G.M.* O vzaimodejstvii pravovoj i politicheskoy sistem // *Yurisprudenciya*. 2010. № 20. S. 5–15.
2. *Kuksin I.N., Chechel'niczkij I.V.* Spravedlivost' kak npravstvennaya, social'naya i yuridicheskaya kategoriya: problemy' teorii i praktiki // *Materialy' mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. М.: Изд-во Моск гуманит ун-та, 2016. 311 с.
3. *Bajtin M.I., Borisov V.V., Vitchenko A.M. i dr.* Marksistsko-leninskaya obshhaya teoriya gosudarstva i prava. Osnovny'e instituty' i ponyatiya. М.: Yurid. lit., 1970. 622 с.
4. *Mushinskij V.O.* Sootnoshenie politiki i prava v regulirovanii social'nyx interesov // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1988. № 2. 4 с.
5. *Obshhaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik / pod red. V.V. Lazareva.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
6. *Politologiya: e'nciklopedicheskij slovar' / obshh. red. i sost. Yu.I. Aver'yanov.* М.: Изд-во Моск. kommerch. un-ta, 1993. 431 с.
7. *Prigozhin I.R., Stengers I.* Poryadok iz haosa. Novy'j dialog cheloveka s prirodoy. М.: LKI, Editorial URSS, 2008. 286 с.
8. *Sinyukov V.N.* Rossijskaya pravovaya sistema: vvedenie v obshhuyu teoriyu. Саратов: Poligrafist, 1994.
9. *Xaken G.* Tajny' prirody'. Sinergetika: uchenie o vzaimodejstvii. М.: Izhevsk: In-t komp'yutern. issled., 2003. 320 с.

*I.N. Kuksin,
G.M. Asnagulova*

Theoretical and Methodological Issues of the Relationship of Legal and Political Systems of Society

The article analyzes the existing approaches to the problem of the relationship between law and political systems of society from theoretical and methodological positions. Based on the legal and political realities it was found that the political and legal systems act as autonomous but closely interrelated social institutions. The state as the central element of the political system has a decisive influence on the particular legal system of society, whereas the legitimation of the political system is the field of the law and legal system.

Keywords: jurisprudence; state; law; legal system; political system; the political process; the state power.

М.К. Топоркова

Административное судопроизводство: новое о старом

В статье анализируются особенности Кодекса административного судопроизводства РФ, в том числе сравниваются его отдельные положения с нормами гражданско-процессуального законодательства. Автором дается и обосновывается оценка принятого кодекса как новой процессуальной формы.

Ключевые слова: административное судопроизводство; Кодекс административного судопроизводства РФ; процессуальные формы.

Более года прошло с момента введения в действие Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ)¹, но гораздо более длительный срок продолжается жесткая дискуссия по проблемам административного судопроизводства между представителями науки гражданского процесса, с одной стороны, и административного права — с другой. Настоящая дискуссия напоминает непримиримый характер другой дискуссии — по проблемам правового регулирования государственной службы, которая имела место в 90-е годы XX века и в начале двухтысячных годов.

Суть спора об административном судопроизводстве сводится к достаточно концептуальным положениям, которые по-своему доказывает каждая из сторон.

Достаточно серьезной видится претензия к принятому кодексу, заключающаяся в том, что «никакой новой («нецивилистической») процессуальной формы данным обстоятельством не создается (и не может быть создано) по онтологическим и гносеологическим причинам» [3: с. 26].

В противовес вышеуказанному мнению звучит точка зрения И.А. Галагана и О.Я. Баева. Ученые считают, что «...отдельные процессуальные формы представляют собой лишь особенное, специфическое, что не исключает, а лишь подчеркивает в их содержании то общее, что объединяет их с иными процессуальными формами, входящими в ту же систему» [2: с. 150].

Авторитетный ученый-процессуалист В.В. Ярков оценивает КАС РФ как кодекс, воспринявший «традиционные положения, правила и институты гражданского процессуального и арбитражного процессуального права» и который «ввел ряд интересных новелл, которые будут служить развитию административного судопроизводства и защите прав граждан во взаимоотношениях с органами власти и должностными лицами». И далее: «По целому ряду положений

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. Закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

административное судопроизводство имеет специфику, которая отражает его главную задачу — защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений» [1: с. 14–15].

Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ положительно оценено известным административистом Ю.Н. Стариловым, являющимся главным редактором «Журнала административного судопроизводства», который пишет: «Появилась новая административно-процессуальная форма, базирующаяся на главных элементах системы административного судопроизводства как специального порядка разрешения судами общей юрисдикции административных дел (административных и иных публично-правовых споров)» [6: с. 8–15].

Остановимся подробнее на некоторых особенностях содержания КАС РФ, в том числе в сравнении с Гражданско-процессуальным кодексом РФ.

Кодекс административного судопроизводства имеет схожую с другими кодексами структуру (9 разделов, 39 глав, 365 статей). Логикой содержания условно разделен на три части: в первой содержатся общие нормы, во второй представлены особенности рассмотрения дел различных категорий, в третьей — разрешение дел в упрощенном порядке. В кодексе использованы такие устоявшиеся институты гражданского судопроизводства, как возбуждение дела, возвращение искового заявления, оставление его без движения, отказ в принятии искового заявления, прекращение производства по делу и другие.

Кодекс административного судопроизводства определяет перечень категорий административных дел, подлежащих рассмотрению в соответствии с ним (ст. 1). Эти дела делятся на два вида: административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений; дела, в отношении которых осуществляется обязательный судебный контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям. Вместе с тем в тексте ч. 2 и ч. 3 ст. 1 КАС РФ присутствуют слова «в том числе», которые предполагают возможность рассмотрения в порядке административного судопроизводства и иных дел. Считаю целесообразным предусмотреть включение в перечень дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, служебных споров, т. е. споров государственных служащих с государственным органом.

Участники административного судопроизводства наделены правом направлять заявления и иные документы в суд в электронном виде, в том числе заполнять формы документов, размещенные на официальном сайте суда в сети Интернет (ч. 2 ст. 45), а также получать судебные акты и иные процессуальные документы в электронном виде (ч. 2 ст. 126, ч. 5 ст. 353). Регламентировано использование видео-конференц-связи в судебном заседании, введено протоколирование судебного заседания с использованием аудиозаписи (ч. 1 ст. 76), извещение о процессе по электронной почте с использованием сайтов судов.

Можно приветствовать использование высокотехнологичных средств в административном судопроизводстве, однако устранение пробелов в этой области остается важнейшей задачей. А пробелов достаточно. На них указывает Е.Г. Иншакова: «...электронный документооборот является односторонним, поскольку лица, участвующие в деле, не имеют возможности направить в адрес суда информацию по собственной инициативе. Поэтому возникает ряд вопросов, так как не вполне понятно, является ли указание электронной почты принятием лицом на себя обязанности получать сообщения суда. Более того, отсутствие указания электронной почты другими участниками процесса может поставить участников в неравноправное положение. Неясно также, что следует считать достаточным подтверждением получения сообщения, отправленного судом по электронной почте, и когда лица, участвующие в деле, и иные участники административного процесса считаются извещенными надлежащим образом судом» [4: с. 80].

В Кодексе административного судопроизводства сохранено правило, в соответствии с которым суд может признать обязательной явку в судебное заседание представителя государственного органа, должностного лица. Такое обязательство оформляется в письменной форме и является в соответствии со ст. 116 мерой процессуального принуждения. По сравнению с ГПК РФ увеличены судебные штрафы за неявку в суд: на государственный орган может быть наложен штраф до 100 тысяч рублей; на орган местного самоуправления, иные органы и организации, которые наделены отдельными государственными или иными публичными полномочиями, — до 80 тысяч рублей; на должностное лицо — до 30 тысяч рублей (в ГПК — до 1 тыс. руб.); на государственного или муниципального служащего — до 10 тысяч рублей; на граждан — до 5 тысяч рублей (ч. 1 ст. 122). Судебные штрафы отнесены к мерам процессуального принуждения, которые применяются к лицам, в том числе препятствующим осуществлению административного судопроизводства. Понятия «меры процессуального принуждения», «привод» как одной из мер процессуального принуждения в гражданском законодательстве отсутствуют, но ГПК РФ содержит схожее понятие — «меры обеспечения иска». К мерам процессуального принуждения в КАС РФ помимо судебных штрафов и привода относятся: ограничение или лишение выступления участника судебного разбирательства, предупреждение, удаление из зала суда.

Сохранено правило об истребовании судом по своей инициативе доказательств, а за нарушение этого требования установлен судебный штраф. В отличие от гражданского законодательства в ч.ч. 3–6 ст. 63 Кодекса административного судопроизводства подробно регламентируется процедура представления доказательств, нарушение которой влечет наложение судебного штрафа.

В процессе административного судопроизводства не гражданин, обратившийся в суд, а государственный орган, должностное лицо должны будут доказать суду правоту принятых решений. Ч. 2 ст. 62 КАС РФ устанавливает: «Обязанность доказывания законности оспариваемых нормативных правовых актов,

решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, возлагается на соответствующие орган, организацию и должностное лицо. Указанные органы, организации и должностные лица обязаны также подтверждать факты, на которые они ссылаются как на основания своих возражений». По таким административным делам лица, обратившиеся в суд, не обязаны доказывать незаконность оспариваемых ими нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия). Таким образом, административное судопроизводство в большей степени гарантирует лицам, обратившимся в суд, защиту их интересов.

Статья 54 КАС закрепляет возможность ведения в суде дел лично или через представителя. Вместе с тем закон предусматривает случаи обязательного ведения дел через представителя, если граждане, обратившиеся в верховный суд республики, краевой, областной суд, суды городов федерального значения, суды автономной области, суды автономных округов и Верховный суд РФ, по вопросу об оспаривании нормативных правовых актов, не имеют высшего юридического образования (ч. 9 ст. 208). В этом случае они обязаны вести дело через представителя, который в соответствии со ст. 55 обязан иметь высшее юридическое образование и представить документы об этом. Также ч. 4 ст. 54 КАС РФ предусматривает обязательное участие представителя в административных делах о принудительной госпитализации в психиатрический стационар, принудительном психиатрическом освидетельствовании. Требования к участию представителей, имеющих высшее юридическое образование, исключено для руководителей государственных и муниципальных органов. Эти лица могут участвовать в процессе, не имея специального образования. В остальном требования к представителям достаточно стандартные: они должны обладать дееспособностью, не состоять под опекой и попечительством (п. 2 ст. 55).

По общему правилу судопроизводство ведется в судах в различные сроки: в Верховном суде РФ — до 3 месяцев, в других судах общей юрисдикции — до 2 месяцев со дня поступления в суд такого заявления (ст. 141). Вместе с тем, кодекс установил институт ускоренного рассмотрения административного дела: по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов, организаций, лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, — в течение 1 месяца, а в Верховном суде РФ — в течение 2 месяцев (ч. 1 ст. 226); о защите избирательных прав — в течение 5 дней со дня поступления заявления и не позднее дня, предшествующего дню голосования, а заявление, поступившее в день, предшествующий дню голосования, в день голосования или в день, следующий за днем голосования, — немедленно (ст. 241). В течение 5 дней со дня возбуждения дела рассматриваются административные дела о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении (ст. 268). Также в течение 5 дней со дня принятия административного искового заявления к производству суда

рассматриваются административные дела о госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о продлении срока такой госпитализации (ст. 277).

Глава 33 КАС РФ предусматривает рассмотрение дел в упрощенном порядке (письменное производство), т. е. без проведения устного разбирательства. Это возможно, если соответствующие ходатайства заявлены всеми участниками дела или административным истцом, если не возражает административный ответчик, а также в других случаях, указанных в ст. 291. Дело рассматривается судьей единолично в срок, не превышающий 10 дней со дня вынесения определения о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства. Апелляционная жалоба на решение суда, принятого в порядке упрощенного производства, подается не в течение 1 месяца (общее правило), а в срок, не превышающий 15 дней со дня получения копии решения.

Рассмотренные особенности административно-процессуальной формы позволяют положительно отнестись к необходимости самостоятельного оформления административного судопроизводства. Что касается вопроса о количественной достаточности новелл Кодекса административного судопроизводства (говорят о 70–80 % заимствованных у ГПК РФ норм), то это, по мнению автора, не имеет принципиального значения в разрешении спора о процессуальных формах. Ст. 118 Конституции РФ ответила на вопрос о видах судопроизводства, включив в перечень административное судопроизводство. При этом принятие нового кодекса нельзя расценивать всего лишь как «реверанс» в сторону Основного закона.

В публикациях по проблемам административного судопроизводства встречаются достаточно оригинальные предложения, в частности, по вопросу разграничения административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях [5: с. 49–51].

Профессор Б.В. Россинский известен своим отрицательным отношением по ряду причин к расширению судебной юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Ученый акцентирует внимание на то, что административная ответственность и должна быть административной, т. е. назначаться преимущественно во внесудебном порядке, следовательно, административно-наказательную деятельность органов исполнительной власти необходимо расценивать скорее как административно-надзорную деятельность. И только в случае несогласия лица, подвергшегося административному наказанию должностными лицами органов исполнительной власти, или жалобы этого лица на вынесенное решение материалы должны поступать в суд. А это уже административное судопроизводство по делам об оспаривании решений и действий государственных органов, которое регулируется нормами Кодекса административного судопроизводства. Оценивая данную позицию, можно согласиться с автором в том, что распространить КАС РФ на дела об административных правонарушениях несложно, однако придется менять всю модель производства по делам об административных правонарушениях. В проекте нового Кодекса об административных правонарушениях такие изменения не усматриваются.

Вышеизложенное позволяет сделать выводы о том, что принятие Кодекса административного судопроизводства РФ явилось важным событием. Этот факт породил совместное научное обсуждение проблем административного судопроизводства. Однако маловероятно, что развернувшаяся дискуссия что-либо изменит в той правовой форме административного судопроизводства, которая утвердилась в 2015 г. При оценке Кодекса административного судопроизводства РФ очень важно, насколько он сможет достигнуть, во-первых, повышения уровня защиты прав граждан, а во-вторых, создать для судей логичную, эффективную и удобную процессуальную форму. В настоящее время эти критерии не поддаются однозначно положительной оценке. Очевидно, что содержание Кодекса административного судопроизводства будет совершенствоваться как законодателем, так и по результатам судебной практики.

Литература

1. Административное судопроизводство: учеб. для студентов высш. учеб. заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2016. С. 14–15.

2. Галаган И.А., Баев О.Я. К вопросу о юрисдикционном праве // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979. С. 150.

3. Громошина Н.А. О месте административного судопроизводства в правовой системе // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 26.

4. Иншакова Е.Г. «Электронное правосудие» и Кодекс административного судопроизводства: концептуальное изменение способов взаимодействия суда и сторон // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 80.

5. Россинский Б.В. Окончательно ли разграничение административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 49–51.

6. Стариков Ю.Н. Принятие КАС РФ — важнейший этап судебной реформы и модернизации административно-процессуального законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2015. № 2 (21). С. 8–15.

Literatura

1. Administrativnoe sudoproizvodstvo: ucheb. dlya studentov vy'ssh. ucheb. zavedenij po napravleniyu «Yurisprudenciya» (specialist, bakalavr, magistr) / pod. red. V.V. Yarkova. M.: Statut, 2016. S. 14–15.

2. Galagan I.A., Baev O.Ya. K voprosu o yurisdikcionnom prave // Razvitie i sovershenstvovanie ugovolno-processual'noj formy'. Voronezh, 1979. S. 150.

3. Gromoshina N.A. O meste administrativnogo sudoproizvodstva v pravovoj sisteme // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. 2016. № 1. S. 26.

4. Inshakova E.G. «E'lektronnoe pravosudie» i Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva: konceptual'noe izmenenie sposobov vzaimodejstviya suda i storon // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. 2016. № 1. S. 80.

5. Rossinskij B.V. Okonchatel'no li razgranichenie administrativnogo sudoproizvodstva i proizvodstva po delam ob administrativny'x pravonarusheniyax // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. 2016. № 1. S. 49–51.

6. *Starilov Yu.N.* Prinyatie KAS RF — vazhnejshij e'tap sudebnoj reformy' i modernizacii administrativno-processual'nogo zakonodatel'stva // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». 2015. № 2 (21). S. 8–15.

M.K. Toporkova

**Administrative Proceedings:
the New about the Old**

The article analyzes the characteristics of the RF Code of Administrative Procedure, including comparing its provisions with the rules of civil procedure law. The author gives and justifies the assessment of the received code as a new procedural form.

Keywords: administrative proceedings; the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation; procedural forms.

С.Н. Чурилов

Интерпретация общего предмета доказывания применительно к особенностям расследования конкретного вида преступлений

В статье объясняется общая формула предмета доказывания, содержащаяся в ст. 73 УПК РФ, применительно к особенностям расследования преступлений определенного вида и к созданию частных криминалистических методик. Рассматриваются вопросы формирования видовых предметов доказывания как первого структурного элемента частных методик расследования преступлений.

Ключевые слова: общий предмет доказывания; видовой предмет доказывания; понятие; соотношение.

Предмет доказывания в теории доказательственного права занимает ключевое место, ибо он определяет целенаправленность уголовно-процессуальной деятельности на различных стадиях уголовного судопроизводства. Общая формула предмета доказывания, под которым в уголовном процессе понимается совокупность обстоятельств, подлежащих установлению по уголовным делам независимо от их разновидности, является процессуальной основой для определения видового предмета доказывания при расследовании конкретного вида преступлений. К сожалению, в уголовно-процессуальной литературе в недостаточной степени освещается вопрос, касающийся интерпретации общего предмета доказывания применительно к особенностям расследования определенного вида преступлений. Не уделяется должного внимания этой проблеме и в криминалистической литературе. По этой причине требуется отдельное исследование целого спектра вопросов, связанных с проблемой видового предмета доказывания как в уголовном процессе, так и в криминалистике.

В недалеком прошлом разные авторы по-разному определяли понятие предмета доказывания: «обстоятельства, имеющие значение дела», «предмет исследования», «предмет познания», «предмет расследования». Одни авторы включали в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, любые факты, дающие возможность устанавливать истину по уголовному делу. Ярким представителем этой группы авторов являлся А.С. Кобликов, который полагал, что любые доказательственные факты нуждаются в доказывании, и поэтому они образуют предмет доказывания наряду с обстоятельствами, имеющими уголовно-правовое значение [1: с. 120]. Другие ученые считали доказательственные

факты средством установления уголовно-релевантных обстоятельств и поэтому выводили их за рамки предмета доказывания. Так, Г.М. Миньковский писал: «Если отнести к предмету доказывания и обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу (указанные ст. 68 УПК РСФСР, ныне в ст. 73 УПК РФ. — С. Ч.), и наряду с ними промежуточные факты, это может привести к растворению конечных целей уголовного процесса в деятельности по собиранию этих фактов, превращению последней в самоцель» [2: с. 142].

В этом споре, имеющем принципиальное значение, возобладала точка зрения тех ученых, которые доказательственным фактам отвели значение средств доказывания уголовно-релевантных обстоятельств, а последние включили в содержание предмета доказывания. Такое решение данного вопроса является, на наш взгляд, абсолютно правильным, несмотря на то, что доказательственные факты сами нуждаются в доказывании.

Для обоснования этого вывода приведем пример. Так, по делу об убийстве с применением стрелкового огнестрельного оружия произведенной судебно-баллистической экспертизой установлено, что из данного проверяемого оружия, изъятого в ходе обыска в жилище у обвиняемого, была выстрелена пуля, извлеченная из тела убитого. Этот вывод, содержащийся в экспертном заключении, является доказательственным фактом, имеющим важное значение для установления способа совершения убийства. Разумеется, данный факт, являющийся средством доказывания указанного обстоятельства, сам нуждается в доказывании. С этой целью производились осмотр трупа, обыск в жилище, судебно-баллистическая экспертиза. Однако включать данный доказательственный факт в предмет доказывания нет оснований, ибо предмет доказывания состоит из определенного перечня обстоятельств, от которых зависит правильное разрешение дела по существу и подлежащих доказыванию в конечном счете.

С учетом того, что подлежат доказыванию и обстоятельства уголовно-правового значения, и доказательственные факты, был введен в научный оборот термин «предмет расследования» [4: с. 110], структура которого состоит из двух элементов: предмета доказывания и доказательственных фактов как средства доказывания. Такое решение этого вопроса является, на наш взгляд, правильным как с теоретической, так и с практической точки зрения. Оно является основой для правильного определения предмета доказывания применительно к расследованию конкретного вида преступлений.

Видовой предмет доказывания определяется на основе общего предмета доказывания. Отличие второго от первого заключается в том, что общий предмет доказывания представляет собой совокупность фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию по любому уголовному делу независимо от его разновидности, обусловленных общими для всех преступлений юридически-элементарными признаками. При определении видовой предмета доказывания, в отличие от общего предмета доказывания, учитываются его связи с уголовно-правовыми признаками конкретного вида преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ и соответствующими понятиями Общей части УК РФ.

С точки зрения философских представлений о парных категориях формы и содержания общий предмет доказывания представляет собой только форму, которая является неизменной при расследовании любого преступления. Что же касается видового (или частного) предмета доказывания, то он имеет как форму, так и содержание. При этом форма определенного видового предмета доказывания может отличаться по количеству юридических элементов от общего предмета доказывания в силу особенностей уголовно-правовой характеристики преступлений конкретного вида. Так, в видовые предметы доказывания по уголовным делам о хищении, совершенном лицом путем грабежа, разбоя, присвоения или растраты, не могут быть включены некоторые обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, например, необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, обоснованный риск.

Содержание обстоятельств, образующих видовой предмет доказывания, определяется исключительно с учетом уголовно-правовой характеристики элементов основного и квалифицированных составов преступления, предусмотренных данной статьей Особенной части УК РФ. При разработке видового предмета доказывания за основу берется основной состав преступления, нашедший описание в диспозиции конкретной статьи уголовного закона. Например, по делам о краже требуется установить факт тайного хищения чужого имущества (ч. 1 ст. 158 УК). В отношении квалифицирующих обстоятельств в видовом предмете доказывания указывается на факт наличия либо отсутствия совершения кражи, например, группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 158 РФ), с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ), в особо крупном размере (п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ). А в видовые предметы доказывания по уголовным делам о преступлениях против жизни и здоровья не включаются, например, обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступлений данной группы преступлений или является доходами от этого имущества. Очевидно, не могут быть включены в видовые предметы доказывания по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) либо в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), ибо освобождение от уголовной ответственности по данным основаниям возможно, в частности, в тех случаях, если лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести.

Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений иной категории в связи с деятельным раскаянием возможно только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ (ч. 2 ст. 75 УК). Например, по делам о даче взятки в видовой предмет доказывания необходимо включать обстоятельства, подтверждающие наличие или отсутствие факта вымогательства взятки. Если имело место

вымогательство взятки со стороны должностного лица, то лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности (прим. к ст. 291 УК РФ).

Не имеют отношения к видовому предмету доказывания по делам о преступлениях, например, против общественной безопасности или против семьи и несовершеннолетних обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, предусмотренных статьями 198–199.1 УК РФ (ст. 76.1 УК).

Определенные особенности видовые предметы доказывания приобретают и за счет наличия или отсутствия обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение лица от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ). В соответствии с этой статьей закона, лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекли определенные сроки. А это означает, что в видовые предметы доказывания по делам о преступлениях, например, небольшой тяжести, нужно устанавливать наличие или отсутствие факта истечения двух лет после совершения преступления данной категории. При этом требуется установить наличие или отсутствие обстоятельств, изменяющих течение данного срока давности. В соответствии с ч. 3 ст. 78 УК РФ, течение данного срока давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление небольшой тяжести, уклоняется от следствия или суда.

Аналогичным образом решается вопрос при формировании видовых предметов доказывания относительно обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение лица от наказания. Так, в соответствии со ст. 80.1 УК РФ освобождение от наказания в связи с изменением обстановки применяется к лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо перестало быть общественно опасным. Следовательно, обстоятельства, указывающие на изменение обстановки, в смысле указанной статьи уголовного закона, не включаются в видовые предметы доказывания по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Что же касается освобождения от наказания в связи с болезнью, то требуется включать в видовые предметы доказывания по уголовным делам о всех преступлениях обстоятельства, указывающие на наличие или отсутствие у лица психического расстройства, наступившего после совершения преступления и лишającego его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 1 ст. 81 УК РФ), а также на наличие или отсутствие у лица после совершения преступления иной тяжелой болезни, препятствующей отбыванию наказания (ч. 2 ст. 81 УК РФ).

Данные правила формирования видовых предметов доказывания распространяются и на случаи отсрочки отбывания наказания, предусмотренные статьями 82 и 82.1 УК РФ.

В связи с обсуждаемой проблемой требуется рассмотреть вопросы, касающиеся имени видового предмета доказывания, а также его места в структуре типовых (частных) методик расследования преступлений.

Представляется, что видовой предмет доказывания приобретает имя, соответствующее имени частной криминалистической методики, в которой он занимает первое место в ее структуре. По этой причине в так называемых типовых методиках расследования группы или даже рода преступлений не может быть места общему для них предмету доказывания в силу особенностей уголовно-правовых характеристик элементов состава преступлений определенных видов. Следовательно, типовые методики расследования группы преступлений, в которых по объективной причине не могут содержаться общие для них предметы доказывания, являются, по сравнению с методиками расследования преступлений конкретных видов, малоэффективными.

С учетом сформулированных выше положений, предмет доказывания, например, по делам о получении взятки (ст. 290 УК РФ), снабженный в необходимых случаях комментарием отдельных его обстоятельств, примет следующий вид.

- **Событие преступления**, т. е. *факт получения взятки* должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконного оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав за совершение действий (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица, либо если оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе.

Под иностранным должностным лицом в статье 290 УК РФ понимается любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, и любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия; под должностным лицом публичной международной организации понимается международный гражданский служащий или любое лицо, которое уполномочено такой организацией действовать от ее имени (прим. 2 к ст. 290 УК РФ).

- **Предмет взяточничества, его свойства.** Предметом взяточничества могут быть деньги, ценные бумаги, иное имущество, выгоды или услуги имущественного характера, оказываемые безвозмездно, но подлежащие оплате (например, предоставление туристических путевок, строительство дачи, ремонт квартиры). Под выгодами имущественного характера понимается, например, занижение стоимости передаваемого имущества, уменьшение арендных платежей, процентных ставок за пользование банковскими ссудами. Выгоды и услуги имущественного характера подлежат оценке.

- **Конкретные служебные действия (бездействие)**, за выполнение которых должностное лицо получило взятку. Если предмет взятки в любом его виде передан родным или близким должностного лица с его согласия, либо

если он не возражал против этого и использовал свои служебные полномочия в пользу взяткодателя, действия должностного лица должны квалифицироваться как получение взятки.

В случаях получения должностным лицом денег, ценных бумаг или других материальных ценностей якобы за совершение действий (бездействия), которые он не может осуществить из-за отсутствия служебных полномочий или невозможности использовать свое служебное положение, содеяное следует квалифицировать, при наличии умысла на приобретение указанных ценностей, как мошенничество по ст. 159 УК РФ.

• **Время, место и способы совершения и сокрытия преступления.** Получение взятки считается оконченным преступлением с момента принятия получателем хотя бы части передаваемых ценностей. Взятка может быть передана взяткополучателю непосредственно взяткодателем или через посредника в рабочее время в служебном кабинете должностного лица либо после работы в ином заранее обусловленном месте. Время, место и способы совершения и сокрытия данных преступлений на квалификацию содеянного не влияют. Например, время передачи (до или после совершения действий (бездействия)) в интересах дающего для квалификации не имеет значения.

• **Субъект преступления, его должностное положение.** Субъектом получения взятки является лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности.

• **Винность лица в совершении преступления:** достижение 16-летнего возраста, факт вменяемости; умышленная форма вины, прямой умысел, мотив корыстный.

• **Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого.**

• **Характер и размер вреда, причиненного преступлением, общий размер незаконного обогащения в результате получения взятки.** Значительным размером получения взятки в статье 290 УК РФ признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие двадцать пять тысяч рублей, крупным размером взятки — превышающие сто пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером взятки — превышающие один миллион рублей.

• **Наличие (отсутствие) обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния.**

• **Наличие (отсутствие) обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание.**

• **Наличие (отсутствие) обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности:** а) деятельного раскаяния (ст. 75 УК) или в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК) при совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 290 УК РФ; б) истечения срока давности: два года со дня совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ.

• **Наличие (отсутствие) обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от наказания** (в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК) при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ; в связи с болезнью (ст. 81 УК)), **а также дать отсрочку от отбывания наказания** (осужденным беременной женщине; женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет или мужчине, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет и являющемуся единственным родителем, до достижения ребенком 14-летнего возраста (ч. 1 ст. 82 УК)).

• **Наличие (отсутствие) обстоятельств, указанных в п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.** Следует иметь в виду, что в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, и любые доходы от этого имущества подлежат конфискации, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

• **Наличие (отсутствие) других квалифицирующих обстоятельств:**

- получения взятки за незаконные действия (бездействие) (ч. 3 ст. 290 УК);
- деяний, предусмотренных ч.ч. 1–3 ст. 290 УК, совершенных лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления (ч. 4 ст. 290 УК РФ);
- деяния, предусмотренного п. «а» ч. 5 ст. 290 УК, совершенного группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Взятку следует считать полученной по предварительному сговору группой лиц, если в преступлении участвовали два и более должностных лица, которые заранее договорились о совместном совершении данного преступления с использованием своего служебного положения. При этом не имеет значения, какая сумма получена каждым из этих лиц.

В организованную группу могут входить и лица, не являющиеся должностными, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений. При наличии к тому оснований они несут ответственность в соответствии с ч. 4 ст. 34 УК РФ как организаторы, подстрекатели либо пособники преступлений. В таких случаях преступление считается оконченным с момента принятия взятки;

- деяния, предусмотренного п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, если оно совершено с вымогательством взятки;
- деяния, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, если оно совершено в крупном размере;
- деяния, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ, если оно совершено в особо крупном размере.

• **Наличие (отсутствие) обстоятельств, способствовавших совершению преступления.**

• **Наличие (отсутствие) провокации взятки.** Субъектом провокации взятки может быть любое лицо, действующее с прямым умыслом в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа.

При расследовании по такому уголовному делу следует проверять, не было ли предварительной договоренности с должностным лицом о согласии принять предмет взятки. При отсутствии такой договоренности лицо, пытавшееся вручить предмет взятки в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа, подлежит ответственности по ст. 304 УК РФ за провокацию взятки.

Однако не является провокацией взятки проведение предусмотренного законодательством оперативно-разыскного мероприятия в связи с проверкой заявления о вымогательстве взятки.

Совершение провокации взятки должностным лицом с использованием служебного положения требует дополнительной квалификации по ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) [3].

Литература

1. *Кобликов А.С.* Советский уголовный процесс. Книга первая. М.: Изд-во Воен. ин-та, 1982. 120 с.
2. *Миньковский Г.М.* Понятие предмета доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973. С. 139–162.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2000.
4. *Самыгин Л.Д.* Расследование преступлений как система деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1989. 180 с.

Literatura

1. *Koblikov A.S.* Sovetskij ugovolny'j process. Kniga pervaya. M.: Izd-vo Voen. in-ta, 1982. 120 s.
2. *Min'kovskij G.M.* Ponyatie predmeta dokazy'vaniya // Teoriya dokazatel'stv v sovet-skom ugovolnom processe. M.: Yurid. lit., 1973. S. 139–162.
3. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 10.02.2000 № 6 «O sudebnoj prak-tike po delam o vzyatochnichestve i kommercheskom podkupe» // Byulleten' Verxovnogo Suda RF, 2000.
4. *Samy'gin L.D.* Rassledovanie prestuplenij kak sistema deyatel'nosti. M.: Izd-vo MGU, 1989. 180 s.

S.N. Churilov

Interpretation of the General Subject of Proof in Relation to the Peculiarities of the Investigation of the Particular Type of Crimes

The article explains the general formula of the fact to be proven contained in Art. 73 Code of Criminal Procedure, in relation to the characteristics of certain types of crime investigation and the creation of private forensic techniques. The issues of formation of generic items of evidence as the first building block of private crime investigation techniques are considered.

Keywords: general subject of proof; generic subject of proof; concept; correlation.

А.В. Яшин

Причины и условия совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства

Статья посвящена исследованию причинного комплекса, продуцирующего и обуславливающего совершение преступлений против участников уголовного судопроизводства. Автор, используя результаты проведенного собственного эмпирического исследования, выделяет ключевые причины и условия совершения указанных общественно опасных деяний. Констатируется, что их выявление и нейтрализация повысят эффективность деятельности, направленной на предупреждение преступлений рассматриваемой категории.

Ключевые слова: преступления против участников уголовного судопроизводства; причины и условия; мотивация преступного поведения; меры безопасности; предупреждение преступлений.

В настоящее время государство и правоохранительные структуры сталкиваются со многими проблемами в сфере предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Одной из таких проблем является выявление и нейтрализация причин и условий совершения указанных общественно опасных деяний.

Под причиной во многих источниках понимается объективная связь между явлениями, одно из которых (причина) при наличии определенных условий порождает другое явление (следствие). Под условиями, способствующими совершению преступлений, понимаются факты реальной действительности, которые прямо преступлений не вызывают, но их наличие может способствовать возникновению у человека намерения совершить преступление [12: с. 27–28].

В научной литературе причины и условия довольно часто связывают с социально-экономическими противоречиями на современном этапе развития общества. Так, Э.М. Султанов полагает, что «поляризация общества на богатых и бедных, бюрократизация управленческого аппарата, негативные социальные трансформации, девиантное поведение молодежи, скрытая и явная безработица выступают социальной основой преступности» [10: с. 8].

Тем не менее в криминологической литературе отмечается, что любое человеческое действие всегда характеризуется определенным единством объективных и субъективных свойств. Причем объективное и субъективное в человеческом поведении — это моменты, отражающие единый волевой процесс, посредством которого достигается цель [3: с. 22–24].

При формировании преступлений против участников уголовного судопроизводства и объективные, и субъективные компоненты, бесспорно, играют решающую роль в выборе цели и мотивации преступного поведения.

И хотя Н.Ф. Кузнецова справедливо отмечает, что «диалектические законы детерминации методологически обосновывают теорию и практику причинности в уголовном праве и криминологии, отступление от них чревато доктринальными ошибками» [5: с. 335], основной упор она делает на социальные причины и условия преступности. К примеру, уважаемая Нинель Федоровна пишет, что «причины и условия преступности всегда социальные явления» [6: с. 46].

Однако накопленный опыт криминологических исследований позволяет констатировать, что все же социальные (объективные) детерминанты преступности не являются главенствующими в формировании преступного поведения, а находятся в тесной взаимосвязи с психологическими (субъективными). Поэтому, на наш взгляд, причины и условия преступности носят социально-психологический характер, то есть их социальная составляющая неразрывно связана с психологической составляющей.

Безусловно, социальные факторы выступают важным элементом детерминации преступного поведения, поскольку недостатки общественного строя непосредственно влияют на формирование преступного поведения личности. Но следует заметить, что преступление совершает конкретное лицо, руководствуясь своими собственными убеждениями, интересами, потребностями, причем в одних и тех же социальных условиях не каждый человек совершает общественно опасное деяние [13: с. 102–104].

Одной из ситуаций, в которую порой вовлекается личность, является сфера уголовного судопроизводства. Под уголовным судопроизводством понимается как деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, имеющая определенный порядок и систему, так и отношения, возникающие в связи с такой деятельностью между всеми, кто в той или иной мере вовлечен в нее. Эта деятельность и отношения возникают и протекают не произвольно, не по чьему-то усмотрению или чьей-то прихоти, а в соответствии с предписаниями уголовно-процессуального закона и иных правовых актов при неуклонном соблюдении предусмотренного ими порядка (процедуры) [11: с. 14].

Отсюда следует, что совершение преступлений, затрагивающих сферу уголовного судопроизводства, всегда приводит к нарушению официально предусмотренной процедуры отправления правосудия.

В данном случае жертвы преступлений — участники уголовного судопроизводства — сами порождают ту ситуацию, в которой оказываются до совершения в отношении них общественно опасных деяний. Подозреваемые и обвиняемые совершают преступления, в результате чего приобретают свой статус. Следователи, дознаватели, прокуроры, судьи, эксперты, защитники сами выбрали сферу своей деятельности, которая непосредственно связана с уголовным судопроизводством. Хотя часть участников уголовного судопроизводства

(потерпевшие, свидетели, понятые) не всегда по своей воле вступают в сферу уголовного процесса, но поскольку они все же становятся участниками предварительного расследования либо судебного разбирательства, можно говорить и о том, что они обладают некоторой степенью виктимности.

Следовательно, одним из ключевых условий совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства являются факторы, порождаемые взаимодействием личности субъекта, совершающего преступление, с особой средой — сферой уголовного судопроизводства.

Именно внешняя среда в данном случае способствует формированию ситуативной виктимности жертв преступлений — участников уголовного судопроизводства, что порой является сильнейшим стимулом для совершения преступлений в отношении них.

Учитывая, что суд наделен властными полномочиями, закрепленными в Конституции Российской Федерации, презюмируется, что участники судебного разбирательства должны быть неприкосновенны, но лица, совершающие преступления в отношении них, закрывают глаза на все запреты и препятствуют осуществлению правосудия, посягают на жизнь лиц, творящих правосудие, а также совершают иные преступные деяния.

Среди причин и условий совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства выделяются две основные группы: причины и условия общего характера и специфические причины и условия.

К общим причинам и условиям рассматриваемых общественно опасных деяний, как и любого вида преступности, относятся недостатки экономического, социального, духовно-нравственного, правового характера.

Поскольку преступления против участников уголовного судопроизводства имеют свои особенности, для них характерны специфические причины и условия, которые следует рассмотреть более детально. Так, к причинам и условиям совершения преступлений в отношении участников уголовного судопроизводства можно отнести низкий уровень правовой культуры человека, совершающего преступление, его правовой нигилизм [13: с. 114–115].

В данном случае следует согласиться с утверждением С.В. Полениной и Е.В. Скурко, которые считают, что «правовой нигилизм, низкий уровень правовой культуры населения как его (правового нигилизма) следствие — закоренелая традиция российского общества, самым негативным образом отражающаяся и влияющая как на самооценку каждого конкретного человека, его самоуважение, так и, следовательно, социальную активность, культурные потребности личности, осознание возможностей своего развития» [9: с. 2].

Действительно, российские граждане довольно часто совершают различные противоправные деяния, осознавая, что нарушают закон. Так, водители транспортных средств нередко умышленно превышают допустимую скорость движения, проезжают на запрещающий сигнал светофора, управляют автомобилем в состоянии опьянения. Многие лица занимаются индивидуальной предпринимательской деятельностью без лицензии на ее осуществление

или с нарушением предписаний лицензии. Зачастую нарушаются различные правила в области охраны труда, окружающей среды, рыбных запасов, лесов и т. п. Эти деяния становятся привычными действиями людей, вследствие чего совершение административных правонарушений постепенно трансформируется в преступную деятельность [13: с. 115].

По этому поводу совершенно верно пишет Н.А. Макарова: «Право далеко не всегда проникает в сознание людей, чаще всего, к сожалению, оно является лишь механической преградой на пути недобропорядочных членов нашего общества» [7: с. 63].

Кроме того, к причинам совершения исследуемых преступлений можно отнести традиционную агрессивность, давно присутствующую в нашем обществе, поскольку на кого может выплеснуть отрицательные эмоции лицо, подвергшееся уголовному преследованию, как не на органы дознания, предварительного расследования, суд. К условиям в данном случае следует отнести слабую защищенность участников уголовного судопроизводства правовыми средствами.

К причинам и условиям рассматриваемых преступлений относится и наличие конфликта между правонарушителями и участниками уголовного судопроизводства.

Следует заметить, что конфликты как непосредственные причины преступного поведения довольно часты. По подсчетам криминологов, почти каждый девятый из молодых преступников находился в момент совершения преступления в общем конфликте с окружающими [4: с. 217].

На наш взгляд, при совершении преступлений против участников уголовного судопроизводства роль конфликтов имеет первостепенное значение. Лица, совершая такие преступные деяния, всегда находятся в конфликте со своими оппонентами в уголовном процессе. Так, обвиняемый, подозреваемый или их родственники совершают преступления в отношении потерпевших, свидетелей, понятых; нередко в отношении судей и лиц, производящих расследование. Потерпевшие и их родственники, в свою очередь, совершают преступления в отношении подозреваемых, обвиняемых. Лица, производящие расследование по уголовным делам, преступно воздействуют на подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей. В основе этих противоправных действий лежит именно конфликт, то есть какая-то неудовлетворенность лица действиями других участников уголовного процесса.

Отметим, что в отношении субъектов, не являющихся должностными лицами, довольно часто совершают преступления сами участники уголовного судопроизводства — должностные лица. Так, представители органа дознания, следователи, дознаватели противоправно воздействуют на потерпевших с целью изменения показаний или фальсификации доказательств. В частности, чтобы не приостанавливать расследование по уголовному делу и тем самым не повышать количество нераскрытых преступлений, лица, производящие расследование, воздействуют на потерпевших, принуждают их изменить свои первоначальные показания. Нередко фальсифицируются

обвинительные доказательства, в результате чего прекращается производство по уголовным делам.

В данном случае нельзя не согласиться с Д.А. Пашенцевым, считающим, что «необходимо повышение профессиональной компетенции субъектов правоприменения, в том числе судей и работников правоохранительных органов, формирование у них уважительного отношения к правам и свободам человека и гражданина» [8: с. 24].

Поэтому, кроме вышеперечисленных, к причинам и условиям совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства следует отнести низкий уровень кадрового обеспечения соответствующих служб и слабый профессионализм их сотрудников; недостаточную разработанность критериев оценки деятельности правоохранительных органов; малоэффективный контроль и надзор за работой сотрудников; их профессиональную деформацию.

Также к причинам и условиям рассматриваемых преступлений относятся и ложно понятые интересы службы, заключающиеся в раскрытии преступлений любыми способами.

Представляется, что существенным условием совершения преступлений в отношении участников уголовного судопроизводства является малоэффективное применение мер безопасности, перечисленных в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [1].

Так, зачастую потерпевшие и свидетели по уголовным делам, особенно расследуемым в низовых звеньях правоохранительных органов (районных отделах органов внутренних дел, районных отделах управлений Следственного комитета Российской Федерации и т. п.), не заявляют об угрозе в отношении них. А если даже заявляют, то меры по заявлениям применяются весьма ограниченно. Почему это происходит? Например, в одном следственном органе расследуются сотни уголовных дел. Причем все потерпевшие по данным делам заявляют о том, что им угрожают убийством, насилием, уничтожением или повреждением их имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве.

Если угроза реальна, то таким лицам необходимо обеспечить защиту, как того требует федеральный закон. Следует признать, что физически обеспечить такую защиту просто невозможно. В данном случае сложно обеспечить даже полную конфиденциальность сведений о защищаемом лице, поскольку события происходят в районе с небольшой численностью населения, где каждый житель знает друг друга. Кроме того, вызывает сомнение практическое применение такой меры безопасности, как изменение внешности. Менталитет большинства жителей Российской Федерации таков, что вряд ли кто из них готов согласиться на столь кардинальные меры для того, чтобы помочь правосудию. Этот фактор необходимо было учесть, прежде чем заимствовать данную меру безопасности из законодательства зарубежных стран.

Россиянин, даже если и согласится на изменение внешности, то потребует определенное вознаграждение за данное действие, причем существенное.

Это приведет к дополнительным расходам из федерального бюджета, которые не заложены в Государственную программу «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы» [2].

Не всегда можно обеспечить безопасность потерпевших и свидетелей, применяя такие меры, как личная охрана, охрана жилища и имущества, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице (не обязательно в районах с низкой численностью населения), переселение на другое место жительства, изменение места работы (службы) или учебы, временное помещение в безопасное место.

Общеизвестно, что в преступных организациях очень хорошо работает так называемая контрразведка, при помощи которой заинтересованные лица могут без особого труда установить личность и место нахождения потерпевшего, свидетеля. Нельзя также гарантировать исключительную порядочность сотрудников правоохранительных органов, которым поручено обеспечение безопасности указанных лиц. Данное обстоятельство также является фактором для «расшифровки» установочных данных участников уголовного судопроизводства.

Вышеуказанные суждения подтверждаются данными проведенного собственного эмпирического исследования в виде социологического опроса свыше 500 участников уголовного судопроизводства, в отношении которых применялись различные меры безопасности. Итоги данного опроса свидетельствуют о том, что в отношении лиц из числа опрошенных не применялись такие меры безопасности, как «переселение на другое место жительства», «перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы», «изменение внешности». О том, что в отношении них применялись такие меры безопасности, как «замена документов», ответили 1,1 % из числа опрошенных респондентов; «обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице» — 2,1 %; «личная охрана» — 7,4 %, «временное помещение в безопасное место» — 11,2 %; «выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности» — 28,7 %; «охрана жилища и имущества» — 49,5 %.

На основании изложенного следует сделать вывод, что преступления против участников уголовного судопроизводства детерминируются комплексом взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов, продуцирующих данные общественно опасные деяния и обуславливающих совершение конкретных преступлений.

Причинный комплекс преступлений против участников уголовного судопроизводства складывается из двух групп причин и условий:

1) причины и условия общего характера, к которым относятся недостатки и противоречия экономического, социального, духовно-нравственного, правового характера;

2) специфические причины и условия, характерные в первую очередь для указанного вида преступлений. К ним относятся: низкий уровень правовой

культуры человека, совершающего преступление; правовой нигилизм; традиционная агрессивность, свойственная российскому обществу; наличие конфликта между различными участниками уголовного судопроизводства (стороны обвинения и защиты); слабая защищенность участников уголовного судопроизводства; малоэффективное применение к участникам уголовного судопроизводства мер безопасности; несовершенство законодательной базы, регламентирующей их защиту; неверие в справедливость правоохранительных органов; низкий уровень кадрового обеспечения и слабый профессионализм сотрудников правоохранительных органов; недостаточная разработанность критериев оценки деятельности правоохранительных органов; крайне высокая их загруженность; малоэффективный контроль и надзор за работой сотрудников правоохранительных органов; профессиональная деформация; ложно понятые ими интересы службы.

Указанные факторы, несомненно, следует учитывать при разработке мероприятий, направленных на предупреждение рассматриваемой группы преступлений.

Литература

1. Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (в редакции от 08 марта 2015 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3534; Российская газета. 13 марта 2015 года. № 6623.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 года № 586 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы» (в редакции от 13 августа 2015 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 29. Ст. 3965; Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 34. Ст. 4903.
3. Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. М.: Изд-во РУДН, 2004. 128 с.
4. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика. Поведение. Ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М.: Политиздат, 1989. 351 с.
5. Кузнецова Н.Ф. Детерминация в уголовном праве и криминологии // Теоретико-криминологические проблемы права / под ред. М.Н. Марченко. Вып. 2. М.: Зерцало-М, 2007. С. 319–336.
6. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с.
7. Макарова Н.А. Воспитательная функция в системе функций российского права // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 1. С. 61–66.
8. Пашенцев Д.А. Совершенствование механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 1. С. 20–25.
9. Поленина С.В., Скурко Е.В. Право и культура: от правовой культуры к культурным правам // Российская юстиция. 2007. № 12. С. 2–5.

10. Султанов Э.М. Социальные детерминанты преступности в современной России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004. 26 с.
11. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало, 2005. 736 с.
12. Чуфаровский Ю.В. Криминология в вопросах и ответах: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Проспект, 2004. 312 с.
13. Яшин А.В. Криминологические особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства и основы их предупреждения. М.: Академия естествознания, 2016. 238 с.

Literatura

1. Federal'ny'j zakon ot 20 avgusta 2004 goda № 119-FZ «O gosudarstvennoj zashhite poterpevshix, svidetelej i iny'x uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva» (v redakcii ot 08 marta 2015 goda) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2004. № 34. St. 3534; Rossijskaya gazeta. 13 marta 2015 goda. № 6623.
2. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 13 iyulya 2013 goda № 586 «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy' «Obespechenie bezopasnosti poterpevshix, svidetelej i iny'x uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva na 2014–2018 gody'» (v redakcii ot 13 avgusta 2015 goda) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2013. № 29. St. 3965; Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2015. № 34. St. 4903.
3. Volkov B.S. Deterministicheskaya priroda prestupnogo povedeniya. M.: Izd-vo RUDN, 2004. 128 s.
4. Dubinin N.P., Karpecz I.I., Kudryavcev V.N. Genetika. Povedenie. Otvetstvennost'. O prirode antiobshhestvenny'x postupkov i putyax ix preduprezhdeniya. M.: Politizdat, 1989. 351 s.
5. Kuznecova N.F. Determinaciya v ugolovnom prave i kriminologii // Teoretiko-kriminologicheskie problemy' prava / pod red. M.N. Marchenko. Vy'p. 2. M.: Zerczalo-M, 2007. S. 319–336.
6. Kuznecova N.F. Problemy' kriminologicheskoy determinacii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 208 s.
7. Makarova N.A. Vospitatel'naya funkciya v sisteme funkcij rossijskogo prava // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 1. S. 61–66.
8. Pashencev D.A. Sovershenstvovanie mexanizma zashhity' prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2015. № 1. S. 20–25.
9. Polenina S.V., Skurko E.V. Pravo i kul'tura: ot pravovoj kul'tury' k kul'turny'm pravam // Rossijskaya yusticiya. 2007. № 12. S. 2–5.
10. Sultanov E'.M. Social'ny'e determinanty' prestupnosti v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Stavropol', 2004. 26 s.
11. Ugolovny'j process: uchebnik dlya studentov yuridicheskix vuzov i fakul'tetov / pod red. K.F. Gucenko. M.: Zercalo, 2005. 736 s.
12. Chufarovskij Yu. V. Kriminologiya v voprosax i otvetax: ucheb. posobie. M.: TK Velbi, Prospekt, 2004. 312 s.
13. Yashin A.V. Kriminologicheskie osobennosti prestuplenij protiv uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva i osnovy' ix preduprezhdeniya. M.: Akademiya estestvoznaniya, 2016. 238 s.

A.V. Yashin

**The Causes and Conditions of Committing Crimes Contrary
to the Participants in Criminal Proceedings**

The article investigates the causal complex, producing and stipulating offenses contrary to the participants in criminal proceedings. Using the results of the empirical research the author identifies the key causes and circumstances of these socially dangerous acts. It is stated that their detection and neutralization increase the working efficiency, aimed at the prevention of crimes of the considered category.

Keywords: crimes contrary to the participants in criminal proceedings; causes and conditions; motivation of criminal behavior; security measures; the prevention of crimes.

С.В. Маньшин

Преимущественное право покупки комнаты в коммунальной квартире: соотношение теории и судебной практики

Статья посвящена проблеме противоречивой судебной практики по делам о признании права преимущественной покупки комнаты в коммунальной квартире в той ситуации, когда комнаты, принадлежащие разным собственникам, являются отдельными объектами права собственности, а не находятся в общей долевой собственности, что подтверждается данными регистрирующих органов. Автор утверждает, что современная судебная практика по указанному вопросу не соответствует нормам гражданского законодательства.

Ключевые слова: комната в коммунальной квартире; преимущественное право покупки.

Как справедливо отмечается в научной литературе, институт права преимущественной покупки является традиционным в российском праве и не вызывает особых трудностей в применении [6]. На наш взгляд, в первую очередь это обуславливается незначительным объемом норм регулирующих данный институт. В Гражданском кодексе Российской Федерации этому институту посвящена всего одна статья — статья 250 («Преимущественное право покупки»). Однако даже в таком простом правовом институте возникают спорные вопросы, требующие разрешения. С некоторых пор в судебной практике стали появляться дела о преимущественном праве покупки комнаты в коммунальной квартире.

Коренными причинами возникновения таких споров стали особенности приватизации коммунальных квартир, а именно то обстоятельство, что коммунальная квартира могла быть приватизирована всеми жильцами одновременно (единовременно), либо комнаты приватизировались каждой семьей или единоличным жильцом самостоятельно и в разное время.

В первом случае, безусловно, возникала общая долевая собственность на квартиру как единый объект собственности, что документально

и подтверждалось свидетельствами о праве собственности — каждая семья имела определенную долю квартиры, соразмерно площади комнаты (комнат). Во втором случае каждая семья (каждый приватизировавший) имела отдельный объект права собственности — одну комнату или несколько, но на которую (-ые) было выдано отдельное самостоятельное свидетельство о праве собственности.

Возникает вопрос: имеется ли преимущественное право покупки комнаты в коммунальной квартире у иных собственников комнат в том случае, когда каждый имеет документально подтвержденное самостоятельное право собственности на комнату как на отдельный изолированный объект?

Судебная практика разделилась на два варианта, даже на уровне Верховного суда РФ. Можно привести два характерных примера.

Первый пример — Определение Верховного суда РФ № 5-В04-68 от 22 июня 2004 года, в котором Судебная коллегия по гражданским делам, несмотря на наличие самостоятельного права собственности на комнату, посчитала, что при продаже комнаты «предметом договора *фактически* (курсив мой. — С.М.) является приходящаяся на эту комнату доля в праве общей собственности на квартиру, в связи с чем действует установленное ст. 250 ГК РФ правило о преимущественном праве покупки»¹.

Однако менее чем через полгода в Верховном суде РФ все-таки возобладал буквальный подход к толкованию статьи 250 ГК РФ — право преимущественной покупки имеется только при общей собственности.

Данный подход нашел свое отражение в Постановлении Президиума Верховного суда РФ от 17 ноября 2004 года № 19пв-04, где было выражено четко и недвусмысленно: «...ни в момент заключения договора купли-продажи, ни в настоящее время не существует нормативного правового акта, который бы устанавливал ограничения на распоряжение комнатой, находящейся в частной собственности. Так, не установлена и обязанность предупреждать нанимателей других жилых помещений в коммунальной квартире о намерении продать комнату, принадлежащую лицу на праве собственности.

Таким образом, отношений общей собственности относительно всей квартиры или относительно комнаты № 1 между собственниками отдельных изолированных жилых помещений (М. и А.) не возникло. Квартира, в которой расположена спорная комната, не находилась в общей собственности М. и А. Соответственно, М. не должна была предупреждать соседей о намерении продать комнату, а могла на основании принципа свободы договора произвести отчуждение принадлежащего на праве собственности имущества (комнаты) любому лицу»².

¹ Определение Верховного суда РФ от 22.06.2004 № 5-В04-68. Опубликовано не было. Постановлением Президиума Верховного суда РФ от 17.11.2004 № 19пв-04 данное определение отменено.

² Постановление Президиума Верховного суда РФ от 17.11.2004 № 19пв-04. Опубликовано не было. См.: СПС КонсультантПлюс. База «Судебная практика».

Другими словами, позиция Верховного суда РФ в итоге — к концу 2004 года — подкреплялась не только буквальным толкованием ст. 250 ГК РФ, но и ссылкой на принцип свободы договора, который был бы нарушен расширенным толкованием указанной статьи. Мы полностью поддерживаем данный подход.

Жилищный кодекс Российской Федерации³ вступил в силу 1 марта 2005 года.

Частью 6 статьи 42 («Определение долей в праве общей собственности на общее имущество в коммунальной квартире») было установлено правило: «При продаже комнаты в коммунальной квартире остальные собственники комнат в данной коммунальной квартире имеют преимущественное право покупки отчуждаемой комнаты в порядке и на условиях, которые установлены Гражданским кодексом Российской Федерации».

Суды получили дополнительное основание для признания права преимущественной покупки комнаты в коммунальной квартире, даже в том случае, когда общей собственности на квартиру не зафиксировано.

В нашей адвокатской практике пришлось столкнуться с данным вопросом еще в 2009 году. Фабула дела была стандартная. Истцы (К1 и К2) обратились с иском к ответчикам (Я. и П.) с иском о замене покупателя жилой комнаты в четырехкомнатной квартире (П.) на истцов. Свои требования истцы мотивировали нарушением права преимущественной покупки доли в общей собственности (ст. 250 ГК РФ) — извещение с предложением покупки было направлено не по надлежащему адресу.

Решением Промышленного районного суда г. Курска от 23.12.2009 года по всем требованиям в иске было отказано на том основании, что комната, принадлежавшая ранее Я., и три комнаты, принадлежащие К1 и К2, являются отдельными объектами права собственности, что подтверждается данными УФС по Курской области.

На основании кассационной жалобы, поданной ответчиками, судебная коллегия по гражданским делам Курского областного суда 09.10.2010 года вынесла определение об отмене решения Промышленного районного суда г. Курска от 23.12.2009 года и вынесла новое решение о переводе на К1 и К2 права общей совместной собственности на комнату размером 10,5 кв. м в квартире по адресу: ХХХ.

Основанием для отмены предыдущего решения и постановления нового явилось, по мнению судебной коллегии, неприменение Промышленным районным судом г. Курска норм ч. 6. ст. 42 Жилищного кодекса Российской Федерации, где сказано: «При продаже комнаты в коммунальной квартире остальные собственники комнат в данной коммунальной квартире имеют преимущественное право покупки отчуждаемой комнаты в порядке и на условиях, которые установлены Гражданским кодексом Российской Федерации».

³ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Российская газета. № 1. 12.01.2005.

Такие дела не единичны. По сей день суды выносят аналогичные решения. Были даже попытки обжаловать конституционность части 6 статьи 42 ЖК РФ⁴. Пока безуспешно.

Можно утверждать, что на данный момент судебная практика прочно стоит на позиции признания права преимущественной покупки комнаты в коммунальной квартире, даже в том случае, когда комнаты в квартире являются отдельными объектами права собственности, что подтверждается данными регистрирующих органов.

Несмотря на то что многими юристами наличие преимущественного права покупки, согласно ч. 6 ст. 42 ЖК РФ, не отрицается [1: с. 109–136; 2; 5], мы придерживаемся иного мнения. Мы считаем, что данная позиция судов неправильная, ошибочная, основана на неправильном толковании и применении норм материального права. Смеем утверждать и постараемся далее доказать, что собственники комнат в коммунальной квартире в случаях, подобным вышеуказанным, не имеют преимущественного права на покупку отдельной комнаты в коммунальной квартире.

Тезис 1. Процедура купли-продажи чего-либо и преимущественные права сторон в гражданско-правовом договоре устанавливаются (регулируются) нормами гражданского права, но не жилищного права.

Пункт 1 ст. 2 ГК РФ определяет предмет гражданского права (законодательства): «Гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников».

Тезис 2. Норма части 6 ст. 42 ЖК РФ не является нормой жилищного права, так как предмет жилищного права (законодательства) четко указан в части 1 ст. 4 ЖК РФ:

«1. Жилищное законодательство регулирует отношения по поводу:

1) возникновения, осуществления, изменения, прекращения права владения, пользования, распоряжения жилыми помещениями государственного и муниципального жилищных фондов; 2) пользования жилыми помещениями частного жилищного фонда; 3) пользования общим имуществом собственников помещений; 4) отнесения помещений к числу жилых помещений

⁴ См., например, Определение Конституционного суда РФ от 25.12.2008 № 984-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Дюнзе Ларисы Юрьевны и Хусейнова Фархода Джумаевича на нарушение их конституционных прав частью 6 статьи 42 Жилищного кодекса Российской Федерации и пунктом 3 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 г. № 707-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Изотовой Александры Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частью 6 статьи 42 Жилищного кодекса Российской Федерации».

и исключения их из жилищного фонда; 5) учета жилищного фонда; 6) содержания и ремонта жилых помещений; 7) переустройства и перепланировки жилых помещений; 8) управления многоквартирными домами; 9) создания и деятельности жилищных и жилищно-строительных кооперативов, товариществ собственников жилья, прав и обязанностей их членов; 10) предоставления коммунальных услуг; 11) внесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги; 12) контроля за использованием и сохранностью жилищного фонда, соответствием жилых помещений установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства».

Данное противоречие ч. 6 ст. 42 ЖК РФ предмету жилищного права замечено в юридической среде давно [8], однако никак не сказалось на судебной практике.

Тезис 3. Норма части 6 ст. 42 ЖК РФ является по своему характеру, по предмету правового регулирования, гражданско-правовой нормой.

Норма регулирует основания возникновения и порядок осуществления права собственности, она регулирует договорные отношения. Стороны равны, их воля автономна, стороны имущественно самостоятельны.

Мы не только согласны с мнением, что в подобных делах не должно быть ссылки на ГК РФ [3: с. 14], но и вообще считаем, что такой нормы в Жилищном кодексе РФ быть не должно.

Тезис 4. Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, в том числе в ЖК РФ, не могут противоречить ГК РФ, иначе они недействительны.

Пункт 2 ст. 3 ГК РФ определяет из чего складывается гражданское законодательство: «Гражданское законодательство состоит из настоящего Кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов (далее — законы), регулирующих отношения, указанные в пунктах 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса.

Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу».

Норма же ЖК РФ фактически расширяет, дополняет статью 250 ГК РФ, то есть противоречит ей.

Тезис 5. В соответствии с нормами гражданского права (ст. 250 ГК РФ) преимущественное право покупки доли (!) имеет только собственник, имеющий долю в имуществе. В описываемых нами случаях имел место самостоятельный объект гражданского права, что подтверждено документально.

Кроме того, следует принять во внимание позицию Конституционного суда РФ, выраженную в Постановлении от 03.11.1998 № 25-П, о том, что комната может являться самостоятельным объектом приватизации, а следовательно, и собственности. Собственник такой комнаты в коммунальной квартире вправе абсолютно самостоятельно распоряжаться своим имуществом⁵.

⁵ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 03.11.1998 № 25-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 4 Закона Российской Федерации “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации” в связи с запросами Волгоградской областной Думы, Дмитровского районного суда Московской области и жалобой гражданина В.А. Мостипанова» // Российская газета. № 215. 12.11.1998.

Тезис 6. Не вызывает возражений устоявшаяся практика свободной продажи квартир единоличными собственниками в многоквартирных домах, хотя в многоквартирном доме тоже есть, как и в коммунальной квартире, места общего пользования (например: подъезд — прямой аналог коридора, другие места). На квартиры также выдаются самостоятельные свидетельства о праве собственности. Пожалуй, сейчас никто серьезно не рассматривает квартиру как такую-то долю многоквартирного дома. Во всяком случае, на практике это так.

Тезис 7. Статья 250 ГК РФ не позволяет ЖК РФ отступать от ее норм, так как не содержит оговорки типа «если иное не установлено законом». Следовательно, введение в действие ЖК РФ и появление ч. 6 ст. 42 не изменяет ситуацию, так как указанная норма не является «специальной» нормой по отношению к «общим» нормам ст. 250 ГК РФ. Она противоречит норме абзаца 2 пункта 2 ст. 3 ГК РФ.

Тезис 8. Глава 18 ГК РФ («Право собственности и другие вещные права на жилые помещения») также не содержит оговорки типа «если иное не установлено законом». Следовательно, и указанная глава не позволяет гражданско-правовой норме ЖК РФ (ч. 6 ст. 42) противоречить ГК РФ.

В заключение можно сказать следующее. Общеизвестно разделение отраслей права на частные и публичные. Традиционно считается, что публичные отрасли служат в первую очередь публичным (государственным) интересам, частные же — интересам частных лиц. Однако на практике и применение частных норм рассматривается с точки зрения публичных интересов. Решения по многим частным делам выносятся с учетом именно публичного интереса. Это происходит и в тех случаях, когда теория права и норма права не оставляют шанса публичному интересу.

Государство в лице должностных лиц неоднократно заявляло о намерении ликвидировать коммунальные квартиры, как пережиток небогатого прошлого. Приняты и действуют различные акты, направленные на достижение поставленной цели⁶.

Данный подход к решению проблемы существования коммунальных квартир, не только наносит вред функционированию правовой системы в России, но и увеличивает правовой нигилизм населения, справедливо и, к сожалению, обоснованно рассуждающего на тему «закона» и «дышла».

На наш взгляд, сегодня как никогда требуется неукоснительное и буквальное соблюдения закона, даже в тех случаях, когда «интерес» государства состоит в другом. Поэтому очередная победа интереса государственного

⁶ См., например: Постановление правительства Москвы от 3 февраля 1998 года № 94 «О Программе поэтапной ликвидации коммунального заселения в жилищном фонде г. Москвы» (См.: сайт правительства г. Москва: <http://housing.mos.ru>); Закон Санкт-Петербурга от 17 октября 2007 года № 513-101 «О целевой программе Санкт-Петербурга «Расселение коммунальных квартир в Санкт-Петербурге», Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 04 декабря 2007 года № 1537 «О реализации Закона Санкт-Петербурга «О целевой программе Санкт-Петербурга «Расселение коммунальных квартир в Санкт-Петербурге» (См. ни официальном сайте правительства Санкт-Петербурга: <http://gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/gilfond/jilie/komm>) и др.

над интересом частным в маленьком и, безусловно, частном деле, не может не вызывать огромного сожаления⁷.

Мы полностью согласны с мнением юристов, утверждающих, что использование законодателем института преимущественного права покупки в положениях ч. 6 ст. 42 ЖК не является оправданным [7].

Существуют два достойных правовых выхода из сложившейся ситуации. Во-первых, можно внести изменение в законодательство — в статью 250 ГК РФ, прямо распространив право преимущественной покупки на комнату в коммунальной квартире — переведя всю коммунальную квартиру в положение общей долевой собственности [4: с. 96].

До внесения соответствующих изменений в ГК РФ применение к продаже комнаты в коммунальной квартире правил ст. 250 ГК будет представлять собой не основанное на законе ограничение права собственника распоряжаться имуществом по своему усмотрению, что нарушает не только п. 2 ст. 1 ГК, но и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, а также и ст. 1 Протокола № 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Мы предлагаем второй выход — следует менять судебную практику и/или отменить ч. 6. ст. 42 ЖК РФ.

В этой связи хочется отметить, что в процессе принятия ЖК РФ положение ч. 6 ст. 42 (в окончательной нумерации) изменилось кардинально. Проект № 51708-4 Жилищного кодекса Российской Федерации (редакция, внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 11.05.2004) предполагал иную трактовку. Часть 7 статьи 39 («Право собственности на общее имущество в многоквартирном доме») излагалась следующим образом: «При продаже собственником жилого помещения в коммунальной квартире принадлежащего ему на праве собственности жилого помещения остальные собственники жилых помещений в данной коммунальной квартире не вправе требовать преимущественной покупки отчуждаемого жилого помещения»⁸.

Литература

1. *Зайцева Т.И.* Нотариальная практика: ответы на вопросы. Вып. 2. М.: Волтерс Клувер, 2008. 480 с.

2. *Кузьмина И.Д.* Объекты права собственности в здании // Вещные права: система, содержание, приобретение: сб. науч. тр. в честь проф. Б.Л. Хаскельберга / под ред. Д.О. Тузова. М.: Статут, 2008. С. 109–136.

3. *Куцина С.* Коммуналка: что изменилось? // ЭЖ-Юрист. 2016. № 24. С. 14.

4. *Литовкин В.Н.* Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2005. С. 96.

⁷ Речь идет о приведенном автором примере из личной адвокатской практики. Покупатель П. купил комнату за 300 000 рублей. К моменту прекращения его права собственности на комнату цены на аналогичные комнаты на рынке недвижимости г. Курска существенно выросли (минимум до 370 000 рублей). Пожилой человек остался без жилья.

⁸ Проект № 51708-4 Жилищного кодекса Российской Федерации (редакция, внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 11.05.2004) // Опубликован не был. См.: СПС КонсультантПлюс. База «Законопроекты».

5. *Миронов И.Б., Гонгало Б.М., Крашенинников П.В. и др.* Продажа недвижимости: общая характеристика, форма, государственная регистрация: Постатейный комментарий статей 549–558 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2010. 159 с.

6. *Скловский К.И.* Применение законодательства о собственности. Трудные вопросы: Комментарий Постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г., Постановления Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54, информационного письма Президиума ВАС РФ от 15 января 2013 г. № 153. М.: Статут, 2014. 205 с.

7. *Халдеев А.В.* Комната в коммунальной квартире как объект права собственности // *Цивилист.* 2006. № 1.

8. *Эрделевский А.М.* О некоторых вопросах нового Жилищного кодекса // *Жилищное право.* М.: Интел-Синтез, 2005. № 6. С. 16–20.

Literatura

1. *Zajceva T.I.* Notarial'naya praktika: otvety' na voprosy'. Vy'p. 2. M.: Volters Kluver, 2008. 480 s.

2. *Kuz'mina I.D.* Ob''ekty' prava sobstvennosti v zdanii // *Veshhnye prava: sistema, sodержание, priobretenie: sb. nauch. tr. v chest' prof. B.L. Xaskel'berga / pod red. D.O. Tuzova.* M.: Statut, 2008. S. 109–136.

3. *Kucina S.* Kommunalka: chto izmenilos'? // *E'Zh-Yurist.* 2016. № 24. S. 14.

4. *Litovkin V.N.* Kommentarij k Zhilishhnomu kodeksu Rossijskoj Federacii. M.: Prospekt, 2005. S. 96.

5. *Mironov I.B., Gongalo B.M., Krashennnikov P.V. i dr.* Prodazha nedvizhimosti: obshhaya charakteristika, forma, gosudarstvennaya registraciya: Postatejny'j kommentarij statej 549–558 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / pod red. P.V. Krashennnikova. M.: Statut, 2010. 159 s.

6. *Sklovskij K.I.* Primenenie zakonodatel'stva o sobstvennosti. Trudny'e voprosy': Kommentarij Postanovleniya Plenuma VS RF № 10, Plenuma VAS RF № 22 ot 29 aprelya 2010 g., Postanovleniya Plenuma VAS RF ot 11 iyulya 2011 g. № 54, informacionnogo pis'ma Prezidiuma VAS RF ot 15 yanvarya 2013 g. № 153. M.: Statut, 2014. 205 s.

7. *Xaldeev A.V.* Komnata v kommunal'noj kvartire kak ob''ekt prava sobstvennosti // *Civilist.* 2006. № 1.

8. *E'rdelevskij A.M.* O nekotory'x voprosax novogo Zhilishhnogo kodeksa // *Zhilishhnoe pravo.* M.: Intel-Sintez, 2005. № 6. S. 16–20.

S.V. Manshin

Prerogative Right of Purchasing a Room in a Shared Apartment: the Relationship between Theory and Judicial Practice

The article deals with the contradictory judicial practice in cases involving the recognition of prerogative right of purchasing a room in a shared apartment in a situation when the rooms belonging to different owners are separate objects of property law and are not in the common share ownership, which is confirmed by the registration authorities. The author asserts that modern jurisprudence on this issue does not comply with civil law.

Keywords: a room in a shared apartment; prerogative right to purchasing.

И.А. Орлова

Правозащитная юрисдикция в международном частном праве

В статье рассматривается система разрешения международных частноправовых споров, исследуются вопросы, связанные с юрисдикцией органов по разрешению правовых конфликтов. Изучается проблема юрисдикции арбитражей (третейских судов), представлен анализ современных концепций частной (негосударственной) юрисдикции. Правозащитная юрисдикция выделяется как особый вид юрисдикции.

Ключевые слова: юрисдикция; правозащитная юрисдикция; разрешение споров; судебная защита; третейский суд; арбитраж; арбитрабельность.

Цель правового регулирования может быть достигнута только тогда, когда отношения не просто регулируются нормами права, но и создается эффективная система защиты нарушенных прав. Вследствие этого в структуре права возникают две самостоятельные группы норм — материальные и процессуальные. Отдельно материально-правовые и процессуально-правовые нормы не могут эффективно регулировать социальные отношения. Свою сущность право проявляет только в результате взаимодействия норм материальных и процессуальных, ибо «целостное множество норм права, взаимодействие между ними порождает новые качества, не присущие ее отдельным частям» [8: с. 232].

Как справедливо указал С.С. Алексеев, назначение права заключается в том, чтобы «сообщить нормативность доминирующим началам цивилизации... обеспечить их реализацию, гарантировать их реальность. Причем сделать это как в нормальном, так и в конфликтном сценарии...» [1: с. 223].

Фундаментальным принципом, формирующим систему процессуально-го права, является принцип мирного разрешения споров. Несмотря на то что указанный принцип лежит в основе разрешения всех правовых конфликтов, системы разрешения споров в международном публичном и международном частном праве имеют различные структуры. При разрешении международных публичных споров, в которых сторонами являются властные субъекты международного права, выбор способа возможен только при согласии всех спорящих сторон. В основе разрешения международных частноправовых споров (конфликтов) лежит иной принцип. А.Н. Кузбагаров указывает на следующие признаки конфликта частноправового характера: а) является разновидностью юридического конфликта; б) возникает из противоречивости отношений (в активной или пассивной форме), в которых конфликтующие отстаивают

свои (частные) интересы; в) имеет специальный субъектный состав, который образуют частные субъекты права; г) имеется общность объекта и предмета конфликта у частных субъектов права [10: с. 19]. Международный частноправовой конфликт кроме перечисленных признаков характеризуется также наличием так называемого иностранного элемента.

Если возникает спор между невластными субъектами (международный частноправовой спор), то одна из спорящих сторон имеет право обратиться за его разрешением в суд, даже если другая сторона не давала на это согласие. Данное положение обусловлено тем, что стороной частноправового спора является, как правило, невластный субъект, находящийся в поле регулирования национальной нормативной системы. Государство обязано предоставить защиту прав своим субъектам, вследствие чего право на судебную защиту является основным конституционным принципом правового государства, закрепленным как в национальных правовых актах, так и в международных документах (в первую очередь в региональных договорах, направленных на защиту прав человека — Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Американская конвенция о правах человека 1969 г., Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г.).

В то же время стоит отметить, что кроме суда в государствах предусмотрены иные (альтернативные, внесудебные) способы разрешения правовых конфликтов, в том числе и международных частноправовых споров (транснациональных споров). Какие именно способы могут быть применены сторонами, а какие являются запрещенными, определяется в каждом государстве по-разному. В ст. 45 Конституции Российской Федерации содержится положение, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Согласно отечественному законодательству запрещены насильственные способы, поскольку «никто не должен подвергаться насилию» (ст. 21 Конституции Российской Федерации).

При выборе способов разрешения споров самими сторонами реализуется принцип автономии воли сторон, который является принципом не только материального, но и процессуального права. Как правило, автономию воли сторон рассматривают в договорном праве как возможность выбора сторонами договора применимой к их отношениям национально-правовой системы [7: с. 262; 13: с. 87]. Автономия воли сторон при разрешении правовых конфликтов реализуется также в свободе выбора средства разрешения споров.

В п. 1 ст. 4 Закона Республики Казахстан «О международном коммерческом арбитраже» от 28 декабря 2004 г. № 23-3 «автономия воли сторон» указывается как принцип арбитражного разбирательства, который означает право сторон по предварительному согласованию между собой решить вопросы относительно порядка проведения арбитражного разбирательства, а также условий его проведения. Выскажем предположение, что автономия воли сторон является принципом не только третейского разбирательства, но является основой применения и иных альтернативных средств разрешения споров.

Возможность использования не запрещенных государством несудебных форм защиты права также является реализацией автономии воли сторон. В то же время нужно отметить, что при отсутствии согласия другой стороны разрешать конфликт при помощи примирительных процедур, любая сторона может искать судебной защиты нарушенного права.

Примирительные процедуры являются наименее формализованными, не подвергшимися государственной регламентации, и при их применении автономия воли имеет наиболее широкие пределы. Реализацией автономии воли сторон является также применение примирительных способов при уже начатом юрисдикционном процессе, который может проходить как в форме судебного процесса, так и в форме арбитражного разбирательства.

К примирительным способам можно отнести переговоры, добрые услуги, примирение (согласительная процедура), посредничество, мини-процесс и др. Целью этих способов является примирение спорящих сторон, а основанием для их применения — взаимное согласие сторон на рассмотрение спора данным способом. От юридических способов разрешения спора эти способы отличает то, что при их использовании стороны самостоятельно принимают окончательное решение по спору. Можно привести определение, предложенное Д.А. Суворовым: «Под примирительным производством следует понимать способ урегулирования споров (конфликтных ситуаций), затрагивающих права, свободы и охраняемые законом интересы человека и гражданина, права и охраняемые законом интересы юридических лиц и их объединений, между участниками данного спора, при содействии третьих (третьего) лиц, либо без такового содействия, на взаимоприемлемых для участников спора (конфликтной ситуации) условиях, а также порядок рассмотрения указанных споров (конфликтных ситуаций)» [19: с. 53]. Стороны могут обращаться к примирительным способам как до, так и во время применения юрисдикционных способов разрешения споров.

Арбитраж, частное судейство, суд относятся к юрисдикционным способам, сущность которых заключается в том, что решение по спору, являющееся обязательным для сторон, принимает третья сторона. Стороны для разрешения споров могут выбрать только один какой-либо юрисдикционный способ.

Третья сторона, разрешающая спор и выносящая решение, обязательное для сторон, является юрисдикционным органом, т. е. органом, наделенным определенной юрисдикцией. Сам термин «юрисдикция» неоднозначно понимается в правовой доктрине. Многие правоведы отмечают многозначность термина «юрисдикция» (подведомственность, подсудность разрешаемых дел, полномочия разрешать дела и применять санкции, система соответствующих юрисдикционных органов), но обычно «правовая доктрина связывает его с осуществлением определенной деятельности (подзаконной, правоприменительной, правоохранительной) государственных органов» [15: с. 15].

Юрисдикция государственных органов может быть обозначена как государственная юрисдикция. Так, В.В. Головкин указывает: «В широком смысле юрисдикция — это основанная на законе или иных нормативных правовых актах

совокупность полномочий государственного органа (должностного лица) по регулированию общественных отношений в определенной правовой сфере государственного или международного характера, осуществлению законодательной, судебной, исполнительно-распорядительной деятельности» [5: с. 14–15].

Зачастую юрисдикция связывается с осуществлением государством правосудия. Однако «правосудие является хотя и главной, но все-таки частью осуществляемой судебными органами юрисдикционной деятельности. В то же время суды не единственные органы, разрешающие правовые споры» [22: с. 11].

В последнее время в правовой доктрине представлена концепция «частной юрисдикции», в рамках которой к юрисдикционным органам также относят третейский суд (арбитраж) [11; 18: с. 196;]. Как отмечает Г.Л. Осокин: «К числу органов, правомочных рассматривать юридические дела, относятся третейские суды, которые в отличие от государственных являются органами негосударственной, то есть общественной или альтернативной юрисдикции» [14: с. 323].

Также к юрисдикционным органам относят, например, комиссии по трудовым спорам [3: с. 179].

О.С. Скворцов использует термин «юрисдикция» непосредственно в значении юрисдикционного органа по разрешению споров. Частными (контрактными) юрисдикциями он называет «основанные на соглашении сторон и признаваемые государственной властью социальные институты, при помощи которых заинтересованные лица разрешают возникающие между ними конфликты» [17: с. 126–140].

Необходимо отметить, что альтернативная (или частная) юрисдикция ограничена законом. Государство само определяет, какие виды споров могут быть разрешены третейскими судами (арбитражами), устанавливая предметную компетенцию арбитража, обозначаемую термином «арбитрабельность» [16: с. 21]. Теории арбитрабельности начали разрабатываться в западной доктрине [23; 24; 25]. Данный термин, предложенный в правовых доктринах некоторых иностранных государств, нашел активное применение в работах российских правоведов. Однако в отечественном законодательстве данный термин не применяется, оставаясь лишь доктринальной конструкцией. В российской юридической науке сформировалась устоявшаяся концепция арбитрабельности [9: с. 94–112]. Вместе с тем стоит обратить внимание на использование данного термина и отечественными правоприменительными органами (например, в Постановлении Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации № 8141/12 от 13 ноября 2012 г., в Постановлении Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 28 января 2014 г. № 11535/13, Постановлении Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации № 11059/13 от 11 февраля 2014 г. применен термин «неарбитрабельный» спор).

Третейское разбирательство является активно применяемым методом при разрешении международных частноправовых споров, особенно в сфере международной торговли (международный коммерческий арбитраж).

Если вопрос о том, является ли арбитраж (третейский суд) юрисдикционным органом, решается в правовой науке неоднозначно, то возможность отнесения арбитража к категории «суд» в доктрине и практике правоприменительных органов вызывает еще бóльшую дискуссию. Ряд исследователей полагают, что к судам относятся не только государственные суды, но и иные образования — третейские суды (арбитражи) [20: с. 73], квазисудебные органы — комиссии по трудовым спорам, иные корпоративные дисциплинарные органы, квалификационные коллегии судей, органы, утверждающие договоры купли-продажи земли, квалификационные коллегии адвокатов и т. п.» [2: с. 88]. Данная позиция противоречит российскому законодательству, в котором суд понимается как «орган судебной системы Российской Федерации или иностранного государства» (см., например, ст. 2 Федерального закона № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29 декабря 2015 г.) или «суд» означает соответствующий орган судебной системы государства (ст. 2 Закона Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»).

Кроме того, в Российской Федерации полномочием осуществлять правосудие наделены только суды. Остальные юрисдикционные органы могут разрешать споры и конфликты, но их деятельность не является осуществлением правосудия. Вследствие этого согласимся с теми исследователями, которые полагают, что третейские суды не являются носителями судебной власти и не осуществляют правосудия [18].

Однако, как обращает внимание Н.Л. Кузьмичев, Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) отрицается общепринятое для правовой системы России толкование суда как «юрисдикции классического типа, интегрированной в общую судебную систему государства» [12: с. 209]. Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. определяет, что: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Н.Л. Кузьмичев, обобщив практику ЕСПЧ, обозначил следующие критерии, которым должен отвечать юрисдикционный орган, чтобы быть признанным судом:

- независимость по отношению как к исполнительной власти, так и к сторонам в процессе;
- беспристрастность;
- компетентность (профессионализм) состава юрисдикционного органа.

Ученый приходит к выводу, что «...европейский суд признает судом только тот юрисдикционный орган, который создан на основании закона, в равной степени независим как от законодательной и исполнительной власти, так и от сторон в споре, беспристрастен, компетентен и профессионален, а также уполномочен на рассмотрение спора и принятие обязательных для исполнения постановлений» [12: с. 210–214].

На русский перевод п. 1 ст. 6 стоит обратить внимание. В тексте на английском языке используется формулировка «tribunal established by law», а на французском — «...par un tribunal indépendant et impartial, établi par la loi». На русский язык данные термины переведены как «закон», однако стоит указать на иную природу международных судов (основой создания международных судов по правам человека являются международные договоры, а не закон), а также международных трибуналов, созданных на основе резолюций Совета Безопасности ООН, которые никаким образом не подпадают под понятие «закон».

Представляется, что юрисдикцию, осуществляемую различными органами при разрешении правовых конфликтов, следует выделить в самостоятельный вид вместе с юрисдикцией законодательной и исполнительной. Вопрос применения того или иного обозначения данного вида юрисдикции не так прост, как представляется на первый взгляд. Поскольку разрешение конфликтов в первую очередь связывают с правоприменительной деятельностью, то кажется логичным и назвать данный вид юрисдикции «правоприменительной».

Однако недостатком данного термина служит его неполнота: можно привести ряд органов, которые не являются правоприменительными, но их деятельность направлена на защиту права (центры по урегулированию споров, сочетающие различные примирительные и альтернативные судебным процедуры).

Отмечают, что «правозащитная юрисдикция судов составляет содержание правосудия по гражданским делам» [4]. Возможно, представляется более подходящим термин «правозащитная юрисдикция», который означает деятельность различных судебных, квазисудебных, примирительных органов по разрешению споров.

Следует отметить, что термин «правозащитная юрисдикция» тоже не может претендовать на точное отражение деятельности только органов по разрешению споров. В литературе можно встретить упоминание о «правозащитной юрисдикции» в отношении к деятельности органов прокуратуры [21: с. 27; и др.] (хотя встречаются и термины «правозащитная деятельность», «правозащитные функции» [6: с. 34–42]).

Таким образом, международные частноправовые споры могут разрешаться как государственными, так и негосударственными юрисдикционными органами, наделенными правозащитной юрисдикцией. Выбор таких органов остается за лицом, право которого нарушено или оспаривается, за исключением вопросов, решение по которым в национальном законодательстве государств прямо отнесено к компетенции государственных судов.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
2. *Алексеева Л.Б.* Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под общ. ред. В.А. Туманова и Л.М. Энтина. М.: Норма, 2002. 336 с.

3. *Балашов А.Н.* Комиссия по трудовым спорам как альтернативный (внесудебный) юрисдикционный орган по разрешению правовых споров // Третейский суд. 2005. № 4. С. 179–184.
4. *Власов А.А.* Гражданское процессуальное право: учебник. М.: ТК Велби, 2003. 427 с.
5. *Головкин В.В.* Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области дорожного движения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 39 с.
6. *Гущин В.З.* Правозащитные функции военной прокуратуры в современных условиях // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 34–42.
7. *Канашевский В.А.* Международное частное право: учебник. 2-е изд., доп. М.: Междунар. отношения, 2009. 752 с.
8. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. 6-е изд., доп. СПб.: Изд-во Юридического института, 2001. 352 с.
9. *Куделич Е.А.* Арбитрабельность: в поисках баланса между частной автономией и публичным порядком // Закон. 2014. № 4. С. 94–112.
10. *Кузбагаров А.Н.* Примирение сторон по конфликтам частноправового характера: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. 41 с.
11. *Курочкин С.А.* Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2007. 272 с.
12. *Кузьмичев Н.Л.* Понятие состава суда в практике Европейского суда по правам человека // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2014. № 1 (16). С. 208–217.
13. *Нешатаева Т.А.* Международное частное право и международный гражданский процесс: учебный курс: в 3 ч. М.: Издательский дом «Городец», 2004. 624 с.
14. *Осокина Г.Л.* Курс гражданского судопроизводства России. Общая часть. Томск: Изд-во Томского университета, 2002. 616 с.
15. *Приженникова А.Н.* К вопросу о понятии административной юрисдикции // «Modern trends in scientific thought development: materials digest of the 2nd International Scientific Conference (January 31 – February 14, 2011, Kiev, London). Juridical sciences, open section/ All-Ukrainian Academic Union of specialists for professional assessment of scientific research and pedagogical activity; Organizing Committee: B. Zhitnigor (chairman), L. Kupreichuk, A. Tim, G. Georgiou, S. Serdechny, L. Staker. Odessa: InPress, 2011. P. 5–6.
16. *Скворцов О.Ю.* Комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации». М.: Омега-Л., 2003. 288 с.
17. *Скворцов О.Ю.* Коммерческое право и контрактные юстиции // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: сборник статей. Вып. 5. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 126–140.
18. *Скворцов О.Ю.* Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Волтерс Клувер, 2005. 704 с.
19. *Суворов Д.А.* Формирование принципов примирительного производства в спорах с участниками экономической деятельности // Юрист. 2006. № 4. С. 53–57.
20. *Суханов Е.А.* Третейские суды в системе торгово-промышленных палат: состояние дел и перспективы развития // Хозяйство и право. 2003. № 1. С. 72–76.
21. *Урываев А.В.* Прокуратура Российской Федерации в механизме защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 30 с.
22. *Шергин А.П.* Административная юрисдикция. М.: Юрид. лит., 1979. 144 с.

23. Arbitrability: International and Comparative Perspectives / eds. L. Mistelis and S. Brekoulakis. Kluwer Law International, 2009. 408 p.

24. *Arfazadeh H.* Arbitrability under the New York Convention: the Lex Fori Revisited // Arbitration International. 2001. Vol. 17 No. 1. P. 73–87.

25. *Fouchard P., Gallard E., Goldman B.* On International Commercial Arbitration / Ed. by Emmanuel Gaillard and John Savage. New York: Wolters Kluwer, 1999.

Literatura

1. *Alekseev S.S.* Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya. M.: Statut, 1999. 712 c.

2. *Alekseeva L.B.* Kommentarij k Konvencii o zashhite prav cheloveka i osnovny'x svobod i praktike ee primeneniya / pod obshh. red. V.A. Tumanova i L.M. E'ntina. M.: Norma, 2002. 336 c.

3. *Balashov A.N.* Komissiya po trudovy'm sporam kak al'ternativny'j (vnesudebny'j) yurisdikcionny'j organ po razresheniyu pravovy'x sporov // Tretejskij sud. 2005. № 4. S. 179–184.

4. *Vlasov A.A.* Grazhdanskoe processual'noe pravo: uchebnik. M.: TK Velbi, 2003. 427 c.

5. *Golovko V.V.* Administrativno-yurisdikcionnaya deyatel'nost' organov vnutrennix del v oblasti dorozhnogo dvizheniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2008. 39 c.

6. *Gushhin V.Z.* Pravozashhitny'e funkcii voennoj prokuratury' v sovremenny'x usloviyax // Zhurnal rossijskogo prava. 2000. № 4. S. 34–42.

7. *Kanashevskij V.A.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik. 2-e izd., dop. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2009. 752 s.

8. *Komarov S.A.* Obshhaya teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. 6-e izd., dop. SPb.: Izd-vo Yuridicheskogo instituta, 2001. 352 s.

9. *Kudelich E.A.* Arbitrabil'nost': v poiskax balansa mezhdru chastnoj avtonomiej i publiczny'm poryadkom // Zakon. 2014. № 4. S. 94–112.

10. *Kuzbagarov A.N.* Primirenje storon po konfliktam chastnopravovogo karaktera: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2006. 41 s.

11. *Kurochkin S.A.* Tretejskoe razbiratel'stvo grazhdanskix del v Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika. M.: Wolters Kluwer, 2007. 272 s.

12. *Kuz'michev N.L.* Ponyatie sostava suda v praktike Evropejskogo suda po pravam cheloveka // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». 2014. № 1 (16). S. 208–217.

13. *Neshataeva T.A.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i mezhdunarodny'j grazhdanskij process: uchebny'j kurs: v 3 ch. M.: Izdatel'skij dom «Gorodecz», 2004. 624 s.

14. *Osokina G.L.* Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva Rossii. Obshhaya chast'. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2002. 616 s.

15. *Prizhennikova A.N.* K voprosu o ponyatii administrativnoj yurisdikcii // «Modern trends in scientific thought development: materials digest of the 2nd International Scientific Conference (January 31 – February 14, 2011, Kiev, London). Juridical sciences, open section / All-Ukrainian Academic Union of specialists for professional assessment of scientific research and pedagogical activity; Organizing Committee: B. Zhitnigor (chairman), L. Kyp-reichyk, A. Tim, G. Georgiou, S. Serdechny, L. Staker. Odessa: InPress, 2011. R. 5–6.

16. *Skvorczov O.Yu.* Kommentarij k Federal'nomu zakonu «O tretejskix sudax v Rossijskoj Federacii». M.: Omega-L., 2003. 288 s.

17. *Skvorczov O.Yu.* Kommercheskoe pravo i kontraktny'e yusticii // Aktual'ny'e problemy nauki i praktiki kommercheskogo prava: sbornik statej. Vy'p. 5. M.: Volters Kluver, 2005. S. 126–140.

18. *Skvorczov O.Yu.* Tretejskoe razbiratel'stvo predprinimatel'skix sporov v Rossii: problemy, tendencii, perspektivy'. M.: Volters Kluver, 2005. 704 s.

19. *Suvorov D.A.* Formirovanie principov primiritel'nogo proizvodstva v sporax s uchastnikami e'konomicheskoy deyatel'nosti // Yurist. 2006. № 4. S. 53–57.

20. *Suxanov E.A.* Tretejskie sudy' v sisteme torgovo-promy'shlenny'x palat: sostoyanie del i perspektivy' razvitiya // Khozyajstvo i pravo. 2003. № 1. S. 72–76.

21. *Ury'vaev A.V.* Prokuratura Rossijskoj Federacii v mexanizme zashhity' konstitucionny'x prav i svobod cheloveka i grazhdanina: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2009. 30 s.

22. *Shergin A.P.* Administrativnaya yurisdikciya. M.: Yurid. lit., 1979. 144 s.

23. Arbitrability: International and Comparative Perspectives / eds. L. Mistelis and S. Brekoulakis. Kluwer Law International, 2009. 408 p.

24. *Arfazadeh H.* Arbitrability under the New York Convention: the Lex Fori Revisited // Arbitration International. 2001. Vol. 17 No. 1. P. 73–87.

25. *Fouchard P., Gallard E., Goldman B.* On International Commercial Arbitration / ed. by Emmanuel Gaillard and John Savage. New York: Wolters Kluwer, 1999.

I.A. Orlova

The Human Rights Jurisdiction in International Private Law

The article deals with the settlement of international private law disputes, the study of issues related to the jurisdiction of the authorities resolving legal conflicts. The author considers the problem of the jurisdiction of arbitration courts, the analysis of modern concepts of private (non-state) jurisdiction. Human rights jurisdiction stands out as a special kind of jurisdiction.

Keywords: jurisdiction, human rights jurisdiction, dispute resolution, judicial protection, arbitration, arbitrability.

А.Д. Калмыкова

Политические партии как институт гражданского общества

В статье проанализировано место политических партий в системе институтов гражданского общества. Отмечается, что политическая партия обладает дуалистической природой. Сделан вывод, что политические партии отличаются от иных институтов гражданского общества как своей правовой природой, так и характером деятельности.

Ключевые слова: политические партии; гражданское общество; государство; публичная власть.

Конституция Российской Федерации провозглашает нашу страну правовым государством. Одним из признаков правового государства и условием его формирования выступает гражданское общество. В связи с этим, вопросы научно-практического анализа процессов и факторов становления полноценного гражданского общества и его развития приобретают особую значимость.

Различные аспекты, связанные с пониманием сущности и правовой природы гражданского общества, достаточно подробно исследованы отечественными и зарубежными учеными. В то же время в рамках данной проблематики еще остаются вопросы, которые требуют анализа с позиций современной юридической науки. Одним из них является вопрос о том месте, которое занимают политические партии в системе институтов гражданского общества.

Роль гражданского общества определяется его пониманием в качестве альтернативной государству структуры, которая выступает своего рода арбитром в контексте баланса публичных и частных интересов. Система, в совокупности обозначенная как гражданское общество, состоит из значительного числа различных и по форме, и по направлениям деятельности элементов, или институтов, и политические партии занимают в этой системе важное место.

Легализация политических партий в нашей стране стала возможной после принятия Конституции Российской Федерации 1993 г., которая закрепила такие принципы, как многопартийность, политическое многообразие, равенство

общественных объединений и свободу их деятельности. При этом, как справедливо отмечает В.В. Комарова, «конституционное регулирование механизма многопартийности в России практически отсутствует» [2: с. 66].

Сферу действия субъектов гражданского общества условно можно разделить на две части: экономическую и политическую. Признавая относительный характер такого деления, отметим удобство его использования для структурирования институтов гражданского общества. В этом случае институты, которые действуют преимущественно в экономической сфере общества, будут осуществлять свою деятельность на основе частного права. Напротив, те институты, чья деятельность связана с политической сферой, осуществляют свою деятельность в рамках публично-правового регулирования.

Особенности развития политической сферы гражданского общества определяются тем, что в ней функционируют общественно-политические организации и движения, которые в различных законных формах реализуют политическую и общественную активность граждан [1: с. 27].

Роль политических партий как институтов гражданского общества может быть понята в контексте такого понятия, как интерес. Смысл и содержание деятельности политических партий состоят в том, чтобы аккумулировать односторонние интересы большой группы субъектов, сходных по своим политическим взглядам, и трансформировать эти интересы в систему публичной власти.

Особое значение политических партий, в отличие от других общественных объединений, разрешенных законодательством, определяется тем, что по своей природе партия является функционирующим отдельно от государства общественным институтом. Этот институт по своей природе призван представлять и отстаивать в политической жизни страны интересы различных социальных слоев общества, а также обеспечивать контроль социума за деятельностью государства.

С другой стороны, политические партии являются неотъемлемым звеном политической системы современного государства, звеном в механизме осуществления публичной власти. Партии можно охарактеризовать как базовый элемент механизма воспроизводства политической власти. Именно возможность получать, удерживать и реализовывать власть кардинально отличает политическую партию от всех остальных общественных объединений, от иных институтов гражданского общества.

Таким образом, как полагает В.В. Лапаева, «с одной стороны, партия предстает как институт гражданского общества, то есть как структурный элемент сферы частных отношений, не зависящих от государственной власти, а с другой — она выступает как часть государственно-политической системы» [3: с. 182].

Можно констатировать, что политическая партия обладает дуалистической природой. С одной стороны, она является добровольным общественным объединением, созданным по инициативе граждан, то есть институтом гражданского общества. С другой стороны, основным назначением политических партий является участие в политической жизни общества, и этот факт определяет потребность в более детальном и жестком, по сравнению с другими

общественными объединениями, правовом регулировании порядка их создания и функционирования.

Имевшиеся сомнения в том, что политические партии следует рассматривать именно в качестве института гражданского общества, разрешил Конституционный суд Российской Федерации. Он отнес все политические партии к институтам гражданского общества из-за добровольного порядка их формирования и того факта, что деятельность политических партий неразрывно связана с организацией и функционированием публичной (политической) власти [4].

Характеризуя политические партии как институт гражданского общества, можно выделить следующие их важные признаки:

1. Партия с позиций права представляет собой особую организационно-правовую форму общественного объединения. Партии, равно как и иные виды общественных объединений, являются добровольными, самоуправляемыми формированиями, которые создаются по инициативе граждан, объединившихся изначально на основе общности интересов для реализации уставных целей и задач. В российской правовой системе юридическое значение соотнесения политической партии с общественным объединением состоит в том, что на партии распространяются требования законодательства об общественных объединениях в той части, в которой содержание данного института не урегулировано специальным законом о политических партиях.

2. Партия по своей организационно-правовой форме представляет собой общественную организацию, основанную на факторе членства. В основе партийной организации лежит определенная система взаимоотношений между членами внутри каждой политической партии, зафиксированная в партийном уставе.

3. Партия является одним из субъектов публичной политики, и в силу этого ей присущ идеологический характер действий. В основных документах политической партии изначально формулируются те цели и задачи, которые в дальнейшем реализуются в процессе ее деятельности.

4. Политическая партия нацелена на обретение своего политического представительства в органах государственной власти посредством использования различных институтов непосредственной демократии. Партия стремится получить власть, но должна делать это строго в легальных формах. Партия, использующая в своей деятельности нелегальные формы, должна быть запрещена.

5. Политическая партия, получившая власть, превращается в один из институтов публичной власти, в звено государственного механизма. В итоге на все время нахождения у власти такая партия перестает быть институтом гражданского общества, так как меняется ее положение в политической и государственной системе, а также характер деятельности. Поэтому в условиях многопартийности критериям элементов гражданского общества соответствуют только те политические партии, которые не находятся у власти [1: с. 28].

Представляется важным вопрос о функциях политических партий в системе гражданского общества. Как правило, ученые, исследующие правовой

статус политических партий, обращают главное внимание на их политические функции. По нашему мнению, в системе гражданского общества политические партии выполняют следующие функции:

1. Объединительная. В рамках этой функции политические партии обеспечивают консолидацию граждан в рамках гражданского общества.

2. Трансформирующая. В рамках этой функции политические партии обеспечивают трансформацию множества единичных интересов в общую волю.

3. Ценностная. В рамках этой функции политические партии реализуют ценности субъектов гражданского общества.

Главная функция политических партий в рамках гражданского общества состоит в том, что они выражают интересы его субъектов, объединяют их в общую волю и трансформируют в политическое пространство. Именно благодаря деятельности политических партий гражданское общество обретает должный политический вес.

Также нельзя отрицать наличия у политических партий воспитательной функции, которая реализуется одновременно и в рамках гражданского общества, и в рамках политической системы.

Политические партии стремятся воспитывать своих сторонников и население в целом в духе разделяемых ими традиций, идеалов, ценностей, стараются выработать причастность гражданина к формированию и претворению в жизнь определенной политической программы партии, а также привлечь к своей деятельности как можно более широкий круг сторонников, приобщить население к активной политической деятельности.

Таким образом, главным признаком, который отличает политические партии от других институтов гражданского общества, является их ориентация на открытую, легальную борьбу за власть, за право участвовать в ее формировании и реализации. В основе особого положения политической партии в гражданском обществе лежат следующие характеристики:

– публично-правовой характер целей деятельности, который выражается в обеспечении участия граждан в политической жизни общества;

– специфические средства реализации поставленных целей (участие в политических акциях, выборах и референдумах, представление интересов в органах государственной власти и местного самоуправления);

– наличие строгих формализованных требований, которым обязательно должна отвечать любая политическая партия.

Таким образом, политические партии представляют собой важный институт гражданского общества, который при этом обладает ярко выраженной спецификой и отличается от других институтов как своей правовой природой, так и характером деятельности.

Литература

1. Грудцына Л.Ю., Иванова С.А., Пашенцев Д.А. Развитие институтов гражданского общества в системе частноправовых отношений: монография. М.: Юркомпани, 2015. 116 с.

2. Комарова В.В. Конституционное закрепление механизма народовластия (некоторые вопросы) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2008. № 1. С. 63–67.

3. Лапаева В.В. Право и многопартийность в современной России. М.: Норма, 1999. 304 с.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

Literatura

1. Grudcy'na L.Yu., Ivanova S.A., Pashencev D.A. Razvitie institutov grazhdanskogo obshhestva v sisteme chastnopravovy'x otnoshenij: monografiya. M.: Yurkompani, 2015. 116 s.

2. Komarova V.V. Konstitucionnoe zakreplenie mexanizma narodovlastiya (nekotory'e voprosy') // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2008. № 1. S. 63–67.

3. Lapaeva V.V. Pravo i mnogopartijnost' v sovremennoj Rossii. M.: Norma, 1999. 304 s.

4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 1 fevralya 2005 g. № 1-P «Po delu o proverke konstitucionnosti abzacev vtorogo i tret'ego punkta 2 stat'i 3 i punkta 6 stat'i 47 Federal'nogo zakona «O politicheskix partijax» v svyazi s zhaloboj obshhestvenno-politicheskoy organizacii «Baltijskaya republikanskaya partiya» // SZ RF. 2005. № 6. St. 491.

A.D. Kalmykova

Political Parties as an Institution of Civil Society

The article analyzes the place of political parties in the system of civil society institutions. It is noted that a political party has a dualistic nature. It was concluded that the political parties differ from other institutions of civil society by the legal nature and the nature of the activities.

Keywords: political parties; civil society; the state; public power.

С.А. Ткаченко

Интеграция и наднационализм: правовая форма на региональном уровне

Формирование права — это длительный исторический процесс, который проходит ряд этапов. Исходным звеном в сложном процессе формирования правовых систем выступает так или иначе идеологизированное выражение интеграционных процессов различного уровня, через которые обеспечивается согласование социально оправданной свободы конкретной личности и интересов культурно-исторической общности, в рамках которой она функционирует. Данный подход находит развитие в настоящей статье через раскрытие наднационального уровня формирования правовых систем.

Ключевые слова: право; правовая система; формирование правовой системы. правовой генезис; интеграционные процессы; экономическая интеграция.

Анализ научных публикаций последних лет позволяет выделить основную цель научного интереса к правовым проблемам наднациональной интеграции и основные сферы его реализации. Не может вызывать сомнения то обстоятельство, что возросшее в России внимание к вопросам наднациональной интеграции, в первую очередь регионального уровня, обусловлено интенсификацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве и в первую очередь в рамках Евразийского экономического сообщества / Евразийского экономического союза / Таможенного союза. Соответственно именно данная сфера стала предметом подавляющего количества научных исследований, связанных с правовыми аспектами наднациональной интеграции. Также интерес представляют еще два региона, в которых интеграционные процессы имеют высокую степень интенсивности. В первую очередь речь идет о европейской интеграции. Но в последние годы внимание научной общественности привлек также Азиатско-Тихоокеанский регион.

Научный интерес к правовым проблемам наднациональной региональной интеграции уходит своими корнями в советскую юриспруденцию, в рамках которой эта проблематика разрабатывалась применительно к социалистическому лагерю, в первую очередь в части функционирования Совета экономической взаимопомощи, и латиноамериканскому региону.

Рассмотрение правовых форм участия Российской Федерации в наднациональной интеграции требует остановиться на отдельных аспектах современного социально-экономического положения России, без учета которых правовая проблематика раскрыта быть не может.

Одной из основных причин современной кризисной ситуации в национальной экономике России является катастрофическая недофинансированность ее реального сектора. Эта проблема возникла еще до введения американских и европейских санкций, связанных с ситуацией на Украине, и имеет структурный характер. Уже на протяжении длительного времени инвестиционная структура, сложившаяся в российской экономике, такова, что объем инвестиций, направляемых на добычу углеводородов, превалирует настолько, что становится несопоставим с капитальными затратами, идущими на развитие иных отраслей. К тому же в иных отраслях реального сектора наибольший объем инвестиций приходится на транспорт и связь: более 1/5 всех инвестиций в российский основной капитал. За транспортом и связью следуют операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг. Данная тенденция является устойчивой и сохраняется в настоящее время [4]. При этом источником инвестиций, как правило, выступает само государство, в то время как действительное экономическое развитие в условиях рыночной экономики возможно только при совместном инвестировании государства и частных лиц.

В это же время частный капитал вместо того, чтобы своими инвестициями обеспечить рост национальной экономики, выводится из страны. Если обратиться к платежному балансу Российской Федерации, то видно, что начиная с 2008 года по частному сектору фиксируется чистый вывоз капитала. Тенденция эта усиливается во время обострения кризисных проявлений в национальной экономике и сокращается при их ослаблении: в 2008 году вывезено 133,6 млрд руб.; в 2009 году — 57,5 млрд руб.; в 2010 году — 30,8 млрд руб.; в 2011 году — 81,4 млрд руб.; в 2012 году — 5,9 млрд руб.; в 2013 году — 61,0 млрд руб.; в 2014 году — 151,5 млрд руб. [7].

Отток капитала за границу является хоть и основным, но далеко не единственным направлением ухода финансовых ресурсов из реального сектора экономики. Вторым значимым направлением выступает «перетекание» капитала из реального сектора экономики в финансовый сектор, где свободные денежные средства способствуют возникновению «финансовых пузырей» или используются для валютных спекуляций (крупномасштабные валютные спекуляции приходились на февраль 2009 года и декабрь 2014; в течение 2015 года на внутреннем валютном рынке шесть раз складывались обстоятельства, свидетельствующие о спекулятивном характере торгов).

Ошибочно было бы считать, что интеграционные процессы регионального и глобального уровней характерны только для современного периода. Можно не принимать во внимание события древней и средневековой истории в силу неполной и недостаточно достоверной информации о них. Хотя только отечественная история содержит интересные факты, свидетельствующие о интенсивных экономических и культурных связях нашей страны с другими странами, носящих интеграционный характер. Так, например, средневековая Русь длительное время не имела собственной монеты. Соответствующий период даже получил характерное название «безмонетного». Однако отметим, что к этому

времени и к предшествующим векам относятся многочисленные клады арабских монет (преимущественно куфических дирхемов), которые находят на ее территории. Масса отдельных из них достигает сотен килограмм. В этой связи известный отечественный экономист и нумизмат И.Г. Спасский писал: «Количество открытых на Руси кладов восточных монет огромно. Высказывалось и такое мнение, что многочисленные клады дирхемов на Руси... лишь служат свидетельством транзита через ее территорию, и что зарывание их “на торговых путях” имело будто бы чисто вынужденный характер в опасной обстановке путешествий через Русь восточных купцов, направлявшихся на Запад. Если сторонники этого странного мнения сравнят количество кладов, открытых на территории Руси и за ее западными рубежами, им ничего не останется, как признать, что, по крайней мере, половина этих купцов зарывала свои сокровища по дороге, и весь вопрос сведется к тому, на какой день пути упрямым путешественникам предстояло это сделать... Однако в действительности дело обходилось без разбойничьих засад, погонь и прочей романтики, да и без самих восточных купцов..., древние восточные авторы, хорошо знавшие город Булгар, о подобных путешествиях почти ничего не сообщают» [9: с. 21].

Древняя история также представляет примеры интеграционных процессов — Ахейский, Коринфский, Афинский морской, Пелопонесский и другие военно-политические союзы греческих полисов, Латинский и другие союзы на Апеннинском полуострове [2: с. 304–513].

Европейские и американские исследователи справедливо указывают на то, что региональная и глобальная интеграции современного типа началась в середине XIX века, чему способствовали промышленная революция и установление золотого стандарта [14; 16: с. 148–149; 18; 25].

В это время крупные государства (великие державы, согласно терминологии Венского конгресса) стали стремиться к созданию новых организационно-правовых форм взаимодействия с другими субъектами международных отношений. Данная потребность обусловила возникновение наряду с суверенными государствами производных субъектов международного права, предназначенных для выработки общих принципов, целей и задач межгосударственного сотрудничества: Центральная комиссия по судоходству на Рейне (1815), Северный почтовый союз (1869), Всемирный почтовый союз (1874), Международное бюро мер и весов (1875), Международный союз по охране литературных и художественных произведений — Бернский союз (1886), Специальный союз по международной регистрации знаков — Мадридский союз (1891), Гагская конференция по международному частному праву (1893) и др. [3: с. 58–74]. XX век начался с создания наднациональных структур, обеспечивающих не только экономическую интеграцию, а преследующих в качестве основной цели обеспечение мира и международной безопасности. После Первой мировой войны наиболее значимой из них стала Лига Наций. С окончанием Второй мировой войны связано создание действующей до настоящего времени Организации Объединенных Наций.

Вторая половина прошлого и начало текущего веков характеризуются тенденцией, в соответствии с которой национальные правительства по всему миру систематически делегируют свои полномочия международным организациям, специализирующимся в различных сферах международного сотрудничества. По мере развития системы международных отношений появилась необходимость делегирования отдельных исполнительских полномочий суверенных государств международным организациям технократического специализированного типа [10: с. 23]. В юридическом дискурсе такие организационные структуры, получившие название международных межправительственных организаций, пережили сложный период становления и развития: от принципиального отрицания до полного признания их международно-правовой субъектности в международном праве [6: с. 5–7]. Концепция таких организаций и соответствующих им правовых систем начала формироваться в первой половине прошлого века в рамках исследований европейских специалистов в области международного права и международных отношений, разрабатывавших теорию развития международных функций в праве и в правоотношениях и получивших общее название «функционализм» [11; 20]. Особое значение для появления таких организационно-правовых форм, являющихся выражением субординации и координации в международном праве, имеет интеграция как условие интернационализации экономических связей.

Такая интеграция влечет широкое использование опробованных средств, которые еще в XIX веке применялись в Европе при создании суверенных национальных государств (к примеру, Италии, Германии и др.). Данный процесс привел в конечном счете к институционализации европейской интеграции в целом и юридическому обоснованию нового типа международных организаций и правовых систем — наднациональных, имеющих уже конкретную компетенцию, включающую, в том числе те функции, которые прежде считались исключительной составной частью суверенной компетенции национальных государств. В этой связи следует согласиться с профессором Вейлером, который подчеркивает, что международная институциональная революция привела к появлению у наднациональных институтов возможности проводить свою волю в государствах — членах международных организаций, не обращаясь к институтам национального права [26: с. 267–281].

Опыт XIX века свидетельствует о том, что такая глубокая интеграция имела место только в тех случаях, когда шел процесс формирования национальных государств, и более сильные государства (например, Пруссия, Пьемонт) стремились подчинить себе более слабых. В результате уже в прошлом веке основой критики концепции наднациональных структур стало их противоречие краеугольному основанию современного права (как международного, так и национального) — государственному суверенитету (верховенству и независимости власти государства) [5: с. 14–15]. Однако действительные возражения сторонников наднационализма состоят в том, что передача суверенных полномочий является результатом свободного волеизъявления государства

и объективно обусловлена необходимостью, вызванной потребностями интеграции экономической жизни в условиях расширяющейся глобализации.

Информационная революция, начавшаяся в 60–70-е годы прошлого века, превращает государственные границы в весьма условные пределы, и для того чтобы национальные охранительные средства не утратили эффективности, суверенные национальные государства должны избрать такие организационно-правовые формы, которые позволили бы опосредовать общее правовое поле на едином экономическом пространстве на основе унифицированных правил и наднациональных правовых систем. Следует подчеркнуть, что успешная глобальная и региональная интеграция может быть обеспечена через развитие наднациональных правовых систем, включающих в себя соответствующие охранительные средства, реализация которых невозможна без появления и функционирования наднациональных судебных органов. Успешный опыт формирования наднациональной судебной системы имеет Европа, где многочисленные общеевропейские суды обеспечивают дальнейшую политическую и экономическую интеграцию, возникновение принципиально новых форм общего рынка и политической общности [21; 24].

Региональное сотрудничество развивается под влиянием множества факторов, в первую очередь экономических. Установление природы региональных интеграционных образований и соответствующих правовых систем немислимо без четкого доктринального определения понятия «регион». Отечественная наука данный вопрос практически обходит. Вместе с тем за рубежом он занимает ведущее место в рамках как общей теории, так и международного права. Отдельные авторы сходятся на том, что регион представляет собой однородную территорию с физическими и культурными характеристиками, отличающимися от соседних территорий [22: с. 171–193; 23: с. 303–316]: «...пространственная парциальная единица среднего размера посреднического характера, чей материальный субстрат основывается на территории...» [22: с. 181]. В данном понятии ключевой является дефиниция «территории», под которой понимается исторический продукт социально-политического развития, определяющий и обосновывающий политические и социальные границы, которые изменяются во времени под воздействием права [22: с. 182]. Функционально регион обеспечивает горизонтальное взаимодействие, т. е. в его рамках реализуется метод координации. В то же время в его пределах могут функционировать международные организации (например, АСЕАН, МЕРКОСУР, НАФТА, ЕС, ЕАЭС, ССАГПЗ и др.), что влечет построение субординационных связей.

В рамках регионализма развивается два течения, которые условно могут быть обозначены как закрытое и открытое. В первом случае регион рассматривается как замкнутая система, нацеленная на ускорение региональной интеграции через обособление в ущерб глобализации [19: с. 331]. Как следствие, в таких образованиях возникают квазинациональные правовые системы, обеспечивающие унификацию и гармонизацию внутреннего законодательства, что трактуется как отрицание процессов глобализации. Во втором

случае акцент делается на механизмы унификации и гармонизации применения права, не противоречащего международным правовым принципам [12: с. 545–565]. Таким образом, закрытый регионализм предполагает развитие субординационных инструментов, а открытый — координационных.

Толчок к развитию учения о регионе как экономическом, политическом, культурном и правовом феномене был дан возникновением Всемирной торговой организации (далее — ВТО), которая в настоящее время олицетворяет собой современную модель глобализации. При этом региональные интеграционные соглашения должны находиться не в противоречии с универсальными соглашениями и организациями, такими как ВТО [27: с. 671–699]. В таком контексте регионализм представляет собой определенный тип торговых соглашений, охватывающий двух или более, но не всех членов ВТО. Региональные соглашения формально противопоставляются глобальным. Однако они приобретают смысл только в рамках процессов, связанных с ВТО [13: с. 13]. Создание и расширение региональных соглашений отражается в самой правовой системе ВТО. Так, в ст. XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле¹ и ст. V Генерального соглашения по торговле услугами² постулируется необходимость контроля ВТО за развитием региональных торговых соглашений в духе свободной торговли. Эти положения являются правовой моделью, определяющей создание и функционирование региональных правовых систем [17: с. 278–282].

Стремление к расширению роли региональных организаций и соответствующих правовых систем обозначилось еще в международно-правовых актах начала прошлого века. Так, в ст. 21 Статуса Лиги Наций предусмотрено, что «...международные обязательства, такие как договоры о третейском разбирательстве и ограниченные пределами известных районов соглашения, а также доктрина Монро, которые обеспечивают сохранение мира, не рассматриваются как несовместимые с каким-либо из постановлений настоящего Статута...»³. После Второй мировой войны роль региональных объединений была закреплена в гл. 8 Устава Организации Объединенных Наций, определившей порядок и условия взаимодействия ООН с региональными институтами⁴.

История евразийской экономической интеграции началась в 1995 году, когда между Российской Федерацией и Белоруссией был заключен Договор о создании Таможенного союза, к которому чуть позже присоединился Казахстан. Далее, в 1996 году, правовая основа интеграции на постсоветском пространстве была расширена путем заключения Договора об углублении интеграции

¹ Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947) // СЗ РФ. 2012. № 37 (Ч. 4, прил.). С. 2916–2991.

² Генеральное соглашение по торговле услугами // СЗ РФ. 2012. № 37 (Ч. 4, прил.). С. 2785–2817.

³ Мирный договор между Союзными и Объединившимися державами и Германией. (Версаль. 28 июня 1919 года) // Версальский мирный договор. М., 1925. 47 с.

⁴ См.: Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско. 26 июня 1945 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

в экономической и гуманитарной областях, который вместе с тремя названными государствами также подписала Киргизия. Еще три года спустя, в 1999 году, Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (ЕЭП) был подписан уже пятью государствами — присоединился Таджикистан. В 2000 году в соответствии с Договором об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) эти пять стран создают новое интеграционное объединение и формируют целый ряд евразийских интеграционных и рабочих органов различного уровня (Межгосударственный совет на уровне глав государств и глав правительств, Интеграционный комитет и его Секретариат, Межпарламентская ассамблея, Комиссия постоянных представителей). Правовое опосредование интеграционных процессов в Евразии продолжилось только в 2008 году, когда Россия, Казахстан и Белоруссия принимают решение о создании Таможенного союза на основе ЕврАзЭС. Данное решение было реализовано в 2010 году, а уже 9 декабря этого же года главы государств — членов Таможенного союза объявили о намерении создать Евразийский экономический союз, который бы обеспечил гармоничное, взаимодополняющее сотрудничество с другими странами и международными экономическими объединениями, с перспективой создания общего экономического пространства.

Развитие евразийской интеграционной модели осуществлялось первоначально в рамках Таможенного союза: (1) в кратчайшие сроки был сформирован единый таможенно-тарифный механизм; (2) обеспечено единство таможенной территории, на общие границы которой вынесен таможенный контроль; (3) большинство ограничений, связанных с движением товаров, в Таможенном союзе устранено. В процессе создания Таможенного союза был принят пакет из семнадцати соглашений, содержание которых направлено на гармонизацию условий хозяйствования на территории ЕАЭС. Кроме того, унифицированы национальные таможенные законодательства государств-членов на основе международного договора — Таможенного кодекса Таможенного союза от 27 ноября 2009 года, вступившего в силу с 1 июля 2010 года. 29 мая 2014 года в Астане был подписан договор о Евразийском экономическом союзе. В отличие от Таможенного союза, предназначенного для обеспечения свободного движения товаров, ЕАЭС способствует решению проблем, связанных с обеспечением (1) свободного движения капитала, услуг, рабочей силы; (2) проведения согласованной макроэкономической политики; (3) гармонизации и унификации национальных правовых систем в области финансово-кредитной, налоговой, инвестиционной, конкурентной и антимонопольной политики. В рамках евразийской интеграционной модели на наднациональном уровне такие цели были поставлены еще в рамках ЕврАзЭС.

Формирование общего правового поля на территории ЕАЭС возможно исключительно при условии формирования единой, внутренне не противоречивой наднациональной правовой системы данного союза, а также при обеспечении ее согласованности с национальными гражданскими, административными, финансовыми законодательствами государств-членов. Такая

унификация должна носить не только межуровневый, но также и межотраслевой характер.

Российская Федерация и другие государства — члены ЕАЭС одновременно включились в два интеграционных процесса — региональный (собственно ЕАЭС) и глобальный (ВТО). В этой связи необходимо отметить, что возможности Российской Федерации в этой сфере ограничены Приложением № 1 к Протоколу от 16 декабря 2011 года «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года», установившим перечень специфических обязательств нашей страны, связанных с различными видами доступа на рынок и иными формами коммерческого присутствия, кроме создания юридического лица. Следует отметить, что эти ограничения имеют своей целью упорядочить международную торговлю, в том числе через коммерческое представительство в других государствах — членах ВТО. На национальном уровне содержание понятия «коммерческое присутствие» раскрыто в Федеральном законе от 8 декабря 2003 года № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», в соответствии с которым под таким присутствием понимается любая непротиворечащая законодательству Российской Федерации или законодательству иностранного государства форма организации предпринимательской и иной экономической деятельности иностранного лица на территории Российской Федерации или российского лица на территории иностранного государства в целях оказания услуг, в том числе путем создания юридического лица, филиала или представительства юридического лица либо участия в уставном (складочном) капитале юридического лица. Российское юридическое лицо, через которое осуществляется коммерческое присутствие, рассматривается как иностранный исполнитель услуг, если иностранное лицо (иностранцы) в силу преобладающего участия в уставном (складочном) капитале российского юридического лица либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые российским юридическим лицом.

Приведенная норма национального права Российской Федерации соответствует ГАТС, согласно ст. 28 которого юридическим лицом другого члена ВТО является не только юридическое лицо, учрежденное по законодательству такого другого члена, но и юридическое лицо (в случае поставки услуги посредством коммерческого присутствия), принадлежащее или контролируемое физическими или юридическими лицами этого члена ВТО. При этом юридическое лицо является: «принадлежащим» лицам члена ВТО, если более чем 50 % доли участия в нем реально владеют лица этого члена; «контролируемым» лицами члена ВТО, если такие лица имеют полномочия назначать большинство его директоров или иным образом законно направлять его деятельность; «связанным» с другим лицом, если оно контролирует или контролируется таким другим лицом; или, если оно и другое лицо оба контролируются тем же лицом. Перечень специфических обязательств России по отношению к ВТО по многим видам

услуг (юридическим, бухгалтерским, относящимся к налоговому консультированию, услуги в области рыболовства и др.) предусматривает только одну форма коммерческого присутствия — российское юридическое лицо.

Следует подчеркнуть, что в интересах обеспечения национальной безопасности отдельные нормы об ограничениях для иностранных инвесторов должны распространяться и на организации, созданные на российской территории, но находящиеся под контролем иностранного лица. Соответствующее положение содержится в Федеральном законе от 29 апреля 2008 года № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», в котором предусмотрено, что иностранными инвесторами признаются также находящиеся под контролем иностранных инвесторов организации, в том числе созданные на территории Российской Федерации. По данному закону российские организации, подконтрольные иностранным инвесторам, смогут совершать сделки, приводящие к установлению контроля над стратегическими обществами в установленном данным Законом порядке, то есть с согласия Правительственной комиссии.

Литература

1. Беккер К. Древняя история. М.: Альфа-книга, 2012. 981 с.
2. Всемирная история: в 6 т. М.: Наука, 2011. Т. 1. 882 с.
3. Зайцева О.П. Возникновение и развитие международных организаций // Вопросы истории. 1976. № 2. С. 58–74.
4. Инвестиции в России. 2015: статистический сборник / Росстат. М.: Росстат, 2015. 190 с.
5. Моравецкий В. Функции международной организации. М.: Прогресс, 1976. 191 с.
6. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. М.: Дело, 1998. 301 с.
7. Платежный баланс Российской Федерации // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm (дата обращения: 14.11.2015).
8. Право Европейского союза: учебник / под ред. С.Ю. Кашкина. 3-е изд. М.: Юрайт, 2010. 371 с.
9. Спасский И.Г. Русская монетная система. Л.: Изд-во государственного Эрмитажа, 1970. 211 с.
10. Шибеева Е.А. Право международных организаций. М.: Международные отношения, 1986. 237 с.
11. A working peace system. London, 1943. 191 p.
12. Bergsten C.F. Open Regionalism // The World Economy. 1997. V. 20. № 5. P. 545–565.
13. Carpenter Th. A historical perspective of regionalism // Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System / ed. by R. Baldwin, P. Low. Cambridge, 2009. P. 11–28.
14. Foner Er. Reconstruction: America's unfinished revolution, 1863–1877. Harper Collins, 2002. 671 p.
15. France and the Economic development of Europe (1800–1914). Routledge, 2000. 500 p.

16. Great Depression of 1873–1896 // *Business cycles and depressions: an encyclopedia*. New York: Garland Publishing, 1997. P. 148–49.
17. *Hirsh M.* The Sociology of International Economic Law: Sociological Analysis of the Regulation of Regional Agreements in the World Trading System // *European Journal of International Law*. 2008. V. 19. № 2. P. 278–282.
18. *Hobsbawm Er.* The Age of Empire (1875–1914). New York: Vintage Books, 1989. 557 p.
19. *Hurrell A.* Explaining the resurgence of regionalism in world politics // *Review of International Studies*. 2009. V. 21. № 4. 491 p.
20. *Mitrani D.* The functional theory of politics. London, 1975. 375 p.
21. *Pollac M.A.* The engines of European integration: delegation, agency and agenda setting in the EU. Oxfordpress, 2003. 191 p.
22. *Schmitt-Egner P.* The Concept of «Region»: Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // *Journal of European Integration*. 2002. V. 24. № 3. P. 171–193.
23. *Sehgal S.* The Evolution of NAFTA: An Experience in Regionalism // *India Quarterly: A Journal of International Affairs*. 2011. V. 66. № 3. P. 303–316.
24. *Steiner J., Woods L.* EU Law. Oxford press, 2009. 700 p.
25. *Tylecote An.* The long wave in the world economy. Routledge, 1993. 448 p.
26. *Weiler I.A.H.* The community system: the dual character of supranationalism // *Yearbook of European law*. 1981. № 1. P. 267–281.
27. *Zahrnt V.* How Regionalization can be a Pillar of a More Effective World Trade Organization // *Journal of World Trade*. 2005. V. 39. № 4. P. 671–699.

Literatura

1. *Bekker K.* Drevnyaya istoriya. M.: Al'fa-kniga, 2012. 981 s.
2. Vsemirnaya istoriya: v 6 t. M.: Nauka, 2011. T. 1. 882 s.
3. *Zajceva O.P.* Vozniknovenie i razvitie mezhdunarodny'x organizacij // *Voprosy istorii*. 1976. № 2. S. 58–74.
4. Investicii v Rossii. 2015: statisticheskij sbornik / Rosstat. M.: Rosstat, 2015. 190 s.
5. *Moravecckij V.* Funkcii mezhdunarodnoj organizacii. M.: Progress, 1976. 191 c.
6. *Neshataeva T.N.* Mezhdunarodny'e organizacii i pravo. M.: Delo, 1998. 301 s.
7. Platezhny'j balans Rossijskoj Federacii // Oficial'ny'j sajt Central'nogo banka Rossijskoj Federacii URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm (data obrashheniya: 14.11.2015).
8. Pravo Evropejskogo soyuza: uchebnik / pod red. S.Yu. Kashkina. 3-e izd. M.: Yurajt, 2010. 371 s.
9. *Spasskij I.G.* Russkaya monetnaya sistema. L.: Izd-vo gosudarstvennogo E'rmitazha, 1970. 211 s.
10. *Shibaeva E.A.* Pravo mezhdunarodny'x organizacij. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1986. 237 s.
11. A working peace system. London, 1943. 191 p.
12. *Bergsten C.F.* Open Regionalism // *The World Economy*. 1997. V. 20. № 5. P. 545–565.
13. *Carpenter Th.* A historical perspective of regionalism // *Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System* / ed. by R. Baldwin, P. Low. Cambridge, 2009. P. 11–28.
14. *Foner Er.* Reconstruction: America's unfinished revolution, 1863–1877. Harper Collins, 2002. 671 p.

15. France and the Economic development of Europe (1800–1914). Routledge, 2000. 500 p.
16. Great Depression of 1873–1896 // Business cycles and depressions: an encyclopedia. New York: Garland Publishing, 1997. P. 148–49.
17. *Hirsh M.* The Sociology of International Economic Law: Sociological Analysis of the Regulation of Regional Agreements in the World Trading System // European Journal of International Law. 2008. V. 19. № 2. P. 278–282.
18. *Hobsbawm Er.* The Age of Empire (1875–1914). New York: Vintage Books, 1989. 557 p.
19. *Hurrell A.* Explaining the resurgence of regionalism in world politics // Review of International Studies. 2009. V. 21. № 4. 491 p.
20. *Mitrani D.* The functional theory of politics. London, 1975. 375 p.
21. *Pollac M.A.* The engines of European integration: delegation, agency and agenda setting in the EU. Oxfordpress, 2003. 191 p.
22. *Schmitt-Egner P.* The Concept of «Region»: Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // Journal of European Integration. 2002. V. 24. № 3. P. 171–193.
23. *Sehgal S.* The Evolution of NAFTA: An Experience in Regionalism // India Quarterly: A Journal of International Affairs. 2011. V. 66. № 3. P. 303–316.
24. *Steiner J., Woods L.* EU Law. Oxford press, 2009. 700 p.
25. *Tylecote An.* The long wave in the world economy. Routledge, 1993. 448 p.
26. *Weiler I.A.H.* The community system: the dual character of supranationalism // Yearbook of European law. 1981. № 1. P. 267–281.
27. *Zahrnt V.* How Regionalization can be a Pillar of a More Effective World Trade Organization // Journal of World Trade. 2005. V. 39. № 4. P. 671–699.

S.A. Tkachenko

Integration and Supranationalism: Legal Form at the Regional Level

Formation of the law is a long historical process, which takes a number of steps. The initial step in the complex process of the formation of the legal system is ideology-driven expression of integration processes at various levels, by means of which the coordination of socially justified freedom of the individual and the particular interests of the cultural and historical community in which it operates is ensured. This approach is developed in this article through the opening of a supernational level of formation of legal systems.

Keywords: right; legal system; the formation of the legal system; legal genesis; integration processes; economic integration.



КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

Отзыв о диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата юридических наук И.О. Коноваловой «Механизм действия частного права: проблемные вопросы теории» (М.: РУДН, 2016. 188 с.)

Своевременность диссертационного исследования И.О. Коноваловой бесспорна и сомнений не вызывает. Значимость для теоретической юриспруденции основных результатов ее теоретико-правового исследования, которое завершилось написанием и защитой диссертации, состоит в том, что оно вносит свой посильный вклад в решение традиционно, но все еще не имеющего универсального решения вопроса о соотношении частного и публичного права, а также смежных с ним тем [3: с. 124–168]. В диссертации предлагается авторский вариант решения вопроса о критериях разграничения сфер частного и публичного права.

Новаторский характер теоретико-правовой разработки проблемы, посвященной механизму действия частного права, состоит и в том, что современный научный дискурс по поводу соотношения (разграничения) частного права и публичного права разворачивается на фоне имеющих место быть как крайних утверждений о приватизации публичного права или «публитизации» частного права, так и более сдержанных выводов об их конвергенции. Одновременно в условиях, при которых социальные, политические, экономические и духовно-культурные условия жизни формирующегося гражданского общества [1] в России обуславливают и все в большей степени востребуют частное право — регулятор со своей специфической природой, значимость исследования механизма его действия, несомненно, возрастает. Именно поэтому глубокий и всесторонний анализ все еще не нашедших своего конвенционального решения вопросов, связанных с особенностями действия частного права, является значимым для теоретической юриспруденции.

Элементы новизны, необходимые для развития теоретической юриспруденции современности, проявляются и в постановке проблемы, и в предложенном И.О. Коноваловой подходе к ее решению. В ее диссертации предпринимается попытка дать характеристику механизму действия частного права, который до сих пор не был предметом самостоятельного исследования на монографическом уровне. Стоит признать, что эта попытка оказалась весьма успешной.

Авторское видение механизма действия частного права нюансируется благодаря глубокому и всестороннему анализу факторов, вследствие чего такой механизм приобретает свойственную ему специфику [2: с. 32–50]. Своеобразие и специфика механизма действия частного права раскрываются посредством общей характеристики его стадий с точки зрения начального и конечного моментов, типичных приводимых в действие средств, объектов и каналов воздействия, результатов.

Для исследования, которое презентуется как теоретико-правовое, принципиальное значение и важность имеет то, что автор в ходе своего анализа конструирует и лексически оформляет авторское определение понятия «механизм действия права», предлагая на суд экспертов его краткую, афористичную формулировку. Авторская версия относительно механизма действия частного права выражается в том, что это — есть «последовательность этапов функционирования права, рассматриваемого в качестве системы правовых средств, которая в состоянии обеспечивать достижение определенного позитивного в правовом смысле результата» [2: с. 9].

Каждая из стадий, а именно: нормативного правового регулирования [2: с. 76–100], индивидуального правового регулирования [2: с. 101–133] и реализации прав и обязанностей [2: с. 134–151], которым посвящена отдельная глава с одноименным названием, полно и обстоятельно характеризуется по тем же параметрам, что и механизм действия частного права в целом.

В применении к каждой из рассматриваемых стадий механизма действия частного права автор диссертационного исследования решает вопрос о возможности и целесообразности использования в ее рамках средств, по своей природе являющихся публично-правовыми [2: с. 90–91; 100; 125–129; 133; 146–149; 151]. И для теоретико-правовой науки, и для наук отраслевого характера в этом видится особая значимость диссертации. В ситуации, когда существует реальная опасность разбалансирования частнопредправовой сферы вследствие неоправданного вмешательства государства в ее развитие, «дозированное» использование публично-правовых средств оказывается значимым условием эффективности частнопредправового регулирования.

Выявить и раскрыть новые и, без сомнения, перспективные в плане приращения научного знания направления, полезные для эффективного решения традиционных теоретических проблем помогает не только предложенное И.О. Коноваловой понимание механизма действия частного права, но и те параметры, ориентируясь на которые, такой механизм можно охарактеризовать полно и всесторонне. Так автор устанавливает и исследует стадии действия

частного права, определяет в общем виде условия его эффективности и возможные пути совершенствования характерных для него средств.

Заметим, что уместным представляется отказ диссертанта от традиционного для отечественной теории государства и права подхода, в соответствии с которым стадии действия частного права различаются с точки зрения процессов, составляющих их содержание. Ирина Олеговна, конечно, права в том, что «составляющие содержание действия права процессы, отражая отдельные стороны действия права, тем не менее, не всегда соотносятся между собой как последовательные этапы» [2: с. 70]. Предложенный в ее исследовании подход, предполагающий различение стадий по содержанию приводимых в действие правовых средств, представляется более удачным.

Отличительной чертой диссертации И.О. Коноваловой является стремление автора не абстрагироваться от человека (гражданина), а, напротив, использовать «человеческое измерение» в процессе переосмысления стадий и средств механизма действия частного права, обратив при этом пристальное внимание на основного актора, обеспечивающего и действие частного права, и его действительность — человека. Таковую исследовательскую установку стоит только приветствовать. Поскольку очевидно, что именно от усилий человека (гражданина) и актов его правомерного поведения в зависимость поставлены и практика оптимизации осуществления частного права, и совершенствование действующего права в целом, и эффективность функционирования государства как субъекта правового регулирования. Конечно, стоит согласиться и признать правоту утверждения И.О. Коноваловой, рассуждающей на страницах своего исследования об управляемости действия права, о том, что «названный процесс — это не просто смена явлений и состояний, а смена, происходящая при участии человека» [2: с. 17].

К числу очевидных достоинств работы стоит отнести и то, что диссертант обращается к психологическим аспектам темы, анализируя субъективно-личностные факторы (условия) в механизме действия частного права и уделяя необходимое внимание правосознанию субъекта [2: с. 157–159].

Выводы, полученные в ходе исследования механизма действия частного права и нашедшие отражение в обобщениях по параграфам и в заключении, являются вполне обоснованными. Они достаточно аргументированы и интересны для научного сообщества, их содержание в полной мере подтверждает теоретическую и практическую значимость проделанной диссертантом работы.

Предпринятое И.О. Коноваловой исследование не только позволяет выйти на новый уровень анализа проблем действия частного права, но и обеспечивает существенное повышение практической ценности научных изысканий в области совершенствования частнопроводного регулирования, а также открывает новые возможности для поиска путей и средств оптимизации действующего законодательства и правореализационной деятельности. В ходе исследования получены результаты, использование которых позволяет повысить эффективность обеспечения и защиты имущественных и личных неимущественных

прав. Автором выработаны рекомендации по использованию полученных научных выводов и обобщений. Результаты диссертационного исследования прошли необходимую апробацию.

Отмечая указанные выше и иные достоинства диссертации И.О. Коноваловой, заметим, тем не менее, что подготовленная рукопись дает научную почву для полемических размышлений по целому спектру вопросов. Отметим лишь некоторые из них.

В качестве самостоятельного монографического исследования, посвященного механизму действия частного права, диссертация И.О. Коноваловой, несомненно, актуальна в теоретико-методологическом плане. К числу наиболее привлекательных моментов стоит отнести попытку автора «взглянуть» на частную проблему, используя познавательные возможности современного научного поиска. И.О. Коновалова своим исследованием объективно способствует развитию того направления в науке, представители которого полагают, что стратегия отечественной теории государства и права поставлена в зависимость от разработок, обобщающих отраслевой материал. Подтверждением этому служит то, что диссертация подготовлена на прочном фундаменте межпредметных связей теории государства и права с такими отраслями частного права, как гражданское право, трудовое право, а также с конституционным правом РФ — основополагающей отраслью публичного права. Об том убедительно свидетельствует и нормативная, и научно-теоретическая основа диссертации [2: с. 172–178].

Одновременно, представляется, что диссертация выиграла бы, если бы ее автор расширила раздел введения, посвященный методологической основе исследования, за счет информации об инструментальном подходе к сущности права, который используется в диссертации, разъяснив при этом, как данный подход соотносится с иными мировоззренческими установками и доктринальными основаниями.

Значение диссертационного исследования, посвященного специфике механизма действия частного права, для развития общей теории государства и права состоит и в том, что изложенная в диссертации концепция является новой как по своим исходным установкам, так и по содержанию. Она демонстрирует способность быть средством внутреннего совершенствования, логической гармонизации и роста теоретического знания. В этом легко можно убедиться, обратившись к содержанию § 1 «Общая характеристика механизма действия права» первой главы диссертации «Теоретико-правовые основы анализа механизма действия частного права» [2: с. 12–32]. Соглашаясь с предложенным решением вопроса о теоретико-правовом фундаменте темы, на котором конструируется авторское понимание механизма действия частного права, стоит отметить, тем не менее, что без должного внимания автора остались такие понятия, как «механизм правового регулирования», «процесс правового регулирования», «правовой режим» и др. Они хорошо знакомы теоретико-правовому дискурсу. Поэтому следовало бы уточнить вопрос о соотношении этих понятий с основным понятием темы — механизмом действия частного права — и смежными с ним понятиями.

Большого внимания заслуживает и вопрос о значении правоприменения для обеспечения действенности (эффективного функционирования) частного права. Правоприменение в контексте темы диссертации проблематизируется в связи с вопросом о стадиях в механизме действия частного права. Соглашаясь с позицией И.О. Коноваловой в том, что «в публичном праве стадия индивидуального правового регулирования является стадией правоприменения, в частном праве — стадией саморегулирования» [2: с. 72], отметим один существенный момент. В случае возникновения спора индивидуальное правовое регулирование в форме применения права начинает играть в механизме действия частного права столь же значимую роль, что и в механизме действия публичного права.

Явно недостаточно внимания уделено и вопросу об отличиях частного права и публичного права в связи с механизмом их действия и действенности (качества функционирования). Автор в результате анализа в рамках второй главы диссертации делает вывод о том, что различия между механизмом действия частного и публичного права обусловлены несовпадением предмета, целей и принципов организации регулирования в публичном и частном праве. Тем не менее трудно абстрагироваться от того, что и публичное, и частное право не действуют сами по себе, поскольку не имеют для этого необходимой витальной энергии. Принимая во внимание эту очевидность, представляется, что не стоит игнорировать общие генетические закономерности и общий механизм социально-психологического действия публичного и частного права.

В контексте механизма социально-психологического действия и частного, и публичного права и «конгениальности» его субъекта полагаем, что в преддверии акта активности конструирование его образа осуществляется правосознанием субъекта, отличающимся индивидуальностью, уникальностью, специфичностью, оригинальностью и одновременно социокультурной обусловленностью. В механизме социально-психологического действия на уровне саморегуляции правосознание выполняет такие функции, как регулирующая, познавательная, аксиологическая, идентификационная, мировоззренческая, социально-преобразующая.

Правосознание субъекта и публичного права, и частного права как явлений нравственно-духовного порядка, элементы которого — правовая идеология и правовая психология — характеризуются разной степенью психической активности, продуцирует творческое начало в механизме перевода (либо нет) ценностных характеристик права в практическую область. С другой стороны, правосознание обеспечивает витальной энергией механизмы интериоризации правовых ценностей, которые вне субъективной реальности гражданина теряют возможность быть воплощенными в реальный правопорядок. Для того чтобы обеспечить должное правовое качество общественной жизни, степень активности правосознания людей (граждан) должна быть достаточно велика. Это образует самое глубокое основание качественного изменения и определяет эволюционную динамику правовой жизни общества, сферы и частного, и публичного права.

Едва ли стоит признать истинным утверждение диссертанта о том, что «для частного права характерны специфические функции, посредством осуществления которых достигаются его цели» [2: с. 44]. Приведенный довод [2: с. 46] не вполне убедителен. Представляется, во-первых, что регулятивная и охранительная функции универсальны, в равной мере присущи как публичному, так и частному праву. Те содержательные различия, которые в данном случае можно обнаружить, отнюдь не указывают на то, что «в сущности, имеет место факт обозначения содержательно различных функций одними и теми же терминами» [2: с. 46]. Во-вторых, более эвристически перспективным, думается, был бы анализ функций частного права в контексте формирования гражданского правосознания как основы культуры гражданского типа.

Е.М. Крупеня

Литература

1. Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение: коллективная монография / под ред. О.И. Цибулевской. Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2013. 404 с.
2. Коновалова И.О. Механизм действия частного права: дис. ... канд. юрид. наук. М.: РУДН, 2016. 188 с.
3. Кривенький А.И., Крупеня Е.М. Особенности регулирования защиты прав человека в публичном и частном праве // Права человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2 кн. / под общ. ред. А.И. Кривенького. Кн. 1. М.: МГПУ, 2016. 420 с.

Literatura

1. Vzaimodejstvie grazhdanskogo obshhestva i gosudarstva v Rossii: pravovoe izmerenie: kolektivnaya monografiya / pod red. O.I. Cibulevskoj. Saratov: Povolzhskij institut upravleniya im. P.A. Stoly'pina, 2013. 404 s.
2. Konovalova I.O. Mexanizm dejstviya chastnogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk. M.: RUDN, 2016. 188 s.
3. Kriven'kij A.I., Krupenya E.M. Osobennosti regulirovaniya zashhity' prav cheloveka v publicnom i chastnom prave // Prava cheloveka v usloviyax globalizacii i ix zashhita v mezhdunarodnom chastnom prave (mezhdisciplinarnoe issledovanie): kolektivnaya monografiya: v 2 kn. / pod obshh. red. A.I. Kriven'kogo. Kn. 1. M.: MGPU, 2016. 420 s.

**Рецензия на монографию доктора
юридических наук, профессора
Д.А. Пашенцева «Правовые традиции
России в условиях глобализации»
(М.: Юркомпани, 2016. 107 с.)**

В современных условиях вопросы, связанные с глобализацией и различными аспектами ее воздействия на развитие национальных правовых систем, приобрели высокую степень актуальности. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в юридических и политологических журналах. Гораздо реже можно встретить монографии на эту тему. И поэтому работа профессора Д.А. Пашенцева «Правовые традиции России в условиях глобализации» привлекает внимание.

Безусловно, автор не первый, кто обратил свое внимание на проблему правовых традиций России и влияние на них глобализационных процессов. В последнее время вышел целый ряд научных статей достаточно высокого качества, посвященных данной проблематике. К их числу, например, относятся публикации профессора А.А. Дорской, которая исследует данный вопрос с точки зрения международного права [1]. Отметим, что и сам автор рецензируемой монографии также предварительно опубликовал несколько статей по данному вопросу [2; 3]. В итоге монография стала своего рода обобщением и подведением итогов исследования автором этой непростой и важной темы.

Монография состоит из двух глав. В первой главе автор рассматривает доктринальные и теоретические подходы к пониманию правовых традиций, а также анализирует особенности российской правовой традиции.

Рассматривая различные попытки сформулировать и обосновать доктринальное и практическое понимание правовой традиции, автор рецензируемой монографии на этой основе дает собственное определение: «правовая традиция — это исторически сложившаяся и развивающаяся совокупность принципов построения правовой системы, которая выражается в нормах, правовых обычаях, понятиях, ценностях и представлениях» [4: с. 9]. Правовая традиция, по мнению Д.А. Пашенцева, представляет собой право в развитии, в объективной и субъективной обусловленности, в особенностях применения и интерпретации.

Примечательно, что автор рассматривает правовую традицию не только как нормы и правовые обычаи, но и как породившие их обстоятельства, теоретические концепции и особенности правоприменения.

В монографии представлена авторская концепция факторов, детерминирующих правовую традицию и формирующих ее особенности. К ним автор относит географическое положение страны, природно-климатические условия, население, его численность, плотность и национальный состав, историческую судьбу страны и ее народа, условия рецепирования зарубежного законодательства, господствующую религию, язык как средство восприятия и одновременно конструирования социальной действительности.

В контексте правовой традиции автор монографии рассматривает и понятие правовой системы и дает собственное определение: «Правовая система — это структурированная совокупность правовых норм, институтов и правоприменительных механизмов, существующих в данном конкретном государстве, достигших достаточно высокой степени развития, исторически обусловленных и соответствующих определенному уровню правосознания» [4: с. 16].

Во второй главе исследовано влияние глобализации на правовые традиции России.

Автор рассматривает глобализацию как комплексный, многоплановый процесс, в основе которого лежат как субъективные, так и объективные факторы. В монографии отмечается, что цель глобализации состоит в уничтожении национальных правовых традиций, формировании единых правовых стандартов и механизмов. В этих условиях для правовой традиции стратегия сопротивления глобализационным процессам становится стратегией выживания [4: с. 63].

Исследуя особенности и механизмы влияния глобализации на правовую традицию, автор монографии уделяет особое внимание деятельности транснациональных корпораций, которые рассматриваются как движущие силы глобализации, ее главные «заказчики».

Важно, что автор не ограничивается теоретическими рассуждениями о направлениях влияния глобализации на правовую традицию России, но по итогам проведенного исследования формулирует конкретные практические предложения, которые направлены на смягчение негативных последствий воздействия глобализации на российскую правовую систему. Эти предложения направлены на сохранение той части правовой традиции, которая отвечает национальному правосознанию и сохраняет свою востребованность в современных условиях.

Отметим, что монография имеет достаточно небольшой объем, и это не позволило подробно раскрыть ряд интересных положений, которые высказаны автором в тезисном виде. Надеемся, что работа получит свое продолжение и концепция автора будет представлена читателю в более развернутом виде.

В целом рецензируемую монографию можно оценить как актуальное и качественное научное исследование, которое поднимает целый ряд важных для современной отечественной юриспруденции проблем.

А.Г. Чернявский

Литература

1. *Дорская А.А.* Российская правовая традиция в условиях новых вызовов международному сотрудничеству в рамках международных организаций // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2016. № 3. С. 17–23.

2. *Пашенцев Д.А.* Влияние международных финансовых организаций на динамику правовой традиции России // Вестник Академии права и управления. 2016. № 42. С. 15–18.

3. *Пашенцев Д.А.* Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 29–32.

4. *Пашенцев Д.А.* Правовые традиции России в условиях глобализации. М.: Юркомпани, 2016. 107 с.

Literatura

1. *Dorskaya A.A.* Rossijskaya pravovaya tradiciya v usloviyah novy'x vy'zovov mezhdunarodnomu sotrudnichestvu v ramkax mezhdunarodny'x organizacij // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2016. № 3. S. 17–23.

2. *Pashencev D.A.* Vliyanie mezhdunarodny'x finansovy'x organizacij na dinamiku pravovoj tradicii Rossii // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2016. № 42. S. 15–18.

3. *Pashencev D.A.* Rossijskaya pravovaya tradiciya pred vy'zovom globalizacii // Yuridicheskaya nauka. 2016. № 1. S. 29–32.

4. *Pashencev D.A.* Pravovy'e tradicii Rossii v usloviyah globalizacii. M.: Yurkompani, 2016. 107 s.

**Рецензия на монографию
кандидата юридических наук,
профессора В.А. Северухина
«Российская государственность:
современные проблемы
и перспективы (правовые аспекты)»
(М.: МГПУ, 2016. 116 с.)**

В современных условиях, когда продолжается реформирование системы государственной власти в России, важное теоретическое и практическое значение имеет научный анализ ключевых проблем отечественной государственности. В связи с этим тема монографии В.А. Северухина представляется актуальной.

В рецензируемой работе представлен авторский подход к насущным проблемам российской государственности в правовом аспекте [1]. Следует сразу обратить внимание на комплексное изложение проблематики, а также на тот факт, что монография выступает логичным продолжением ряда работ автора, посвященных той же проблематике [2; 3].

Работа выстроена с точки зрения логики изложения безупречно. Монография состоит из восьми разделов (нет деления на главы). Автор начинает с общетеоретических вопросов содержания понятий «государство» и «государственность», четко определяя их соотношение. Не всегда соглашаясь с позициями других теоретиков права (автор напоминает нам позиции И.А. Исаева, М.Н. Марченко, А.Б. Венгерова, А.В. Воронина, Л.А. Морозовой, В.Е. Чиркина, В.Е. Гулеева, Ю.А. Веденеева, И.Л. Бачило, В.К. Бабаева), автор отмечает их недостаточность, нечеткость того, что же представляет собой государственность в относительно короткие конкретные исторические периоды времени. Представляется обоснованным мнение В.А. Северухина о том, что в современном обществе, обществе, как сейчас его определяют философы, информационно-матричной демократии, с новым уровнем технологий, необходимо проводить исследования на более точных основах — математического анализа, методов кибернетики, метода моделирования. К этому хотелось бы добавить и широкое применение методов социологической науки (о которых, к сожалению, автор не упоминает). Проблему усложняет и тот факт, как справедливо отмечает автор, что в гуманитарной науке, коей является юриспруденция, отсутствует единый классификатор базовых определений различных моделей

государственности. В настоящее время перспективным направлением развития гуманитарных наук, и в частности юриспруденции, является использование и сочетание достижений и подходов (методологий и методов) различных наук, конвергенция наук. Да и в самой теории права зачастую при изучении базовых институтов и понятий не включают некоторые существенные характеристики государственности (относя их к предмету изучения политологии) — политико-правовой режим (а не просто «формы правления», «политический режим»), развитость (неразвитость) институтов гражданского общества, плюрализм форм собственности, уровень демократии, уровень жизни (качество жизни) и др. Предлагаются четыре подхода, обозначенные впервые Яном Форстером в работе «Модели параллельного программирования». Математические методы прогнозирования и моделирования должны применяться более широко, это позволит (помимо преимуществ более научного и объективного подхода) исключить возможности волюнтаристских и чисто политических решений в государственной политике. Автор работы предлагает модульный подход на базе имеющихся в юриспруденции категорий систем и подсистем, что представляется правильным, и выделяет три уровня оценки государственности: конституционная модель, конституционно-правовая модель и такие сферы правоприменения, как административная и судебная юрисдикции.

В третьем и четвертом разделах автор предлагает анализ конституционной модели российской государственности, соотносит ее с социально-правовыми реалиями сегодняшнего дня.

Продолжая объемное рассмотрение темы, в пятом, шестом и седьмом разделах В.А. Северухин определяет системные и структурные проблемы государственности с позиций ЕСПЧ, затем в соотношении с принципами (правовыми позициями) Совета Европы и собственно с российских позиций. Данная часть монографии мне представляется особенно актуальной.

Восьмой раздел посвящен подведению некоторых итогов — на уровне методологических оценок государственно-правовых явлений в целом. Автор видит современную интерпретацию данной проблематики в русле позиций В.С. Нерсесянца, который указывал на очевидный факт того, что объективный процесс глобализации неизбежно должен привести к универсализации в сфере права и государства [1: с. 103]. Следует согласиться с выводом автора, что правовые ценности и правовые явления (например, преступность) — не одно и то же. При этом государства одной социокультурной формации [1: с. 105] имеют общие закономерности развития. Не является адекватным решением в реалиях светского государства заменять универсальные ценности прав человека, международных правовых стандартов религиозными канонами. С этим выводом автора нельзя не согласиться.

Автор в заключении еще раз обосновывает необходимость применения математического метода (и перехода на цифровые показатели эффективности государственного механизма), который нужно использовать сегодня. Рекомендация одна — более масштабно исследовать и разрабатывать методы оценки и моделирования правовых явлений в современной России.

Монография написана четким и понятным научным языком. Она будет полезна и для специалистов-юристов (не только теоретиков права), и для политологов, для функционеров всех ветвей власти (депутатов, государственных служащих, руководителей органов исполнительной власти и их структурных подразделений, работников судебной системы), призванных осуществлять на федеральном и региональном уровнях правотворческую и правоприменительную деятельность. Кроме того, рецензируемая работа предназначена для обучающихся на всех ступенях по направлению «Юриспруденция» и, прежде всего, тем из них, кто завершает обучение в вузе (выбор темы выпускной квалификационной работы, подготовка к государственным экзаменам), а также магистрантам и аспирантам в написании диссертаций. Это работа глубокого ученого. Прочитайте этот труд.

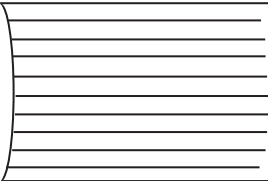
М.В. Яровая

Литература

1. *Северухин В.А.* Российская государственность: современные проблемы и перспективы (правовые аспекты). М.: МГПУ, 2016. 116 с.
2. *Северухин В.А.* Подходы к пониманию государственности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2010. № 2. С. 66–72.
3. *Северухин В.А.* Современные проблемы российской государственности: учеб. пособие. М.: МГПУ, 2013. 187 с.

Literatura

1. *Severuxin V.A.* Rossijskaya gosudarstvennost': sovremennye problemy' i perspektivy' (pravovy'e aspekty'). M.: MGPU, 2016. 116 s.
2. *Severuxin V.A.* Podxody' k ponimaniyu gosudarstvennosti // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2010. № 2. S. 66–72.
3. *Severuxin V.A.* Sovremenny'e problemy' rossijskoj gosudarstvennosti: ucheb. posobie. M.: MGPU, 2013. 187 s.



**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2017, № 1 (25)**

Азнагулова Гузель Мухаметовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета (AGM09@mail.ru).

Гуринская Анна Леонидовна — кандидат юридических наук, доцент юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена, факультета свободных искусств и наук СПбГУ (anna.gurinskaya@gmail.com).

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (adorskaya@yandex.ru).

Калмыкова Анастасия Дмитриевна — аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (KalmykovaAD@mgpu.ru).

Куксин Иван Николаевич — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (proffkuk-1944@yandex.ua).

Крупеня Елена Михайловна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (krupenyaem@yahoo.com).

Маньшин Сергей Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Курского государственного университета, адвокат Курской городской коллегии адвокатов «Защита» (s.manshin@mail.ru).

Николаев Андрей Игоревич — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (NikolaevAI@mgpu.ru).

Орлова Инна Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ (innaorlova@yandex.ru).

Ткаченко Сергей Александрович — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (tkachenko.s.a.@yandex.ru).

Топоркова Марина Константиновна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (ToporkovaMK@mgrpu.ru).

Чернявский Александр Геннадьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского института государственного управления и права (info@migup.ru).

Честнов Илья Львович — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права СПбЮИ(Ф) АГП РФ (ichestnov@gmail.com).

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (ChurilovSN@mgrpu.ru).

Яровая Марина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (mare777@yandex.ru).

Яшин Андрей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правоохранительная деятельность» Пензенского государственного университета (andrej.yaschin@yandex.ru).

AUTHORS
of «Vestnik Moscow City University»,
Series of «Legal Sciences», 2017, № 1 (25)

Aznagulov Guzel Mukhametovna — PhD in Law, associate professor, assistant professor, Theory of State and Law department, Institute of Law the Bashkir State University (AGM09@mail.ru).

Gurinskaya Anna Leonidovna — PhD in Law, assistant professor, law faculty, RGPU named after Herzen, faculty of Culture and Science (anna.gurinskaya@gmail.com).

Dorskaya Aleksandra Andreyevna — Grand PhD in Law, professor, head of the department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (adorskaya@yandex.ru).

Kalmykova Anastasia Dmitrievna — post graduate student, the department of State and Legal Disciplines, law institute, Moscow City University (KalmykovaAD@mgpu.ru).

Kuksin Ivan Nikolaevich — PhD in Law, professor, Criminal Law department, Law institute, Moscow City University (proffkuk-1944@yandex.ua).

Krupenya Elena Mihailovna — PhD in Law, associate professor, department of Theory and History of State and Law, Law institute, Moscow City University (krupenyaem@yahoo.com).

Manshin Sergey Viktorovich — PhD in Law, associate professor, Civil Law department, Kursk State University, advocate of Kursk city bar «Zashchita» (s.manshin@mail.ru).

Nikolaev Andrey Igorevich — senior lecturer, department of State and Legal Disciplines, Law institute, Moscow City University (NikolaevAI@mgpu.ru).

Orlova Inna Anatolevna — PhD in Law, associate professor, assistant professor, department of European Studies, faculty of International Relations, St. Petersburg State University (innaorlova@yandex.ru).

Tkachenko Sergei Aleksandrovich — post graduate student, FGNIU «Institute of Legislation and Comparative Legal Studies Affiliated to the Government of the Russian Federation» (tkachenko.s.a.@yandex.ru).

Toporkova Marina Konstantinovna — PhD in Law, assistant professor, department of State and Legal Disciplines, Law institute, Moscow City University (ToporkovaMK@mgpu.ru).

Chernyavsky Aleksandr Gennadevich — Grand PhD in Law, professor, head of the department of State and Legal Disciplines, Moscow Institute of Public Administration and Law (info@migup.ru).

Chestnov Ilya Lvovich — Grand PhD in Law, professor of the department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute (F) AGPRF, honored lawyer of the Russian Federation (ichestnov@gmail.com).

Churilov Sergey Nikiforovich — Grand PhD in Law, Professor, department of Criminal Law of the Legal Institute, Moscow City University (ChurilovSN@mgpu.ru).

Yarovaya Marina Vyacheslavovna — PhD in Law, assistant professor, Theory and History of State and Law department, lawi, Moscow City University (mare777@yandex.ru).

Yashin Andrei Vladimirovich — PhD in law, assistant professor, Law Enforcement department, Penza State University (andrej.yaschin@yandex.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к главному редактору *Дмитрию Алексеевичу Пашенцеву* (Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, кафедра теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета). Телефон редакции: (499) 959-55-51. E-mail: dp-70@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 1 (25), 2017

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

С.П. Пузырьков

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М.В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А.В. Бармин, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 13.03.2017 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Объем: 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.